

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Нешков Сергей Владимирович

**ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ,
МЕТОДЫ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Специальность 23.00.06 – Конфликтология
(по политическим наукам)

Научный руководитель:
доктор политических наук, с.н.с.
МАНОЙЛО АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Москва – 2022

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования роли информационных технологий в обеспечении политической стабильности государства и общества.....	22
1.1. Информационные технологии в системе инструментов современной политической коммуникации.....	22
1.2. Современные научные подходы к исследованию форм и методов обеспечения политической стабильности государства и общества.....	39
1.3. Технологический подход к управлению политической стабильностью.....	56
1.4. Условия сохранения политической стабильности в российском обществе в контексте появления новых вызовов и угроз.....	67
Глава 2. Новые вызовы и угрозы политической стабильности российского государства и общества.....	85
2.1. Специфика и источники возникновения новых вызовов и угроз политической стабильности российского общества на современном этапе.....	85
2.2. Классификация и типология новых вызовов и угроз политической стабильности Российской Федерации.....	122
2.3. Технологии конфликтной мобилизации и их роль в организации и координации массовых протестов.....	128
2.4. Технологии разжигания межнациональной, межконфессиональной розни.....	141
2.5. Технологии политизации социальных и экологических протестов в Российской Федерации.....	151
2.6. Особенности воздействия «фейк-ньюс» на сознание российских граждан.....	155
Глава 3. Особенности противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности Российской Федерации в информационной сфере.....	162
3.1. Основные стратегии, формы и методы противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации.....	162
3.2. Технологии противодействия конфликтной мобилизации в Интернете и социальных сетях.....	181
3.3. Технологии перехвата информационной повестки в операциях информационной войны и в информационных атаках с использованием «фейковых» новостей.....	184
3.4. Технологии перехвата управления информационными кампаниями.....	189
3.5. Технологии кризисной коммуникации со СМИ.....	191
Заключение.....	200
Библиография.....	206

Введение

Актуальность темы исследования определяется рядом факторов.

Во-первых, в последние годы наблюдается увеличение числа несанкционированных акций радикального сегмента оппозиции, фиксируемое на фоне снижения рейтингов ключевых акторов системы публичной власти (в частности, электорального потенциала партии «Единая Россия»).

Во-вторых, увеличивается тенденция к политизации экологических и социальных протестов. Последнее стало в особенности заметно после анонсирования пенсионной реформы 2018 г. При этом даже акции локального уровня сопровождаются выдвижением претензий не только к местным, но и федеральным властям.

В-третьих, наблюдается изменение формата межнациональных конфликтов. В предшествующие годы они происходили преимущественно между представителями диаспор и коренного населения и носили локальный характер. Однако в рамках последних кейсов столкновения происходят на границах сопредельных национальных республик. И поводом для их возникновения служат не бытовые конфликты между представителями двух этносов, а изменение административных границ регионов либо земельные конфликты между этническими общинами.

В-четвертых, произошел качественный рост влияния на протестную активность такого фактора, как недостоверные новости, распространяемые в Интернете (или так называемые фейковые новости).

В-пятых, ощутимые риски для внутривнутриполитической стабильности РФ порождает отказ руководства зарубежных социальных медиа выполнять требования российского законодательства в отношении распространения и хранения информации. Одновременно на их площадках зарубежных социальных медиа фиксируется широкомасштабное применение антироссийской цензуры в интересах властей США и государств Западной Европы.

Наконец, значимым источником информационной угрозы остается широкое распространение мобильных устройств зарубежного производства, скрывающих в себе значительный потенциал с точки зрения хищения личных сведений пользователя и корпоративной переписки. Значимость данного фактора увеличивают активное сотрудничество зарубежных технологических корпораций со спецслужбами соответствующих государств и широкое распространение практики рекрутирования руководителей структурных подразделений данных компаний из числа бывших сотрудников спецслужб, правоохранительных ведомств, администраций глав государств и правительств.

Перечисленные риски отмечены в обновленной редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В ее рамках также особо подчеркивается, что информационное пространство все более активно осваивается в качестве новой сферы ведения военных действий. Информационные кампании превращаются в один из главных инструментов обеспечения морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства. Развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия официально закреплены в перечне национальных интересов Российской Федерации. Информационная безопасность также определяется как один из стратегических национальных паритетов, реализация которых должна обеспечить защиту национальных интересов России¹.

В силу обозначенных причин в настоящее время вопросы обеспечения политической стабильности встают особенно остро. При этом становится очевидно, что достижение политической стабильности невозможно вне контекста актуализации и расширения инструментария соответствующих

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

политических технологий, в первую очередь – информационных.

Степень научной разработанности темы исследования.

Научные труды, напрямую затрагивающие тему представленного исследования, можно условно разделить на пять основных групп.

К **первой группе трудов** относятся работы, посвященные современным технологиям обеспечения политической стабильности. В общем виде соответствующая проблематика была раскрыта в статьях И.В. Бочарникова, З.К. Аюповой, М.Б. Бобылева, О.М. Михайленка, Н.П. Медведева, Е.В. Ефановой, Н.П. Распопова и А.В. Старцева².

Вопрос о применении информационных технологий в рамках обеспечения политической стабильности посредством диагностики и прогнозирования протестных настроений был раскрыт в монографии П.М. Козыревой³ и статьях И.В. Бондарева, Д.П. Каранова, С.Д. Гаврилова, Е.В. Балацкого, Н.А. Екимовой, Ф.М. Бородкина, И.И. Бузовского, Ю.А. Левады, П.И. Мтиулишвили, Шангутова О.А. и ряда иных авторов⁴.

---

² Бочарников И.В. Нейтрализация угроз дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России посредством реализации информационных технологий. // Человеческий капитал. 2021. № 9 (153). С. 11–28; Аюпова З.К., Kussainov D.U., Dzhankadyrov S.S. Tolerance as the basis of political culture and ensuring stability in the society // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2022. Т. 11. № 1 (41). С. 60-64; Бобылев М.Б., Ковалева Е.В. Концепт «политическая стабильность» в западном и отечественном политическом дискурсе последнего десятилетия // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 4 (18). С. 89-101; Михайленок О.М. Политическая модернизация и политическая стабильность: российский дискурс // Россия и современный мир. 2012. № 3 (76). С. 47-61; Медведев Н.П. Современные проблемы достижения политической стабильности: научные подходы и политическая практика // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 41-51; Ефанова Е.В., Пойлов А.Н. Политическая стабильность России в условиях политической модернизации // European Social Science Journal. 2013. № 2 (30). С. 492-499; Распопов Н.П. Социально-политическая стабильность региона - субъекта РФ // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 89-99; Старцев А.В. Роль политических и экономических факторов в сохранении стабильности политической системы современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 113-117.

³ Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI веков. М., 2004;

⁴ Бондарев И.В. Влияние протестов “Black Lives Matter” на президентскую гонку в США в 2020 г. // Гуманитарный акцент. 2021. № 2. С. 36-41; Каранов Д.П. Политическая активность в Индонезии в 2015-2019 гг.: конфликтологическое измерение // Инновационные научные исследования. 2021. № 5-2 (7). С. 274-280; Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве

В рамках этих исследований тема получила подробное освещение. Однако зачастую отдельные авторы достаточно узко либо, напротив, излишне широко трактуют само понятие «политическая стабильность». Как следствие, формулируемые ими подходы предполагают либо отказ от комплексных стратегий обеспечения стабильности, либо консервацию существующей политической системы независимо от изменений внешней конъюнктуры.

Ко **второй группе трудов** относятся работы, посвященные теме противодействия попыткам дестабилизации политической системы за счет использования информационных технологий.

Методы информационного воздействия на участников социальных конфликтов с целью переориентации их активности в сторону политических интеракций были изучены в статьях К.М. Макаренко, К.Ш. Чмель, Е.В. Сальникова, В.Г. Бондарева, Г.В. Черкасской, А.Н. Усовой и Е.В. Наумовой⁵.

волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192-203; Балацкий Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18–25; Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2007. № 3. С. 85 – 94; Бородкин Ф.М. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. Т. 6, № 4. С. 107–150; Бузовский И.И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. С. 169–176; Красильникова М.Д. Динамика социальных настроений и их влияние на поведение населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 1; Она же. О методике расчета индекса социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 51 – 59; Левада Ю.А. Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 6; Мтиулишвили П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 55 – 64; Прилутская О.А. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления // Вестник ОГУ. 2001. № 4. С. 40–44; Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34; Шангутов О.А., Шангутов А.О. Превентивная идентификация районов социальной напряженности // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 1. С. 101-122.

⁵ Макаренко К.М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 12-20; Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83-98; Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Противодействие расизму в спорте или его

Тема противодействия использованию информационных технологий в рамках организации «цветных революций» получила широкое освещение в статьях А.В. Манойло, В.Р. Фейзова, Б.А. Исаева, О.Г. Карповича, А.О. Наумова, Д.М. Гаджиева, Э.Э. Шульца, О.Ф. Русаковой, А.В. Гилева и Н.А. Пономарева⁶.

Их отличает широкое использование системного подхода и практикоориентированность. Однако наличие существенного временного лага между описываемыми событиями и временем выхода публикации предопределяет возникновение значимой проблемы: последние актуальные кейсы из российской и международной практики не всегда находят в них

новый виток: противоречивые практики движения Black Lives Matter // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 2. С. 111-124; Бондарев В.Г., Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И. От социальной политики к конфликту, от конфликта к социальной политике // Конфликтология. 2015. № 2. С. 76-89; Черкасская Г.В. Систематизация конфликтов в социально-экономических системах в контексте теории управления социальными конфликтами // Экономика нового мира. 2017. № 4 (8). С. 4-25; Усова А.Н. Роль социальной стратификации в социально-политическом конфликте в современной России // Конфликтология. 2013. № 3. С. 220-226; Наумова Е.В. Социальный конфликт как элемент технологии социального управления // Вестник НГУЭУ. 2012. № 4-1. С. 197-206.

⁶ Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24-28; Фейзов В.Р. Цветные революции и безопасность коммуникаций и данных в условиях существования современных олигополий // Проблемы управления безопасностью сложных систем. Материалы XXIX международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 222-226; Исаев Б.А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» // Конфликтология. 2014. № 2. С. 43-63; Карпович О.Г. «Революция зонтиков» в Гонконге: признаки цветной революции // Политика и общество. 2015. № 4 (124). С. 543-548; Наумов А.О., Демин Д.В. "Цветные революции": отечественная историография проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2022. № 1. С. 106-120; Гаджиев Д.М. Управляемые «цветные революции»: некоторые региональные признаки и особенности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 77-80; Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 19 (256). С. 46-54; Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 42-47; Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение "цветные революции"? // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 107-121; Пономарев Н.А., Нешков С.В. Видеоигра "People Power" как средство подготовки организаторов кампании ненасильственной борьбы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 4, с. 99-111; Пономарев Н.А., Балтодано У.А.С, Нешков С.В., Майлис А.А. Организация инфраструктуры протестных акций (на материалах Евромайдана) // Информационные войны. 2018. № 2 (46). С. 51-56.

отражение. Соответствующая информация появляется лишь в более поздних исследованиях. Эту тенденцию подкрепляет также иной объективный фактор: исследователи стремятся всесторонне проанализировать исследуемые кейсы, ориентируясь на выявление новых практик, что подразумевает необходимость существенных временных затрат.

К третьей группе трудов относятся работы, посвященные использованию информационных технологий в целях дестабилизации политической системы либо обеспечения протестной активности.

Комплексное применение социальных медиа в целях дестабилизации политической ситуации подробно осветили в статьях А.И. Гончаровой, А.А. Хохловой, О.В. Демидов, А.Г. Восканян, З.С. Хабекировой, Е.Г. Ним, Т.В. Рогович, М.А. Тарусиной, Д.Н. Карзубова и К.В. Априянц⁷.

Д.Н. Смирнов, Л.Н. Синельников и А.Б. Шатилов раскрыли в своих статьях вопрос о новых формах информационно-пропагандистского сопровождения политических конфликтов в социальных медиа⁸.

---

⁷ Гончарова А.И. Применение социальных сетей в целях дестабилизации политической ситуации государства // *Инновации. Наука. Образование*. 2022. № 53. С. 870-872; Хохлова А.А. Особенности динамики социально-политической дестабилизации монархий БВСА до и после "арабской весны" // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 3. С. 50-58; Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности // *Индекс безопасности*. 2011. Т. 17. № 4 (99). С. 59-76; Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 65-86; Восканян А.Г., Почта Ю.М. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 79-97; Хабекирова З.С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 138 – 144; Ним Е.Г. «Игрушко митингу»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 1. С. 55 – 70; Рогович Т.В. «Антиязык» как социальная форма языка на примере российского протестного дискурса 2011-2012 годов // *Вестник Томского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 199 – 208; Тарусин М.А. Наши протесты // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 4. С. 188 – 191; Карзубов Д.Н. Мобилизация протестной активности пользователей социальных медиа в России (2011-2017 гг.) // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 8. С. 244 – 257; Априянц К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 118-121.

⁸ Смирнов Д.Н. Реализация средств делигитимации в ходе «оранжевой революции» //

Ряд аспектов заявленной проблематики освещается в работах, посвященных изучению системы организации массовых политических протестов на основе киберметрии. В первую очередь это касается статей А.А. Азарова, Е.В. Бродовской, О.В. Дмитриевой, А.Ю. Домбровской, А.А. Фильченкова и А.В. Вахромеевой, И.В. Ксенофонтовой, А.В. Петрушиной и С.Г. Ушкина⁹.

В контексте изучения технологий выстраивания протестной политической мифологии в своих монографиях раскрыли тему А.М. Цуладзе, и Н.И. Шестов¹⁰.

Е.С. Васецова, Е.М. Куликов, Д.Ю. Поминов и Г.Г. Почепцов в своих статьях изучили технологии воздействия на общественное мнение, используемые в рамках дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в постсоветских государствах в последние десятилетия¹¹.

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т.7. № 5. С. 171 – 177; Синельникова Л.Н. Информационная война Ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95 – 101; Шатилов А.Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI века // Власть. 2014. № 7. С. 56 – 58.

⁹ Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013). Часть I // Социология Интернет и новых технологий. 2014. № 2. С. 63 – 78; Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013). Часть II // Социология Интернет и новых технологий. 2014. № 3. С. 56 – 74; Азаров А. А., Бродовская Е. В., Вахромеева А.В. Мемы и социоинженерные атаки в виртуальном пространстве // Труды СПИИРАН. 2013. № 7. С. 88–121; Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114–116; Петрушина А.В. Дискурс политического протеста в сообщениях новостных Интернет-сайтов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1; Ушкин С.Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8. С. 138 – 142.

¹⁰ Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М., 2005.

¹¹ Васецова Е.С. Противодействие Российской Федерации исламистским террористическим организациям // Социально–гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 121–131; Куликов Е.М. Слухи-пугала и их социальные последствия в современной России // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 169 – 175; Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №. 114. С. 370 –

Процесс политизации экологических протестов нашел отражение в статьях К.А. Гаустова, К.Ш. Чмель, О.С. Нагорной, Г.Л. Шаматовой и Д.А. Ежова¹².

Динамика развития межнациональных и межэтнических конфликтов и роль информационных технологий в их разжигании в современной России нашли отображение в статьях М.М. Шарафулина, Н.Н. Целищева, Ш.С. Сулеймановой, Р.Г. Халитова и В.Э. Багдасаряна¹³.

Тема использования «фейк-ньюс» в целях подрыва внутривнутриполитической стабильности была раскрыта в статьях А.В. Манойло, В.Л. Музыканта, Л.Р. Рустамовой, Л.А. Шестак, А.В. Алейникова¹⁴.

376; Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз или как успешно управлять общественным мнением. М., 2004.

¹² Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда-Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163-176; Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83-98; Нагорная О.С., Никонова Н.Е. Экологическое лобби в Челябинской области: правовые рамки протеста и инструменты воздействия // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. Т. 1. № 4 (11). С. 80-85; Шаматова Г.Л., Майоров В.О. Экологические протесты как форма проявления гражданской активности // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 200-207; Ежов Д.А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 34-37.

¹³ Шарафулин М.М. Межнациональные конфликты: причины, типология, пути решения // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 64-73; Целищев Н.Н. Межнациональные конфликты и национальная безопасность России (к совещанию ШОС в Екатеринбурге в июне 2009 г.) // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Т. 62. № 1-2. С. 7-20; Сулейманова Ш.С. Роль средств массовой информации и новых медиа в межнациональных и межконфессиональных конфликтах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 3 (42). С. 178-190; Халитов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. Проблема идентичности в возникновении и предупреждении межконфессиональных и межэтнических конфликтов // Казанский педагогический журнал. 2014. № 4 (105). С. 148-155; Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Орлов И.Б., Федорченко С.Н. Профилактика и пресечение межконфессиональных и межнациональных конфликтов на региональном уровне: нормативно-правовая база и механизмы сотрудничества государственных органов и общественных организаций // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 2. С. 1 – 13.

¹⁴ Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 37-45; Манойло А.В., Попадюк А.Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и

Отдельно необходимо отметить комплексы исследований, посвященных развитию политического протеста в России и зарубежных государствах в 2018 – 2021 гг.

Опыт применения информационных технологий организаторами последних протестов в РФ был обобщен в статьях А.Ю. Бубнова, С.Д. Гаврилова, В.С. Гасановой, А.Н. Гуреевой, С.С. Дмитриева, Г.Д. Дубровского, Н.А. Ершова, Л.Ю. Логуновой, Е.Б. Марина, Е.О. Негрова, Е.В. Паничкиной, А.О. Соколовой и ряда иных авторов¹⁵.

современный мир. 2020. № 2 (107). С. 285-300; Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 75-107; Muqsith M.A., Muzykant V.L. Effect Fake News for Democracy // Jurnal Cita Hukum. UIN Syarif Hidayatullah. Jakarta. 2019. Vol. 7. No. 3. pp. 307–318; Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс» // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 5 (33). С. 23-30; Шестак Л.А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс // Cross - Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 194-199; Алейников А.В., Милецкий В.П., Пименов Н.П., Стребков А.И. Феномен "фейк-ньюс" и трансформация информационных стратегий в цифровом обществе // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2019. № 6. С. 1-7; Емашов Я.И. Американские fake news как угроза для российской федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 314-317.

¹⁵ Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 54-64; Гаврилов С.Д. «Новые протесты» как состояние социально - политической реальности в отражении россиян // Прорывные научные исследования как двигатель науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 184-186; Гаврилов С.Д. Публичное пространство протеста в современной российской политике: проблемы и противоречия // Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием. 2019. С. 13-16; Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192-203; Гаврилов С.Д., Морозов С.И. Стратегии коммуникации в публичном политическом пространстве России: от интеграции до протеста // Право и политика. 2021. № 2. С. 25-34; Гасанова В.С. Социальные сети как инструмент управления протестными акциями // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 46-47; Гуреева А.Н., Самородова Э.В., Бакалюк П.А. Феномен хештег-активизма современной молодежи (на примере общественно-политических событий 2019-2020 гг.) // Меди@льманах. 2021. № 1 (102). С. 26-34; Дмитриев С.С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 18-25; Дубровский Г.Д. Протестные события 2019 г. в Москве: анализ политических технологий // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. Материалы международной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург,

Зарубежный опыт был систематизирован и подвергнут анализу в статьях Е.В. Бродовской, Б.В. Грачева, Я.Р. Игнатовского, О.Г. Карповича, И.Л. Морозова, К.И. Нагорняка, А.Н. Пятакова, А.И. Салицкого и А.В. Сарабьева¹⁶.

2020. С. 731-735; Ершов Н.А., Омерович А.Р., Попов С.И. Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (Часть II: выборы в государственную думу 2021 года. Прогнозы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72). С. 853-858; Логунова Л.Ю., Маженина Е.А. Ценности и смыслы ненасилия в политическом протесте // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 4. С. 58-77; Марин Е.Б. Представление о социальном протесте у молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 62-92; Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Динамика протестных настроений студенческой молодежи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20-35; Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18-30; Паничкина Е.В. Протесты в социально-политическом пространстве региона (на примере Кемеровской области) // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 6А. С. 53-63; Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647-663; Соколова А.О., Смирнов Р.О. Медиатизация политических конфликтов на примере московских протестов 2019 г. // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира. Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. СПб., 2019. С. 345-348; Соколов В.А., Загребин В.В. Социальный протест в контексте российского региона (на материалах Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 2 (18). С. 146-157; Стукал Д.К., Беленков В.Е., Филиппов И.Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 46-75; Чельшева С.Д., Эльтикова Е.А. Социальные сети как инструмент политических манипуляций // Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов. Сборник статей Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 40-43; Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83-98; Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 88-109; Шуваев Д.И. Гражданское общество и обеспечение стабильности в государстве: взаимосвязь и взаимовлияние (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 16-18.

¹⁶ Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 6-13; Грачев Б.В. Устойчивость политических систем стран евразийского экономического союза и кризисы 2020 года. Часть 1. Беларусь // Конфликтология / nota bene. 2020. № 4. С. 19-40; Игнатовский Я.Р., Михайличенко Д.Г., Иванов В.Г., Евдокимов Н.А., Пушкина М.А. Протестные настроения в России на фоне европейских государств: анализ кейсов 2017-2019 годов // Przegląd Europejski. 2020. Т. 2020. № 1. С. 199-217; Карпович О.Г., Карипов Б.Н., Литвинов В.О. Эволюция протестных настроений в Гонконге: основные уроки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2 (28). С. 71-87; Морозов И.Л. Уличный протест как

Упомянутые работы основываются на широкой эмпирической базе. Однако в большинстве случаев авторы ограничиваются изучением конкретных кейсов, избегают компаративного анализа и не пытаются встроить полученные выводы в общую систему представлений об использовании информационных технологий в целях дестабилизации политической системы. Как следствие, сделанные ими выводы не получают должного развития в результате переноса на концептуальный уровень. В частности, не были классифицированы новые поводы для запуска протестной активности. Также необходимо отметить, что методы противодействия попыткам дестабилизации политической ситуации не всегда формулируются с учетом специфики воздействия новых форматов политической коммуникации на целевую аудиторию. Наконец, исследователи зачастую игнорируют роль столь важного фактора, как соотношение сил лоялистских и оппозиционных ресурсов в пространстве социальных медиа.

К четвертой группе относятся диссертации и авторефераты, защищенные по теме исследования¹⁷.

технология антигосударственных действий радикальной оппозиции - опыт зарубежных стран и угроза для России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92). С. 12-16; Нагорняк К.И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 60-77; Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. глобальный контекст и эквадорский case-study // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 7-43; Пятаков А.Н. Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. 2020. № 6 (99). С. 119-128; Салицкий А.И., Виноградов А.В. Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 135-150; Сарабьев А.В. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 164-192.

¹⁷Алексеев О.Ю. Роль политических коммуникации в легитимации российской власти в условиях современного демократического транзита: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2009; Арямова А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016; Бойко С. И. Механизмы обеспечения политической стабильности: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2006; Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России: диссертация на соискание степени доктора

К пятой группе относятся электронные публикации из сети Интернет.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют официальные документы и нормативные акты Конгресса США, касающиеся регулирования деятельности технологических компаний и их сотрудничества со спецслужбами, а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400¹⁸.

Эмпирическую базу исследования составляют данные

политических наук: 10.01.10. СПб., 2009; Демчук А.Л. Политика регулирования экологических конфликтов: концептуальные основы и национальные модели: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.06. М., 2020; Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016; Кинаш Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах (на примере «Арабской весны» и Ливии): диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.06. М., 2017; Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития переходных обществ: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.02. СПб., 2010; Ланге О.В. Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.01. СПб., 2015; Ласария А.О. Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сравнительный анализ: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2018; Савин С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: диссертация на соискание степени кандидата социологических наук: 23.00.02. СПб., 2003; Сажнов А.Н. Особенности политического участия неправительственных организаций в современной России: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016; Сдельников В.А. Технологии формирования негативного имиджа России: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2018; Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.02.. М., 2012; Пушкина М.А. Опыт диагностики психолого-политической стабильности: (на материалах г. Санкт-Петербург, 2004-2005 гг.): диссертация на соискание степени кандидата психологических наук: 19.00.12. СПб., 2006; Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2017; Цуренков Н.В. Политическая стабильность Российского государства и ее влияние на пограничную безопасность: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2015.

¹⁸ United States Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime and Terrorism Testimony of Sean J. Edgett Acting General Counsel, Twitter, Inc. October 31, 2017. <https://assets.documentcloud.org/documents/4164788/Twitter-testimony-to-Senate-Judiciary-Committee.pdf>; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

количественных опросов социологических агентств «Всероссийский центр изучения общественного мнения» и «Фонд Общественное Мнение», а также результаты изысканий компаний «Медиалогия», «Медиаскоп» и Сбербанк¹⁹.

Объект исследования – политическая стабильность Российской Федерации в условиях вызовов и угроз, связанных с новыми технологическими возможностями применения геополитическими соперниками Российской Федерации современных способов и методов деструктивного воздействия на политическую ситуацию в стране.

Предмет исследования – современные формы, методы и технологии информационного обеспечения политической стабильности в Российской Федерации в условиях появления новых вызовов и угроз.

Цель – определить роль современных форм, методов и технологий информационного воздействия в обеспечении политической стабильности в современной России.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- выявить роль технологий информационного воздействия в системе инструментов современной политической коммуникации в рамках обеспечения политической стабильности;

- классифицировать современные научные подходы к исследованию форм и методов обеспечения политической стабильности государства и общества;

- установить специфику технологического подхода к управлению политической стабильностью в Российской Федерации;

- определить круг новых вызовов и угроз политической стабильности в современной России;

---

¹⁹ Аудитория интернета в России. <https://webindex.mediascope.net/>; ТОП-20 каналов в YouTube - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>; ТОП-30 политических каналов Telegram по просмотрам - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/7505/>; ТОП-20 микроблогов в Twitter - май 2020 <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/twitter/7484/>; ТОП-20 каналов в YouTube - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>; Зарплаты россиян в период коронавируса. Март — май 2020 г. <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/potrebactivm-m.pdf>.

- сформулировать основные стратегии, формы и методы противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации;

- выделить технологии противодействия информационным угрозам внутриполитической стабильности Российской Федерации;

- предложить практические рекомендации по использованию информационных технологий в интересах поддержания политической стабильности в России.

Гипотеза исследования заключается в том, что стратегии обеспечения информационной и в целом национальной безопасности необходимо выстраивать с учетом того, что политическая стабильность предполагает не сохранение управляющей системы в неизменном состоянии, а ее постоянное адаптирование к меняющейся внешней конъюнктуре, появлению новых угроз и перспектив развития. Структурная устойчивость системы не может быть обеспечена за счет ее ригидности, поскольку это не гарантирует защиты от внешних энтропийных факторов и накопления внутренних противоречий.

Методологическая база исследования опирается на принципы социального конструктивизма и системности. В рамках сбора и обработки информации использовался системный подход (методологическое наследие Т. Парсонса и Г. Алмонда), позволивший обобщить сведения о новых информационных угрозах для политической стабильности РФ и провести их классификацию. Сравнительный подход (объяснительные модели С. Верба и Р. Меррита) дал возможность сопоставить современные угрозы для внутриполитической стабильности России и сходные с ними проблемы, имевшие место ранее, выявить специфику текущей ситуации и адаптировать к ней разработанные ранее алгоритмы устранения рисков. Обращение к символическому интеракционизму (в рамках концепций Г. Лебона и У. Липпмана) позволило провести оценку новых практик формирования протестных настроений, применяемых политическими радикалами.

Модель эмпирического исследования была выстроена за счет комбинации структурного и сравнительного анализа, а также вторичной обработки социологических данных.

Научная новизна конкретизируется в следующих положениях:

- сформулирован комплексный подход к организации противодействия новым модификациям технологий конфликтной мобилизации, перехвата повестки, установления контроля над управлением информационными кампаниями с точки зрения практик модерации общественного мнения, и выстроена методология кризисной коммуникации с масс-медиа, основанная на перспективном опыте коммерческих структур в рамках операций по защите репутации бренда;

- выявлены перспективные методы поддержания политической стабильности за счет последних инноваций в сфере информационных технологий;

- предложены формы превентивной борьбы с попытками дестабилизации политического режима, выходящие за пределы регулятивных и репрессивных практик;

- дана оценка роли политтехнологической составляющей и объективных обстоятельств в генерации событий протестного цикла 2018 – 2021 гг., в контексте новых моделей формирования очагов политической нестабильности, установленных перспектив трансформации социальной, идеологической базы протестного движения в среднесрочной перспективе и деятельности недавно созданных зарубежных НКО и НПО в попытках дестабилизации политической ситуации в России;

- сформулированы долгосрочные цели в рамках стратегии обеспечения политической стабильности Российской Федерации посредством использования информационных технологий;

- выявлены и концептуализированы алгоритмы организации деструктивных информационных операций, включая методологию формирования поражающих информационных материалов, обеспечения и

модерации информационного доминирования в контексте дискредитации референтных источников атакуемой целевой аудитории и протестной мобилизации населения через использование метода трехуровневого повышения радикальности целевого сообщения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политическая стабильность представляет собой состояние политической системы, в рамках которого она способна длительное время сохранять структурную устойчивость, в то же время эффективно реагируя на возникновение внутренних и внешних угроз, адаптируясь по отношению к ним без изменений своих базовых характеристик. В рамках данной трактовки стабильность подразумевает не отсутствие развития, а постепенный и устойчивый характер данного процесса.

2. В настоящее время конструктивный потенциал ИТ-технологий в части стабилизации внутривнутриполитических процессов в России не раскрыт полностью. Это обусловлено в первую очередь сочетанием двух факторов: инерции политической практики и необходимости существенных финансовых вливаний в модернизацию материально-технической базы и систему подготовки специалистов. Прогресс в области информационных технологий способствует падению восприимчивости объекта политического управления к традиционным методам модерации общественного мнения. Возникают новые формы управления политическим процессом, позволяющие дестабилизировать существующий режим управления за счет имитации «восстания масс» против политических элит. Появление «новых медиа» способствует ликвидации монополии национальных элит на владение инструментами формирования политической мифологии. При этом росту политических рисков способствуют неспособность либо нежелание значительной части элит приспособляться к новым условиям.

3. У новых угроз и вызовов для стабильности политической системы России имеется основание в виде реально существующих издержек и противоречий действующей модели социально-экономического развития, но

одновременно их отличает наличие четко выраженной политтехнологической составляющей. Генерация новых угроз напрямую детерминирована наличием у процесса подрыва внутривнутриполитической стабильности РФ бенефициаров в виде внутренних и внешних акторов, включая как государства и иные формализованные структуры, так и неофициальные группы интересов. Протестные выступления в современной России чаще всего провоцируются попытками внешних и/или внутренних акторов перенаправить социальное недовольство в политическое русло. Поводы для создания очагов политической нестабильности, создаются как в ключе долгосрочного планирования (за счет привязки к развитию политических циклов), так и в рамках оперативного реагирования на актуальные инфоповоды. Чаще всего в качестве последних выступают эпизоды, связанные с техногенными катастрофами и реакцией на них со стороны властей, эпидемиологической ситуацией, трансформацией общественных пространств в крупных городах, межэтническими конфликтами. В перечень новых угроз для политической стабильности можно включить акции против отставки должностных лиц, а также массовые протесты, поводом для начала которых стало появление недостоверной информации об эпидемиях, техногенных катастрофах или мерах, предпринятых властями в ответ на появление этих угроз.

4. Противодействие угрозам политической стабильности внутри Российской Федерации следует осуществлять комплексно, на основе регулярных и системных мер, путем концентрации ресурсов и выстраивания тесной кооперации между органами государственной власти и аффилированных с ними НКО и коммерческих структур. Стратегии, формы и методы противодействия новым источникам угрозы должны быть тесно увязаны между собой. Они должны выстраиваться из расчета на достижение конкретных количественных показателей в четко заданные сроки. Их нельзя сводить исключительно к использованию регулятивных и репрессивных практик. В рамках противодействия конфликтной мобилизации и осуществления перехвата повестки, а также установления контроля над

управлением информационными кампаниями обязательным элементом является применение практик трансформации общественного мнения. Развитие методов кризисной коммуникации с массмедиа порождает необходимость в заимствовании и адаптации опыта коммерческих структур в области противодействия информационным атакам на их бренды.

5. В стратегию обеспечения политической стабильности в РФ посредством использования информационных технологий должны быть заложены долгосрочные цели, предполагающие создание технологических инструментов прогнозирования появления очагов нестабильности путем анализа Big Data, формирование системы профилактического выявления в сетевых сообществах центров организации или ресурсного обеспечения деструктивной политической активности, усовершенствование методов технологического и информационного саботажа в отношении акторов, участвующих в попытках подрыва политической стабильности в России. Также стратегия должна включать себя в качестве целей ориентиры, связанные с формированием благоприятной среды для развития отечественных социальных медиа и производителей мобильных устройств. Важной частью системы стратегического планирования и управления должна стать задача по созданию кластера вертикально и горизонтально интегрированных информационных систем управления территориями муниципалитетов и регионов, созданных на основе применения технологии обработки «больших данных».

6. Разработка и применение стабилизирующих мер, направленных на противодействие деструктивным информационно-психологическим операциям, должны выстраиваться с учетом наличия у операций, проводимых геополитическими соперниками Российской Федерации, сложной структуры. Последняя включает в себя этапы: 1) формирования поражающего информационного материала, 2) создания эмпирической базы, подтверждающей наличие инфоповода и вариант его интерпретации атакующим субъектом, 3) обеспечения и модерации информационного

доминирования в контексте дискредитации референтных источников атакуемой целевой аудитории, 4) протестной мобилизации населения через использование метода трехуровневого повышения радикальности целевого сообщения.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в формировании новых подходов к обеспечению внутривластной стабильности с учетом актуального уровня развития науки, структуры рынка hi tech и специфики правового регулирования работы технологических компаний на глобальной арене. В рамках исследования выработана классификация новых информационных угроз для внутривластной стабильности России. Созданная в соответствии с результатами изысканий стратегия обеспечения внутривластной стабильности дополняется объяснительными моделями, описывающими формы и методы деятельности в рамках каждого направления стратегического управления и планирования.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования выводы и практические рекомендации могут быть использованы в рамках законодательной деятельности, а также в рамках обеспечения функций стратегического планирования на уровне органов федеральной власти либо в порядке разработки внутривластных инструкций. Помимо того, основные результаты, выводы и обобщения диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе в ВУЗах в ходе подготовки специалистов в области государственного управления, конфликтологии, информационной безопасности и социологии Интернета.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается применением использованием методов, релевантных его предмету, цели и задачам, применением подтвердивших свою надежность в научной практике способов и критериев оценки результатов, апробацией и практическим подтверждением полученных результатов и выводов, а также опорой на верифицируемые источники информации.

Апробация основных положений.

По теме диссертации был опубликовано 5 научных статей в научных изданиях, рекомендованных профильным диссертационным советом МГУ имени М.В. Ломоносова. Общий объем публикаций составляет 3,75 п.л. (авторский вклад – 2,7 п.л.)

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя: введение, 3 главы основной части, разделенные на 15 параграфов, заключение и список источников и литературы, включающий 249 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

1.1. Информационные технологии в системе инструментов современной политической коммуникации

Любая политическая система обладает сложной структурой, включающей в себя множество подсистем. Одной из наиболее важных подсистем является информационно-коммуникативная структура, выполняющая функцию обеспечения циркуляции информации как внутри совокупности политических институтов, так и между последними и внешней социальной средой.

Г. Алмонд описал подсистему политической коммуникации посредством объяснительной модели, приписывающей ей две функции – ввода информации (в виде запросов, требований, реакции граждан на ранее предпринятые властью действия) и вывода (в форме новых решений и действий, совершенных на основании анализа поступивших данных)²⁰.

Т. Парсонс предложил экспертному сообществу более сложную модель политической коммуникации. Данная подсистема, по его мнению, представляет собой совокупность множества элементов, обладающих специфическими функциями и взаимодействующих между собой и внешней средой посредством разных по степени силы связей. В рамках данного подхода структурные элементы под системы, с одной стороны, обладают субъектностью и являются акторами, с другой – тесно аффилированы с различными внешними бенефициарами²¹.

---

²⁰The Politics of the Developing Areas. Edited by Gabriel Almond and James S. Coleman. Princeton University Press, 1960.P. 591

²¹Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 87.

Некоторые исследователи, напротив, склонны вульгаризировать подсистему политической коммуникации. Так, Ж.-М. Коттре определил соответствующий процесс как обмен политической информации между различными акторами посредством средств массовой информации²².

Г. Лассуэлл охарактеризовал политическую коммуникацию как стимулирующий процесс, определяющий точку зрения, мотивацию и мобилизационную готовность целевой аудитории. Схематично суть анализа политической коммуникации он описал как определение инициатора и актора акта коммуникации, содержания его сообщения, выявление и оценку каналов трансляции сообщения, выделение целевой аудитории и оценку результатов интеракции²³.

Позднее Р. Брэдок усовершенствовал схему анализа политической коммуникации Г. Лассуэла, дополнив ее оценкой итогов действия с точки зрения достижения первоначально поставленных целей и интерпретацией обстоятельств интеракции²⁴.

Развивая представления о свойствах политической коммуникации, многие исследователи (в частности, У. Шрамм) заостряют внимание на особой роли механизма обратной связи, придающего рассматриваемому процессу нелинейный, циркулярный характер²⁵. Р.-Ж. Шварценберг дополнил данную концепцию, подчеркнув, что в рамках политической коммуникации информация циркулирует не только между различными элементами политической системы, но и в рамках взаимодействия последней с социальной средой²⁶. По нашему мнению, именно данное обстоятельство обуславливает особую роль информационных технологий в системе коммуникаций. Использование данного ресурса дает возможность получить обратную связь,

---

²²Cotteret J.-M. *Gouvernant set gouvernes: La communication politique*. Paris, 1973. P. 9, 112.

²³ Lasswell H.D. *The structure and function of communication in society* // *The Communication of Ideas*. Ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37.

²⁴ Braddock R. *An extension of the "Lasswell Formula"* // *Journal of Communication*. Vol. 8. 1958. P. 91.

²⁵Schramm W. *How communication works. // Process and Effects of Mass Communication.* / Ed.: W. Schramm. Urbana, 1954.

²⁶Шварценберг Р.-Ж. *Политическая социология: В 3 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 174.*

наиболее четко выражающую реальные настроения населения как объекта политического управления. Применение традиционных методов обеспечения обратной связи чревато рисками возникновения серьезных искажений. Так, на результаты социологического опроса могут повлиять ошибка в формировании выборки, стремление респондента дать социально одобряемый ответ, недоверие к интервьюеру и т.д. Особое значение также может сыграть отсутствие данных о позиции людей, отказывающихся принимать участие в социологических опросах. Наглядными примерами соответствующих сбоев могут служить серьезные просчеты, допущенные в рамках прогнозирования результатов выборов мэра Москвы в 2013 г. (приведшие к возникновению т.н. «дела социологов») и выборов президента США в 2016 г.

Отдельного внимания заслуживают теоретические подходы, подчеркивающие ведущую роль коммуникации в политическом процессе либо вовсе абсолютизирующие ее. В частности, Н. Луман сводит саму сущность политики к выстраиванию коммуникации. По его мнению, именно коммуникативный процесс обеспечивает выполнение функций самовоспроизводства и самоописания системы. Система коммуникации позволяет оперативно отслеживать изменения внешней социально-экономической среды и своевременно реагировать на соответствующие риски²⁷.

Особую роль механизмов коммуникации в рамках политического процесса отмечает и Н. Винер. Последний настаивал на возможности интерпретации политической деятельности сугубо в ключе модели информационного обмена. По его мнению, политический процесс можно схематично разделить на этапы создания, обработки и получения информации²⁸.

---

²⁷Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 31.

²⁸ Винер Н. Кибернетика и общество. - М: Издательство иностранной литературы, 1958. - С.31.

Высокое значение процесса коммуникации в рамках функционирования политической системы в своих трудах подчеркивал и Л. Пай. Последний отмечал, что сущность политической коммуникации нельзя сводить к трансляции сигналов от элиты широким слоям населения. Согласно его мнению, политическая коммуникация включает в себя множество неформальных коммуникационных. Залогом стабильной организации политической жизни общества исследователь считал именно существование системы устоявшихся методов политической коммуникации²⁹.

Ю. Хабермас в своих работах обосновал тезис о том, что именно в рамках коммуникации осуществляется легитимация политического режима. Обретение легитимности возможно лишь в рамках публичной сферы, посредством закрепления определенной точки зрения в общественном мнении через сеть трансляции информации и точек зрения³⁰. Стабильность властных институтов, признание их прав и авторитета требуют артикуляции и декларации определенных ценностей перед обществом посредством коммуникационных сетей³¹.

Описанные выше концепции подразумевают абсолютизацию значения не только политической коммуникации, но и ее инструментов, среди которых ключевую роль играют именно технологии связи, обеспечивающие работу основных потоков трансляции данных.

Сложная концепция политической коммуникации была выработана К. Дойчем. В рамках созданной им объяснительной модели в политическую систему регулярно проникает как информация из внешней среды, так и данные относительно ее внутреннего состояния. Поступающая информация используется системой (в рамках идеальной модели) с целью обеспечения

---

²⁹Pye L. Political Communication//The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. Oxford-New York, 1987. P. 442.

³⁰Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press, 1996. P. 360.

³¹Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 89.

стабильного развития и создания гарантий динамического равновесия между интересами всех политических группировок.

Особый интерес для нас, в связи с современными тенденциями в политической сфере, представляет информационно-коммуникационная модель политической системы К. Дойча³². Политическая система, согласно данной концепции, представляет собой сеть коммуникационных каналов и передаваемых по ним потоков данных. Властные институты определяют облик политической системы, регулируя коммуникационное воздействие и движение информационных потоков между политической системой и соответствующей социальной средой. Информационные интеракции в рамках данной модели протекают в 4-х фазах. Первая включает в себя прием информации, вторая – обработку и оценку полученных данных, третья – принятие решений, четвертая – их реализацию и получение обратной связи³³.

В рамках первой фазы политическая система принимает сведения посредством рецепторов (в качестве таковых выступают СМИ, полстеры и пр.), которые выполняют функцию первичного изучения и отбора поступивших данных. В ходе второй фазы информация оценивается и перерабатывается в соответствии с декларируемыми властью ценностями и нормами, а также целями правящего истеблишмента. Третья фаза предполагает принятие решений на основании прогнозов динамики ситуации под воздействием новой информации. В ходе последней фазы эффекторы (органы исполнительной власти) реализуют принятые решения. Отклик на них передается рецепторам системы, что запускает новый цикл ее функционирования³⁴.

Однако эффективность работы системы в данном отношении обуславливается изменениями таких переменных, как:

---

³² Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control, Free Press of Glencoe, 1966. P. 94.

³³ Deutsch K. Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969. P.18/

³⁴ Ibid.

- информационная нагрузка, определяемая при помощи таких показателей, как масштабы реализуемых программ, частота их создания и скорость трансформации;
- сроки реакции системы в рамках выполнения поставленных задач и изменяющихся условий функционирования;
- острота реакции системы на изменения среды, приводящая к отклонению от первоначально поставленных целей;
- наличие у системы способности к реакции на новые вызовы в порядке упреждения.

Исходя из анализа вышеперечисленных факторов, К. Дойч выявил три закономерности существования системы в процессе управления. Первое – «возможность успеха при достижении цели обратно пропорциональна информационной нагрузке и запаздыванию реакции системы». Вторая закономерность состоит в том, что «успешность функционирования системы зависит от величины приращения реакции на изменения, но при достижении порогового значения изменений эта закономерность становится обратной». В-третьих, успешная работа системы зависит от способности правительства видеть назревающие проблемы и проводить необходимые превентивные меры³⁵.

По нашему мнению, большинство «барьерных» факторов, определяющих эффективность системы политической коммуникации, напрямую коррелируются с уровнем технологического развития. Способность выдерживать информационную нагрузку, срок реакции на «информационные раздражители», выявление, профилактика и прогнозирование рисков – все эти функции обеспечиваются не столько организационно, сколько технологически. Таким образом, во многом эффективность политической коммуникации обеспечивается адекватностью существующих практик регулирования современной материально-технической базе информационного взаимодействия и заданным ею форматам обмена данными.

---

³⁵ Deutsch K. Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969. P.18, 19.

Концепции и подходы, разработанные западными исследователями в середине XX в., выступили в качестве фундамента для выстраивания российскими политологами и социологами собственных трактовок политической коммуникации.

С.В. Володенков интерпретирует политическую коммуникацию как системный и разнонаправленный процесс трансляции политического контента при помощи элементов информационно-коммуникационной инфраструктуры. Политическая коммуникация, в рамках данной трактовки понятия, всегда носит конкурентный характер. Конечной целью акторов коммуникации является формирование виртуального пространства с существующим в нем комплексом символов, воплощающих собой определенные ценности и смыслы. Последние, в свою очередь, задают восприятие политической реальности целевой аудиторией³⁶.

И.М. Дзялошинский позиционирует политическую коммуникацию как процесс, охватывающий все поле публичной политики, формирующий представления о легитимности политического режима и, таким образом, обеспечивающий его стабильность. Помимо того, коммуникация обеспечивает косвенным образом политическую социализацию масс, а также поддерживает или расширяет границы их инклюзии в рамках политического процесса³⁷.

Свой вариант истолкования понятия «политическая коммуникация» разработала Ю.В. Ирхина. Согласно ее позиции, соответствующий процесс представляет собой особый вид политических отношений, при помощи которого ключевые политические акторы регулируют производство и распространение общественно-политических смыслов³⁸.

А.И. Соловьев рассматривает политическую коммуникацию как форму общения, формирующуюся на базе векторной (направленной) трансляции

---

³⁶Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва, 2015. С. 272.

³⁷Дзялошинский И.М. Гражданские коммуникации и публичная политика. URL: <http://www.regnum.ru/news/427660.html> (дата обращения 10.12.2019);

³⁸Философия политики: В 5 кн./ Рук. авт. колл.: докт. филос. наук, проф. Бессонов Б.Н. Кн.2: Закономерности и законы политического процесса. М., 1993. С.153-154.

информации, порождающей осмысленную реакцию адресата на вызов со стороны адресанта³⁹. При этом исследователь подчеркивает, что информация выступает в роли основного ресурса политических отношений, поскольку обладание ей детерминирует наличие власти, потенциал влияния и возможность реализации интересов⁴⁰. В рамках данной модели политические институты выступают в качестве центров сбора, обработки, создания и распространения информации. За счет этого коммуникация в рамках политической системы обретает роль процесса, обеспечивающего как взаимодействие всех ее уровней, так и выполнение и всех базовых функций⁴¹.

М.Н. Грачев интерпретирует политическую коммуникацию как совокупность процессов обмена информацией с целью структурирования политической деятельности и придания ей определенных смыслов⁴².

В целом можно отметить, что для зарубежных исследователей при освещении темы политической коммуникации характерна концентрация внимания на таких аспектах данного явления, как регуляция информационных потоков и роль соответствующих механизмов в организации процесса коррекции политических решений, принимаемых руководством властных институтов либо политическими элитами. Во многом данный подход сводится к изучению процесса информационного взаимодействия между населением и политическим руководством государства. Специфической чертой российских вариантов интерпретации политической коммуникации является придание данному процессу дополнительной функции. Если зарубежные исследователи ведут речь об информации как о знании, имеющем прикладное значение с точки

---

³⁹Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. // Полис. 2002. № 3. С. 7.

⁴⁰Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001073/st000.shtml> (дата обращения 10.12.2019).

⁴¹Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001073/st000.shtml> (дата обращения 10.12.2019).

⁴²Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/vestnik_1999.html. (дата обращения 13.11.2019).

зрения принятия политических решений (т.е. данных о восприятии населением текущей ситуации и перспектив ее развития), то их российские коллеги также упоминают распространение данных как средство формирования смыслов. Фактически речь идет о создании и трансляции символов, призванных формировать политический миф – упрощенную и непротиворечивую, и потому доступную для восприятия массовой аудиторией картину мира, позволяющую регулировать поведение широких народных масс. В данном случае понятие «миф» не несет в себе негативной коннотации: оно лишь отображает определенную модель восприятия мира, присущую достаточно значимой части общества. Необходимо понимать, что большое число людей, в силу привычки использовать механизмы стереотипизации, категоризации и казуальной атрибуции, не могут воспринимать политическую реальность иначе, как сквозь призму привычных архетипов. По этой причине создание консолидирующего политического мифа является насущной необходимостью: в противном случае спецификой политического восприятия части населения легко могут воспользоваться маргиналы либо экстремисты.

Однако, вероятнее всего, в данном случае имеет место не выработка оригинального подхода со стороны российских исследователей. Более правдоподобной представляется гипотеза, согласно которой российские политологи произвели синтез нескольких зарубежных научных традиций. Описанный выше подход к интерпретации политической коммуникации имеет множество общих черт с творческим наследием философов франкфуртской школы (Т. Адорно, Г.Маркузе и пр.) и Ж. Бодрийяра. Последние уделяли большое внимание идеологическим механизмам контроля и властвования. Как было отмечено в их работах, обеспечение власти в современном мире требует установления гегемонии над символическим пространством, что, в свою очередь, предполагает необходимость налаживания широко разветвленной системы социальной коммуникации⁴³.

---

⁴³Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Гораджи. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. С. 37; Adorno T.W. The Culture Industry. Selected Essays on Mass Culture. Routledge Classics: L. &

В качестве промежуточного вывода можно заключить, что процесс политической коммуникации представляет собой совокупность многосторонних процедур агрегирования, распределения и канализации потоков социально значимой информации. Циркуляция информации в рамках данной системы обеспечивает структурирование политического процесса, создает условия и предпосылки для моделирования текущей ситуации и прогнозирования ее изменения, способствует формированию политических смыслов, а также может быть использовано в целях консолидации либо деконструкции политических, либо макросоциальных общностей. При этом специфика современных информационных технологий (их массовость, мультимедийность, наличие развитой развлекательной составляющей) способствуют все большему увеличению их значения в качестве фактора политической коммуникации. Последнее обуславливается, вероятнее всего, не только трансформацией культурной среды, но и возникновению новой традиции работы с информацией. Рост потребности в постоянном получении новых данных, дискредитация традиционных СМИ, девальвация авторитета связанных с ними лидеров общественного мнения относительно медиапроцесса, снижение общего уровня качества образования на фоне падения доверия к экспертному сообществу и научным данным, возможность публично отрицать социально одобряемые нормы – вот далеко не полный список факторов, подпитывающих трансформацию информационной культуры на основе технологий сетевой коммуникации и создания мультимедийного контента.

В современной политической науке выделяются три базовых способа политической коммуникации:

- посредством традиционных СМИ и «новых медиа»;
- при помощи организаций, исполняющих роль промежуточных звеньев (производящих первичную обработку информации коммуникантов) между

NY, 2001. P. 22; Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. С. 27.

субъектом и объектом управления в рамках иерархии политических организаций;

- за счет использования неформальных контактов⁴⁴.

В рамках публичной политики ключевое значение имеет именно первый способ коммуникации. При этом именно он в наибольшей степени ориентирован на внедрение и широкое использование информационных технологий. В первую очередь это касается электронных СМИ – телевидения, радио, соцмедиа. Наиболее четко данная тенденция прослеживается в сегменте политической Интернет-коммуникации⁴⁵.

Интенсивное развитие последней способствует постепенной виртуализации политического процесса. Первые признаки данного процесса фиксировали в своих работах еще Н. Луман и Ю. Хабермас⁴⁶. В настоящее время мы наблюдаем процесс виртуализации политики уже в развитой форме. Как отмечает С.В. Володенков, объективная политическая реальность

в настоящее время зачастую подменяется ее суррогатом – моделью медиареальности, детерминируемой каналами сетевой коммуникации⁴⁷.

Последнее во многом стало возможным благодаря тому, что развитие информационных технологий уничтожило монополию традиционных элит на доступ к массмедиа. Развитие социальных медиа позволило доносить до широких масс свою позицию по политическим вопросам лиц, не имеющих

---

⁴⁴ Байков С.А. Стратегия коммуникации политической элиты и общества в России в условиях международной конфронтации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3 (67). С. 719, 720.

⁴⁵ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М., 2004. С. 115; Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 7.

⁴⁶ Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989. pp. 71 – 73; Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 54; Лекторова Ю.Ю. Политическая коммуникация в информационном пространстве: опыт теоретико-методологического осмысления // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 187.

⁴⁷ Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015. С. 272; Грачев Б.В. Устойчивость политических систем стран евразийского экономического союза и кризисы 2020 года. Часть 1. Беларусь // Конфликтология / nota bene. 2020. № 4. С. 19.

отношения к истеблишменту, корпорации экспертов или вовсе представителей маргинальных кругов, чья позиция, тем не менее, пользуется определенной популярностью в обществе. В качестве примера в данном случае можно сослаться на стремительный рост влияния Алекса Джонса, Томми Роббинсона, Гэвина МакИннеса и Лоры Лумер (купировать который смогла лишь тотальная «зачистка» их аккаунтов в соцсетях). Впрочем, потенциал социальных медиа активно используют и системные политики. Активное использование соцсетей стало одной из причин электорального успеха как Б. Обамы, так и Д. Трампа. Причем в последнем случае речь шла не только об эксплуатации альтернативных медиаплощадок, но также применении ресурса контекстной политической рекламы, в том числе – на основании анализа «больших данных»⁴⁸.

Рост значимости «новых медиа» в качестве канала политической коммуникации был во многом обусловлен таким их качеством, как интерактивность. Как было доказано Т. Лукманом и П. Бергером, представления о политической реальности лучше всего вырабатываются в рамках взаимной интеракции⁴⁹. Помимо того, для социальных медиа характерна аномально высокая (по сравнению с традиционными СМИ) степень лояльности сложившейся аудитории⁵⁰. Для Интернет-сообществ характерна высокая степень гомогенности в плане социальных и демографических параметров, что облегчает поиск целевой аудитории для распространения контента⁵¹. Использование моделей коммуникации по принципу «от одного к одному» и «от многих к одному» содержит большой

---

⁴⁸ Facebook CEO Mark Zuckerberg pushes back against claims of anti-conservative censorship. URL: <https://www.cnet.com/news/facebook-ceo-mark-zuckerberg-pushes-back-against-claims-of-conservative-censorship/> (дата обращения 13.11.2019); Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 54.

⁴⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 21.

⁵⁰ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М, 2002. С. 135.

⁵¹ Казаков В.П. Интернет как информационное пространство взаимодействия политического лидера и общества // Информатика и образование. 2007. № 2. С. 29.

потенциал в плане придания коммуникации лично значимого характера, формальной демократизации политического процесса, расширения масштабов и повышения качества работы механизмов обратной связи⁵². Использование социальных медиа предполагает наличие меньшего числа ограничений с точки зрения выбора форм и донесения методов информации⁵³. Наконец, развитие информационных технологий изменило систему требований к лидерам общественного мнения (ЛОМам), одновременно заметно увеличив их возможности в плане наращивания авторитета⁵⁴.

Несмотря на наличие у «новых медиа» множества преимуществ, их потенциал в значительной степени ограничивают объективные недостатки. В частности, необходимо отметить, что для социальных медиа характерна чрезвычайно высокая степень дифференциации. В рамках одной учетной записи (идет ли речь о персональном аккаунте или сообществе) может концентрироваться аудитория, насчитывающая несколько миллионов подписчиков. Однако при этом сфера узнаваемости владельца учетной записи (либо сообщества) может быть достаточно жестко ограниченной. Роль «барьерного» фактора играет ориентация на определенную аудиторию. Производимый пользователем контент может пользоваться высоким уровнем популярности среди ограниченного круга лиц, но при этом мало востребованным за пределами целевой аудитории. Как следствие, блогер-«миллионник» может быть в реальности малоизвестен в общенациональных масштабах. Так, бьюти-блогеры, представители конкретных субкультур или «летсплейщики» (обозреватели видеоигр) могут иметь широкую аудиторию. Однако в то же время тематическая ограниченность их ресурсов в реальности

---

⁵²Crosbie, V. What is New Media? URL: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc> (дата обращения: 30.11.2019); Гаврилов С.Д. «Новые протесты» как состояние социально - политической реальности в отражении россиян // Прорывные научные исследования как двигатель науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 184.

⁵³Туронок С.Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 53.

⁵⁴Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013. С. 29.

существенно нивелирует их уровень узнаваемости. Четко выраженная ориентация на развлекательный характер контента в отсутствие постоянного интереса к общественно-политической повестке также ограничивает авторитет соответствующих лидеров общественного мнения в вопросах, касающихся социальной и потестарной проблематики⁵⁵.

Подтверждением этого могут служить попытки выстраивания российскими властями диалога с Интернет-сообществом посредством взаимодействия с рядом популярных блогеров (Сашей Спилберг, Марьяной Ро и т.д.). Упомянутые блогеры, во-первых, ориентировались во многом на подростковую и детскую аудиторию. Во-вторых, прежде они специализировались исключительно на производстве развлекательного и отчасти «токсичного» контента, избегая при этом обращения к общественно-политической тематике. Вследствие этого они были, в лучшем случае, малоизвестны пользователям, интересующимся социально-политической тематикой, а в худшем – обладали устойчивым антиобразом в их глазах. В-третьих, внезапное обращение данных блогеров к политической тематике или сотрудничество с представителями власти позволило поставить под сомнение их искренность в глазах пользователей, тем самым сформировав благоприятные условия для начала кампании по их дискредитации. Наконец, существенную роль сыграло и наличие системы негативных стереотипов относительно аудитории блогеров, выбранных в качестве потенциальных партнеров для диалога. Для пользователей, интересующихся общественно-политической проблематикой, характерно особое восприятие аудитории упомянутых Интернет-деятелей. Она представляется им сообществом детей, потребляющих во многом низкопробный развлекательный контент. Проводя аналогии, данную систему негативных стереотипов можно сравнить с

---

⁵⁵ Гаврилов С.Д. Публичное пространство протеста в современной российской политике: проблемы и противоречия // Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием. 2019. С. 13; Гасанова В.С. Социальные сети как инструмент управления протестными акциями // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 46.

комплексом представлений относительно постоянных зрителей токсичных телевизионных шоу, таких как «Дом -2». В результате выбор конкретных ЛОМов в качестве посредников для развития диалога с Интернет-аудиторией был воспринят многими пользователями как оскорбление, признак того, что представители власти якобы рассматривают аудиторию социальных медиа в качестве «цифровых дегенератов»⁵⁶.

Роль факультативного фактора, ограничивающего потенциал использования сетевых ЛОМов, в данном случае играет возможность сочетания у лидера общественного мнения таких качеств, как высокая степень узнаваемости, коммерческая успешность его брэнда и наличие мощного антиобраза. В качестве примера в данном случае можно привести восприятие сетевым сообществом таких фигур, как Ксения Собчак, Тимур Юнусов, Ольга Бузова. Наличие у ЛОМа «истории успеха» и существенного числа потребителей производимого им контента отнюдь не гарантируют позитивного эффекта в случае публичного выражения поддержки (или осуждения) с их стороны в адрес одного из политических акторов. Наглядным подтверждением этого может служить реакция пользователей на публикацию совместного клипа Тимура Юнусова и Алексей Долматова («Гуф»), размещенного в Интернете 7 сентября 2019 г. В опубликованном накануне Единого дня голосования видеоролике декларировались поддержка С.С. Собянина и осуждение в адрес участников протестных акций в столице. Этот месседж вызвал крайне негативную реакцию пользователей (клип в короткие сроки набрал около 1 млн. дизлайков при 61 тыс. лайков и вскоре был удален создателями). Однако причиной произошедшего стало во многом не содержание данного посыла, а личности его выразителей. Тимур Юнусов задолго до этого успел обрести репутацию сторонника примитивного социал-

---

⁵⁶ Гаврилов С.Д., Морозов С.И. Стратегии коммуникации в публичном политическом пространстве России: от интеграции до протеста // Право и политика. 2021. № 2. С. 25; Гуреева А.Н., Самородова Э.В., Бакалюк П.А. Феномен хештег-активизма современной молодежи (на примере общественно-политических событий 2019-2020 гг.) // Меди@льманах. 2021. № 1 (102). С. 26.

дарвинизма, лишённого при этом четких принципов и демонстрирующего не реальный, а показной лоялизм. В силу этих факторов его фигура негативно воспринималась как сторонниками, так и противниками власти. Ситуацию усугубило то, что вскоре после публикации клипа Алексей Долматов опубликовал видео с извинениями перед поклонниками⁵⁷. По словам музыканта, создатели ролика ввели его в заблуждение относительно целей съемок, а сам он не получил за участие в процессе какой-либо компенсации. Одновременно рэпер заявил, что горд «молодежью, которая разбирается в политике» (т.е. своими критиками). Дополнительным ударом по репутации создателей клипа стало заявление Алексея Долматова о том, что ему не было известно о «проходивших позавчера выборах мэра Москвы». Последнее показало, что исполнитель не имеет никакого представления о текущей политической повестке (в 2019 г. проходили выборы депутатов Мосгордумы, а не мэра столицы), однако готов принимать участие в создании контента, содержащего оценки текущей политической ситуации⁵⁸.

Исключение составляют лишь отдельные Интернет-ЛЮМЫ, умеющие привязывать развлекательный контент к актуальной политической повестке. В качестве примера в данном случае можно привести автора обзоров на современные кинопроизведения Евгения Баженова (известного под псевдонимом BadComedian) и переводчика Дмитрия Пучкова (известного под творческим псевдонимом «Гоблин»)⁵⁹. Высокая эффективность их деятельности в области создания и популяризации политических смыслов обуславливается рядом факторов. Во-первых, как уже было отмечено выше, они презентуют общественно-политические темы в развлекательном формате. Во-вторых, у них имеется четко артикулированная позиция по ряду

---

⁵⁷ Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192.

⁵⁸Guf просит прощения за клип про Москву с Тимати. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvgRRF1ooHE> (дата обращения 13.11.2019).

⁵⁹BadComedian. <https://www.youtube.com/user/TheBadComedian>; Dmitry Puchkov. URL: <https://www.youtube.com/user/Fletcher2008> (дата обращения 13.11.2019).

принципиально значимых вопросов (в частности, относительно позиционирования событий Великой Отечественной войны в рамках реализации политики памяти). В-третьих, они открыто выражают точки зрения, которые маргинализируются в рамках официального политического дискурса, но в то же время пользуются популярностью среди широких слоев населения.

Примером в данном случае может служить позитивное восприятие Дмитрием Пучковым фигуры И.В. Сталина. В рамках официального дискурса фигура последнего позиционируется сугубо негативно. Однако данные социологических опросов показывают, что большинство россиян воспринимают личность «отца народов» прямо противоположным образом (в данном случае мы не ведем речь об оценке данного явления с позиций морали или исторической истины). Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ в июне 2017 г., 43% россиян придерживаются мнения, что репрессии были вынужденной мерой, которая дала политическому руководству обеспечить порядок в обществе⁶⁰. Организованный месяц спустя опрос показал, что 62% высказались в поддержку идеи размещения мемориальных объектов, сообщающих о достижениях И.В. Сталина. Одновременно 65% опрошенных выступили против установки памятных знаков, посвященных его неудачам или преступлениям⁶¹. При этом наибольшую поддержку предложению создать мемориальные объекты, «прославляющие государственные успехи Сталина», выразили представители молодежи. В пользу данного варианта ответа высказались 77% респондентов в возрасте 18 – 24 лет⁶².

В целом мы можем заключить, что на сегодняшний день потенциал использования информационных технологий в качестве политического

---

⁶⁰ Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> (дата обращения: 09.12.2019).

⁶¹ Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (дата обращения: 09.12.2019).

⁶² Там же.

инструмента постоянно растёт. Постепенно «новые медиа» приближаются по своей значимости к традиционным СМИ. Однако методика их использования в настоящее время еще находится в процессе становления. Многие методы применения информационных технологий несут на себе следы прямого калькирования офлайн-практик, выстраиваются без учета специфики коммуникации в сетевом сообществе.

1.2. Современные научные подходы к исследованию форм и методов обеспечения политической стабильности государства и общества

Понятие «политическая стабильность», несмотря на мнимую однозначность его содержания, отличается достаточно низкой степенью конвенциональности. В зарубежной политической науке был выработан целый комплекс вариантов его истолкования. Согласно классификации, созданной А.С. Макарычевым, концептуально в рамках зарубежной политической науки можно выделить, как минимум, пять разных подходов к истолкованию обозначенной дефиниции⁶³.

Первый подход предполагает интерпретацию политической стабильности как состояния, для которого характерно отсутствие каких-либо угроз, связанных с масштабным распространением нелегитимного насилия в рамках конкретной системы или наличие у властных институтов возможности легко устранить либо купировать такого рода риски⁶⁴. В частности, британский исследователь Ф. Били определяет стабильность как наличие у «политического организма» потенциала, необходимого для обеспечения его самосохранения в ситуации, формирующей угрозу для существования и единства макросоциальной системы, выступающей для него в качестве базиса⁶⁵.

---

⁶³Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии // Полис. 1998. № 1. С.150.

⁶⁴Дмитриев С.С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 18.

⁶⁵Соловьев А.С. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации//Государственное управление. Электронный вестник, 2003. №1. URL: <http://e->

Сходную точку зрения отстаивает американский политолог Д. Яворски. Предложенный им вариант интерпретации понятия отличается лишь большей конкретизацией, проявляющаяся посредством классификации политической стабильности. В частности, исследователь выделяет две формы данного явления - минимальную и демократическую⁶⁶. Под минимальной политической стабильностью подразумевается отсутствие на находящейся под юрисдикцией конкретного государства территории вооруженных конфликтов. Достижение стабильности данного вида стабильности, по мнению Д. Яворски, можно обеспечить только лишь за счет применения разного рода репрессивных механизмов, в рамках политических практик авторитарного режима.

Демократическая стабильность, согласно позиции автора, предполагает предотвращение масштабных конфликтов внутри общества за счет восприятия, канализации и реализации демократическими институтами и структурами гражданского общества запросов со стороны населения. По нашему мнению, данная классификация содержит в себе элемент идеализации демократических институтов. С учетом реальной политической практики, можно поставить под сомнение «демократическую стабильность» почти любого государства, выступающего в качестве условного эталона демократии. В США на протяжении многих десятилетий фактором, раскалывающим общество, остаются проблемы расовой и этнической дискриминации. В Германии демократические институты так и не смогли уравновесить интересы западных и восточных немцев (не случайно «Альтернатива для Германии» и «Левая партия» пользуются особой поддержкой именно в землях бывшей ГДР). В Великобритании неразрешенной остается проблема Ольстера, в Испании – Каталонии. За исключением ряда небольших государств, чей политический опыт не может быть масштабирован глобально, мы нигде не наблюдаем

---

journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1._sentjabr_2003_g./solovjev.pdf (дата обращения 15.11.2019).

⁶⁶Jaworsky J. Ukraine: Stability and Instability // McNair Paper 42, INNS, August, 1995. P. 3, 4

полноценной демократической стабильности, которую скорее уместно отнести к числу «идеальных моделей»⁶⁷.

Широко распространена точка зрения, согласно которой под стабильностью подразумевается сохранение конституционного строя, сочетаемого с преемственностью политического курса. Так, данной точки зрения придерживается С. Хантингтон⁶⁸. Однако, по нашему мнению, объяснительная модель, предписанная данным подходом, страдает очевидным изъяном. Практика показывает, что существенные изменения в рамках политической системы могут осуществляться в отсутствие корректив основного закона. При этом сохранение существующей политической системы, устранение угроз для нее может потребовать отказа от преемственности политики по целому ряду ключевых направлений. В качестве примера можно привести масштабные политические реформы, предпринятые В.В. Путиным в период 1999 – 2004 гг. Не меняя принятой при Б.Н. Ельцине Конституции, он существенным образом преобразовал ее, купировав деструктивные процессы, порожденные ошибками его предшественника, и тем самым сохранил созданную последним политическую модель от полного разрушения.

В рамках третьего подхода политическая стабильность определяется как результат высокой легитимности власти. Данной точки зрения придерживается, в частности, Д. Заллер и С. Липпсет. Л. Грин и вовсе определяет политическую стабильность как форму легитимности власти⁶⁹. В рамках легитимистского подхода существует также концепция «поддержки власти». В наиболее полном виде концепцию ее описал в своих трудах Д. Истон, интерпретировавший политическую стабильность как функцию,

---

⁶⁷ Дубровский Г.Д. Протестные события 2019 г. в Москве: анализ политических технологий // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. Материалы международной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2020. С. 731; Лухманова З.Т. Роль молодежной политики в стабилизации политических режимов // Развитие территорий. 2021. № 2 (24). С. 96.

⁶⁸ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 235.

⁶⁹ Заллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 87; Green L. Support for the System // British Journal of Political Science, 1985. Vol. 15. Part. 2. P. 55.

направленную на обеспечение поддержки социума действующей власти и существующего политического режима. При этом подчеркивалось, что уровень поддержки власти во многом обуславливается ее способностью меняться на основе «обратной связи» с обществом⁷⁰. В дальнейшем его идеи развил В.-Д. Эбервайн, рассматривавший феномен политической стабильности с позиций конфликтологии, оценивал ее как производную от интенсивности существующей в обществе конфронтации⁷¹. Сходной точки зрения придерживался А. Этциони, приписывая всем социальным системам тенденцию к энтропии, которая порождает необходимость создания механизмов интеграции и организации⁷².

Однако у данной позиции существуют проблемы с обоснованием в силу постепенного размывания понятия легитимности. Первоначально под данным термином подразумевалась убежденность населения соответствующей территории в обоснованности и преимуществах конкретного политического режима и декларируемых им фундаментальных ценностей, а также необходимости подчиняться его представителям. В качестве источников легитимности власти М. Вебер выделял традицию, харизму лидера или рационально-правовое обоснование. Таким образом, по мысли создания данного концепта, легитимность режима не обязательно предполагала его легальность (законность). Однако злоупотребления, связанные с использованием понятия «легитимность», привели к тому, что данный термин начали сводить к правовому обоснованию власти. Как результат, попытки увязать стабильность режима с его легитимностью стали приобретать гротескный характер. Режим В.Ф. Януковича на Украине в 2013 – 2014 гг. был безусловно легальным, однако отличался крайней нестабильностью⁷³.

---

⁷⁰ Easton D. *System Analysis of Political Life*. N.J., 1965. P. 52.

⁷¹ Eberwein W.-D. *Domestic Political Processes // The Globus Model Computer Simulation of Worldwide Political and Economic Developments*. Boulder. 1987. P. 176.

⁷² Etzioni A. *The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes*. L., 1968. P. 82.

⁷³ Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Динамика протестных настроений студенческой молодежи в региональном контексте: на примере Приморского края // *Социально-политические науки*.

Источником проблем также служит вопрос о масштабах «достаточной легитимности». Правящий режим может опираться на поддержку широких слоев населения, но при этом находиться в конфронтации с элитами и связанными с истеблишментом внешними акторами. Следствием такого рода конфигурации симпатий и антипатий легко может стать дестабилизация политической системы с последующим государственным переворотом. Примером последнего может служить новейшая история целого ряда государств Латинской Америки.

Таким образом, для обретения реальной политической стабильности недостаточно одной лишь поддержки действующей власти широкими слоями населения. Также необходимы институциональные механизмы, блокирующие возможность насильственного захвата власти находящимися в оппозиции элитными группами при поддержке внешних акторов.

Другим важным дополнением к легитимности власти, как было отмечено С. Липсетом, является ее эффективность, определяемая как способность к решению актуальных для общества задач социально-экономического развития. Эффективность при этом является факультативным источником легитимности политического режима, определяя во многом степень удовлетворенности населения существующим строем⁷⁴.

Некоторые исследователи интерпретируют политическую стабильность как отсутствие значимых изменений в политической структуре или наличие механизмов управления данными трансформациями со стороны истеблишмента. Однако данная описательная модель близка к «идеальным схемам», поскольку не учитывает наличие взаимосвязи между динамикой внешней (в широком смысле) конъюнктуры и необходимостью трансформаций. Как было отмечено Т. Парсонсом, для обеспечения стабильности системы необходимо, чтобы взаимоотношения между системой и ее окружением носили

2020. Т. 10. № 5. С. 20; Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, Интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52.

⁷⁴Липсет, С.М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. URL: http://www.journal-apologia.ru/rnews.html?id=331&id_issue=81 (дата обращения: 20.12.2019)

характер, исключая трансформацию внутренних структур и процессов⁷⁵. Впрочем, мы можем согласиться с данным тезисом лишь отчасти: внутренние процессы и структуры могут трансформироваться, однако их развитие должно носить контролируемый и конструктивный характер, обеспечивая приспособление системы к новым условиям вместо ее уничтожения⁷⁶.

Наличие механизмов управления внутривластной повесткой само по себе не гарантирует сохранения контроля над ситуацией в случае существенных изменений в социальной сфере и области экономики. Появление новых вызовов и угроз может легко нивелировать эффективность такого рода механизмов. В Российской Федерации к середине 2018 г. была создана достаточно эффективная система коммуникации власти с населением, обеспечивавшая поддержку политики государства подавляющим большинством граждан. Однако ее институты, как показала практика, не смогли обеспечить лояльного восприятия гражданами пенсионной реформы. Результатом этого стал электоральный кризис осени 2018 г. В Хабаровском крае, Владимирской области и Хакасии победу на выборах высшего должностного лица региона одержали оппозиционные кандидаты, существенно сократился уровень поддержки партии «Единая Россия» в ходе голосования по спискам, уменьшилась удельная доля кандидатов-единоросов, получивших мандат в результате выборов в одномандатных округах. Соответственно, само по себе наличие механизмов регуляции внутривластного процесса не является гарантией политической стабильности. Соответствующие институты должны также обладать высоким потенциалом с точки зрения адаптации к новым условиям⁷⁷.

---

⁷⁵Сахаров Д. Е. Теоретические основы создания отказоустойчивой системы управления ресурсами предприятия (ОСУРП) на принципах самоорганизации // Молодой ученый. — 2010. №10. URL: <http://moluch.ru/archive/21/2146/> (дата обращения 16.12.2019)

⁷⁶ Шуваев Д.И. Гражданское общество и обеспечение стабильности в государстве: взаимосвязь и взаимовлияние (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 16.

⁷⁷ Кандыба Р.А. Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 238; Марин Е.Б. Представление о социальном протесте у молодежи российского

Отсутствие значимых изменений в структуре политической системы также само по себе может служить фактором нестабильности, провоцируя накопление и качественных рост противоречий, неизбежно возникающих в рамках процесса политического и экономического развития. Фактически в данном случае речь идет не столько об устойчивости политической системы, сколько об утрате ей этого качества в результате атрофии механизмов адаптации⁷⁸.

Стабильность и преобразования не являются взаимоисключающими понятиями. По мнению А.П. Цыганкова, они, напротив, тесно взаимосвязаны: наличие хотя бы минимального уровня стабильности политической системы является значимой гарантией ее успешного реформирования⁷⁹. Сходной точки зрения придерживаются такие исследователи, как А.Д. Богатуров и О.Ф. Шабров. Первый охарактеризовал стабильность как парадигмальное свойство поступательного развития. Второй выделил в качестве условия стабильности системы изменчивость ее подсистем, их способность к постепенному накоплению новых элементов на пути трансформации при сохранении базовых параметров⁸⁰.

Наконец, пятый подход предполагает определение стабильности как социально-политического состояния, в рамках которого представители конкретного сообщества с высокой долей последовательности и жесткости ограничивают свое поведение социально приемлемыми нормами (Г. Гортц⁸¹).

Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 62; Сухов А.Н. Последствия деструктивных социальных конфликтов: историко-практический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 323.

⁷⁸ Щупленков О.В. Методологические аспекты национальной безопасности России // NB: Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 60.

⁷⁹ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: Учебное пособие. М., 1995. URL http://socioline.ru/files/5/48/cygankov_a.p._sovremennye_politicheskie_rezhimy_-_1995.pdf (дата обращения 05.01.2020).

⁸⁰ Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970– 90-е гг. М., 1996. С. 19; Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. Майкоп – Ростов– н/Дону, 1999. С.180–194.

⁸¹ Goertz G., Starr H. Necessary Conditions: Theory, Methodology and Applications. Oxford: Rowman&Littlefield, 2003.

Данная точка зрения также не может использоваться как исчерпывающе верная: мы можем наблюдать примеры политической нестабильности в том числе в рамках обществ, для которых характерны высокая степень традиционализма и жесткая регламентация социального поведения их членов. В качестве примера можно привести массовые аресты членов правящей элиты Саудовской Аравии в ноябре 2017 г., сопровождавшиеся изъятием финансовых активов, репрессированных в пользу королевской казны.

Отдельно необходимо выделить оригинальный подход, сформулированный К. Даудинг и Р. Кимбером. По их мнению, стабильность представляет собой состояние политической системы, в рамках которого она способно успешно купировать внешние и внутренние угрозы⁸². С одной стороны, авторы правомерно акцентируют внимание на вопросе о роли внешней среды как источника рисков дестабилизации. С другой стороны, предложенная ими лаконичная трактовка политической стабильности не содержит попыток интерпретации такого свойства данного феномена, как устойчивость. В результате под определение стабильной системы может подпадать и радикально трансформирующийся политический организм, обретающий, благодаря преобразованиям, способность адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Т. Парсонс сформулировал оригинальное определение стабильности, определив ее как состояние, при котором внутренние связи между элементами политической системы сильнее внешних контактов. Данная объяснительная модель хорошо подходит для описания кризисов стабильности, порожденных активным вмешательством внешних акторов (примером чего может служить ситуация на Украине). Однако ее использование нельзя считать обоснованным в случаях, когда развитие энтропийных процессов обусловлено эндогенными факторами⁸³.

---

⁸² Doweling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. 1983. Vol. II . № 3. P. 28 – 39.

⁸³ Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.

Таким образом, ни один из описанных выше подходов к определению понятия «политическая стабильность», распространенных за рубежом, не может рассматриваться как исчерпывающий сущность данной дефиниции. Однако их обобщение позволяет сконструировать общую модель условий, обеспечивающих поддержание стабильности политической системы. Обеспечение последней предполагает наличие действенных механизмов разрешения внутренних противоречий и нейтрализации внешних угроз, структурной устойчивости властных институтов и инструментов поддержания легитимности (в классическом понимании данного термина) действующей власти.

Для традиции российской политической науки также характерно отсутствие единства мнений исследователей при определении сущности политической стабильности.

М.Г. Анохин истолковал содержимое данного понятия как состояние политической системы, для которого характерны устойчивость, структурная целостность и способность политической системы успешно функционировать под воздействием внешних и внутренних акторов⁸⁴.

М.А. Василик описывает политическую стабильность как состояние социальной устойчивости, формирующее потенциал эффективного функционирования и развития общества в условиях коммуникации с внешними и внутренними акторами, а также позволяющее сохранить его структуру и институты, отвечающие за канализацию процесса социальных трансформаций. Одновременно исследователь интерпретировал политическую стабильность как совокупность господствующих в социуме связей и отношений, фактически отождествляя ее с устойчивой структурой социальной системы. Более того, М.А. Василюком была дана третья трактовка политической стабильности как наличия у политических и социально-экономических акторов способности

Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 51-54.

⁸⁴ Там же.

противодействовать дезорганизующим интеракциям, исходящим изнутри и извне политической системы⁸⁵.

В.Н. Иванов определяет политическую стабильность как способность политической системы длительное время функционировать в отсутствие резких перемен⁸⁶.

Ю.В. Ирхин определил политическую стабильность как состояние, обеспечивающее устойчивую работу всех политических институтов, соблюдение формальных и неформальных регулятивных норм и традиций и развитие макросоциальной системы в условиях сохранения ее структуры и «качественной определенности»⁸⁷.

А.И. Соловьев интерпретирует политическую стабильность как состояние баланса в сфере и внутри- и внешнеполитических отношений государства, дающее возможность эксплуатации политических механизмов для решения задач сохранения и развития властных институтов и соответствующей социальной системы⁸⁸.

С.И. Бойко охарактеризовал политическую стабильность как состояние, для которого характерны динамичность, устойчивость, непрерывность в плане основных характеристик и эволюционная модель развития. В рамках данного состояния трансформация политического процесса осуществляется без использования инструментов актуального насилия. Последнее обеспечивает, с одной стороны, наличие адекватной формы конверсии власти в рамках цепочки «государство – общество – государство», а с другой – сбалансированный характер отношений как между группами истеблишмента, так и между элитой и прочими макросоциальными группами. В качестве дополнительных условий поддержания политической стабильности

---

⁸⁵Василик М.А. Политология. М., 2005. С. 217-218.

⁸⁶Иванов В.Н. Политическая социология. М., 2006.

⁸⁷Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. Учебник. М., 2002. С. 112.

⁸⁸Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 1. 23 сент. 2003. URL: http://eejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1._sentjabr_2003_g./solovjev.pdf (дата обращения 11.11.2019).

исследователь выделяет наличие «политического равновесия» между основными акторами и «цивилизованных» форм выстраивания диалога между ними⁸⁹.

Н.П. Медведев, рассматривая феномен политической стабильности с позиций системного подхода, интерпретировал его как единство устойчивости макросоциальной общности, политического режима и действующей власти⁹⁰.

Н.В. Цуренков дал определение политической стабильности как особого состояния властной системы и комплекса коммуникаций политических акторов, для которого характерны способность в течение длительного времени функционировать без существенных трансформаций, сохраняя свои фундаментальные характеристики и устойчивость к внутренним и внешним угрозам, адекватно и своевременно реагируя на смену условий политической конъюнктуры, обеспечивая в итоге постоянство сложившегося политического уклада⁹¹.

Сходную точку зрения отстаивает А.В. Фирсов, рассматривающий стабильность как состояние политической системы, при котором она обладает необходимым потенциалом для оперативного реагирования на внутренние и внешние вызовы, в то же время сохраняя неизменными свои базовые параметры и развиваясь независимо от типа политического режима. В рамках данной трактовки политическая стабильность представляется ситуацией динамического равновесия, точкой гармонизации процессов воспроизводства системы в рамках заданной модели и ее трансформации под влиянием изменения социально-политической и экономической среды⁹².

---

⁸⁹Бойко С. И. Механизмы обеспечения политической стабильности: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 46.

⁹⁰Медведев Н.П. Современные проблемы достижения политической стабильности: научные подходы и политическая практика // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 49.

⁹¹Цуренков Н.В. Политическая стабильность Российского государства и ее влияние на пограничную безопасность. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2015. С. 55.

⁹²Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт. Диссертация на соискание ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 27.

Необходимо отметить, что для российской политологической традиции характерны, во-первых, расширение понятия «политическая стабильность» за счет включения в его объем функции регулирования социальных трансформаций и, во-вторых, четкая взаимосвязь понятий «политическая стабильность» и «устойчивое развитие». Таким образом, под состоянием политической стабильности так или иначе подразумевают комплекс факторов, обеспечивающих устойчивое развитие конкретной социально-политической системы, а не просто совокупности взаимосвязанных властных институтов.

При этом чаще всего внимание авторов дефиниций акцентируется на сохранении структурной целостности политической системы и способности эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Таким образом, функциональное описание политической стабильности в российской и зарубежной политологической традициях совпадают, за исключением элемента легитимности, выделяемого западными политологами.

Ряд исследователей также выработали описательное определение политической стабильности в формате перечисления основных ее элементов или признаков.

Так, Э. Дафф и Д. Маккамонт выделили в качестве основных критериев политической стабильности следующие признаки:

- преобладание социальной помощи по отношению к общественной мобилизации (носящей протестный характер);
- высокие темпы развития экономики;
- отсутствие высокой диспропорции в распределении доходов;
- наличие у действующей власти резервов, позволяющих наращивать политический потенциал;
- широкое распространение сильных массовых политических партий с массовым членством, обеспечивающих инклюзию граждан в политический процесс⁹³.

---

⁹³Логинов, А. В. Социальная политика государства как механизм обеспечения и поддержания политической стабильности // Известия высших учебных заведений.

На наш взгляд, данное определение описательного характера не вполне универсально, поскольку основывается на агрегации опыта государств Европы и Северной Америки. В силу этих причин, например, многие восточноазиатские государства могут рассматриваться как политически нестабильные, несмотря на отсутствие ощутимых угроз для сложившихся там режимов.

А.И. Соловьев очерчивает круг ключевых свойств политической стабильности следующим образом ⁹⁴:

- исполнение властными структурами базовых функций;
- осуществление политическим истеблишментом продуманной и эффективной управленческой стратегии;
- осторожное и избирательное применение властями ресурсов репрессивного аппарата;
- соблюдение традиций, присущих данному обществу;
- отсутствие серьезных трансформаций в структуре организации властных институтов;
- выстраивание конструктивного диалога между властью и оппозицией;
- высокий уровень толерантности населения к новым социокультурным и политическим практикам.

О.М. Михайленок выработал трехуровневую описательную модель политической стабильности. Согласно его трактовке, высокий уровень политической стабильности отличают такие специфические черты, как:

- консолидация всех макросоциальных групп вокруг существующей стратегии социально-политического развития и соответствующего курса политического руководства;

Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 1. С. 82 – 88. URL: <http://psibook.com/sociology/sotsialnaya-politika-gosudarstva-kak-mehanizm-obespecheniya-i-podderzhaniya-politicheskoy-stabilnosti.html> (дата обращения 17.12.2019)

⁹⁴Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М., 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001073/st000.shtml> (дата обращения 11.10.2019)

- активная поддержка демократизации всех сфер жизни общества и всех уровней политической системы;

- эффективная медиация государства в рамках урегулирования конфликтов на ранней стадии их развития и разрешения имеющихся противоречий;

- наличие убежденности широких масс населения в том, что исполнительная власть действует преимущественно в интересах общества в целом.

Для среднего уровня политической стабильности, по мнению О.М. Михайленка, характерны:

- преобладание тенденции к демократизации политической сферы жизни общества;

- тенденция к реализации реформ в интересах большей части общества;

- высокая степень соответствия между избранной властью стратегией социально-экономического развития, образом будущего, присущим широким слоям населения, и наличными средствами их реализации.

Низкий уровень политической стабильности в рамках данной системы отличает:

- наличие резкого обострения социальных противоречий в межрегиональных масштабах;

- социально-экономическая поляризация общества;

- сочетание падения уровня жизни широких слоев населения и обогащения за счет коррупции узкого круга элитных групп, обеспеченных ресурсом в виде социального инструментального капитала (дружеские, кровнородственные связи и т.д.);

- неспособность политического руководства проводить преобразования в интересах широких масс населения;

- расширение масштабов и географии протестных акций с политическим подтекстом;

- формирование в СМИ токсичного образа «действующей власти»;

- рост недоверия граждан по отношению ко всем ветвям власти⁹⁵.

В рамках данного определения сомнения с нашей стороны вызывает четкий акцент на выделение демократизации в качестве обязательного условия политической стабильности. Согласно данной точке зрения, недемократический режим в принципе должен обладать низкой политической стабильностью. Однако эмпирический опыт прямо указывает на необоснованность такого рода утверждений.

Косвенным образом определить сущность понятия «политическая стабильность» позволяет анализ ресурсов, используемых для ее обеспечения. Наиболее значимыми из них являются репрессивный аппарат государства, пресекающий попытки внешних и внутренних акторов дестабилизировать политическую ситуацию, а также институты, позволяющие власти оперативно получать информацию о положении дел внутри страны и действиях зарубежных структур и принимать на основе собранных данных решения относительно устранения рисков и использования открывшихся возможностей. Большую роль играют также структуры СМИ, обеспечивающие обратную связь между властями и обществом, продвигающие общественно-политическую повестку в соответствии с интересами клиентов и бенефициаров, и в целом формирующие общественное мнение. Также существенную роль в обеспечении стабильности играют иные общественно-политические институты, обладающие авторитетом в глазах широких масс населения: управленческие структуры религиозных объединений, политические партии, профсоюзы, «советы старейшин» и т.д. Большое значение имеют также механизмы политической медиации, обладающие признанием со стороны основных участников политического процесса, а также система формальных и неформальных норм, фактически обязательных к исполнению всеми представителями истеблишмента вне зависимости от имеющегося статуса. Из числа политико-психологических ресурсов поддержания стабильности можно

---

⁹⁵Михайленок О.М. Политическая модернизация и политическая стабильность: российский дискурс // Россия и современный мир. 2012. № 3 (76). С. 53, 54.

выделить устраивающий основную массу населения образ будущего и отсутствие у граждан завышенных ожиданий⁹⁶.

Определить иерархии значимости перечисленных факторов достаточно сложно, так как в каждом конкретном случае она определяется спецификой локальной политической культуры. Однако ряд исследователей все же выделяют доминантные ресурсы поддержания политической стабильности.

По мнению С. Хантингтона, ключевое значение для поддержания политической стабильности имеют сильные политические институты⁹⁷. С последним можно согласиться, имея ввиду западные полиархии, однако данная оценка вряд ли адекватна для политических систем, выстроенных во многом вокруг признания авторитета конкретных лидеров. Также вопросы вызывает истолкование понятия «сила политического института». На момент начала «популистской волны» в странах Запада в начале 2010-х гг. традиционные партии почти безраздельно доминировали на политическом поле, их потенциальные соперники не обладали сопоставимой ресурсной базой и были маргинализированы. Однако отрыв партий от макросоциальных групп, на которые они первоначально опирались, и игнорирование мнения широких слоев населения обернулось в итоге протестным голосованием в пользу партий и конкретных лидеров, которые ранее находились в статусе политических аутсайдеров или были созданы относительно недавно на базе официально порицаемых государством и общественностью идеологических платформ. Нивелировать этот процесс традиционным партиям не позволили ни существенное преимущество с точки зрения финансирования, ни контроль за «мейнстримными» СМИ. По формальным показателям, ресурсному потенциалу уровень их силы остается почти на том же уровне, что и прежде, однако степень влияния существенно сократилась.

---

⁹⁶ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: Учебное пособие. -М: «Интерпракс», 1995. URL http://socioline.ru/files/5/48/cygankov_a.p._sovremennye_politicheskie_rezhimy_-_1995.pdf (дата обращения 10.10.2019).

⁹⁷ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 81.

К. Эйк рассматривает в качестве главного фактора политической стабильности модели поведения и интересы политического истеблишмента⁹⁸. Однако абсолютизация роли элит представляется нам ошибочной. Данная объяснительная модель не учитывает существование контрэлиты, а также наличие механизмов, позволяющих мобилизовать энергию масс. Последние могут выступать объектом манипуляций в интересах иного актора, однако это не лишает массы субъектности, хотя и краткосрочной, и, во многом, деструктивной.

Значимость коммуникации между элитами и широкими массами населения как ресурса обеспечения стабильности выделяет и А.И. Соловьев. По мнению последнего, взаимоотношения данных акторов обуславливают (в рамках идеальной модели) формирования специфики политического режима, позволяющего обеспечить консолидацию, целостность общества, исполнение властными институтами своих парадигмальных функций и легитимность существующего политического режима. При этом базовым условием эффективности работы данной модели и в то же время механизмом ее функционирования является следование доминирующим социокультурным нормам, призванным регулировать поведение акторов⁹⁹.

С учетом выявленных выше противоречий в трактовках понятия «политическая стабильность», можно заключить, что под данным термином следует понимать состояние политической системы, в рамках которого она способна длительное время сохранять структурную устойчивость, в то же время эффективно реагируя на возникновение внутренних и внешних угроз, адаптируясь по отношению к ним без изменений своих базовых характеристик. В рамках данной трактовки стабильность подразумевает не отсутствие развития, а постепенный и устойчивый характер данного процесса.

---

⁹⁸ Claud A. A definition of political stability // Comparative Politics, Vol. 7, No. 2. P. 275.

⁹⁹ Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып. 1. – 23 сент. 2003. URL: http://eejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1_sentjabr_2003_g/solovjev.pdf (дата обращения 11.10.2019).

Приведенное выше определение выступает в качестве единственного варианта интерпретации понятия «политическая стабильность», используемого далее в тексте представленного исследования.

Для исследователей характерно отсутствие единства в плане оценки методов и форм обеспечения стабильности. Зачастую позицию эксперта определяет исключительно опыт функционирования конкретного режима (чаще всего речь идет об обобщении опыта функционирования полиархии) и ориентация на нормативный подход. Анализируется не столько реальная практика функционирования политической системы, сколько представления об идеальной модели управления, заданной определенной системой ценностей.

В то же время необходимо обратить внимание на единство взглядов на применение репрессивных форм поддержания политической стабильности. Последние рассматриваются как крайняя мера, свидетельство того, что концептуальные механизмы поддержания политической стабильности работают с серьезными сбоями. Силовая составляющая расценивается как обязательный элемент методики поддержания стабильности лишь в рамках купирования рисков, порожденных активностью внешних акторов (включая ликвидацию подпитываемых из-за рубежа сепаратистских, экстремистских и террористических структур.

1.3. Технологический подход к управлению политической стабильностью

Сущность технологического подхода к управлению политической стабильностью сводится к применению современных коммуникационных технологий с целью модерации политического процесса в плане профилактики и купирования информационных рисков, формирования позитивной и конструктивной общественно-политической повестки, пресечения и предотвращения применения ИТ-инструментария в рамках противозаконной деятельности, ориентированной на подрыв политической и экономической

стабильности, либо способной косвенно способствовать запуску соответствующих процессов¹⁰⁰.

Таким образом, сфера применения данного подхода охватывает одновременно поле информационной войны, область противодействия терроризму, экстремизму, зарубежным спецслужбам, организованным преступным группировкам, законодательное обеспечение работы традиционных СМИ и соцмедиа, нормативное регулирование процесса обмена данными, соответствующую правоприменительную практику, развитие механизмов защиты от кибератак, деятельность по производству программного обеспечения и материальной базы для вычислительных и коммуникационных устройств, создание собственной системы коммуникационной инфраструктуры и обеспечение присутствия в национальном сегменте Интернета преимущественно продукции компаний, находящихся под юрисдикцией данного государства¹⁰¹.

Последнее, что важно подчеркнуть, направлено не на обеспечение интересов национальных бизнес-структур или удовлетворение амбиций ультрапатриотов. Целью соответствующей деятельности является создание условий, при которых к любой крупной Интернет-корпорации, присутствующей в информационном пространстве конкретного государства, могут быть применены конкретные правовые санкции в случае нарушения ее законодательства.

При этом правовая локализация не подразумевает вытеснение зарубежных Интернет-компаний (меры такого характера в принципе высокочрезмерно затратны и малоэффективны в силу распространения технологии

---

¹⁰⁰ Балахнин И. Информационное измерение стабильности политического режима // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 5. С. 115.

¹⁰¹ Медведев Н.П. Современные проблемы достижения политической стабильности: научные подходы и политическая практика // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 45; Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2019. № 2 (349). С. 5-17;

виртуальных частных сетей – Virtual Private Network или VPN), а их регистрация в качестве юридических лиц в государствах присутствия¹⁰².

В качестве наглядного примера, подтверждающего значимость данного направления реализации технологического подхода к обеспечению политической стабильности, можно привести следующие факты.

Начиная с 2014 г., компания Twitter последовательно игнорирует требования властей РФ относительно локализации данных российских пользователей, регистрации в качестве официального распространителя информации, предоставления информации о посещаемости аккаунтов, сохранении переписки и раскрытии личной информации пользователей. При этом руководство соцсети охотно оказывает соответствующие услуги властям США. Например, по информации за 2014 г., администрация Twitter не отреагировала ни на один из 108 официальных запросов Роскомнадзора относительно посещаемости наиболее популярных среди российских пользователей аккаунтов. В то же время руководство соцсети удовлетворило около 3 тыс. запросов властей Соединенных Штатов о раскрытии личной информации пользователей, включая граждан иных государств. Единственной санкцией, последовавшей в ответ на игнорирование требований российского законодательства, стал символический штраф в размере 3 тыс. рублей¹⁰³.

---

¹⁰² Трегубов Н.А. Политическая система: принципы функционирования, условия стабильности, механизм трансформации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 110; Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 89; Чельшева С.Д., Эльтикова Е.А. Социальные сети как инструмент политических манипуляций // Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов. Сборник статей Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 41.

¹⁰³ Роскомнадзор против Twitter и Facebook. Краткая история противостояния. <https://rtvi.com/stories/roskomnadzor-protiv-twitter-i-facebook/>; Роскомнадзор: Google, Facebook и Twitter должны зарегистрироваться. <https://iz.ru/news/577214>; Роскомнадзор завел административное дело против Twitter и Facebook. <https://rtvi.com/news/roskomnadzor-zavel-administrativnoe-delo-protiv-twitter-i-facebook/>; ТОП-10 штрафов и взысканий, наложенных на Интернет-компании. <https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/04/TOP-10-shtrafov.pdf>; Московский суд оштрафовал Twitter на 3 тысячи. <https://rg.ru/2019/04/07/reg-cfo/moskovskij-sud-oshtrafoval-twitter-na-3-tysiachi.html>

Данная ситуация стала возможной благодаря тому, что Twitter не зарегистрирован в качестве юридического лица в России и находится фактически вне поля юрисдикции ее властей. Для сравнения, юридическая локализация американских Интернет-компаний в государствах Евросоюза дает их властям возможность использовать ощутимые репрессивные меры в ответ на нарушения европейского законодательства. В частности, в 2017 – 2019 гг. Google был трижды оштрафован Еврокомиссией на суммы в размере от €1,49 до 4,34 млрд. за нарушение антимонопольного законодательства. В январе 2015 г. Национальная комиссия по защите информации и свобод Франции оштрафовала Google на €50 млн. в ответ на нарушение норм закона ЕС о защите данных.

Идеальная модель технологического подхода предполагает также создание благоприятных условий для развития национальных бизнес-структур, способных предложить сопоставимый по качеству с зарубежными аналогами коммерческий продукт. В качестве примера в данном случае можно привести китайские соцмедиа, такие как WeChat, QQ, Youku Tudou и Qzone. Их запуск заметно снизил востребованность зарубежных аналогов, заметно сократив число граждан КНР, пользующихся заблокированными в Китае сервисами при помощи VPN. (Вопреки распространенным стереотипам, используемая в КНР система блокировок внешних ресурсов относительно легко преодолевается пользователями: по данным на 2019 г., только лишь социальную сеть Twitter в континентальном Китае, за исключением Гонконга, ежемесячно посещают около 10 млн. человек)¹⁰⁴.

Объем обозначенной сферы задач обуславливает наличие важного условия эффективности применения технологического подхода к обеспечению политической стабильности. Принципиальным значением обладает наличие стратегического, системного подхода при планировании и реализации соответствующей деятельности. Она должна охватывать

---

¹⁰⁴Top Twitter Demographics That Matter to Social Media Marketers. URL: <https://blog.hootsuite.com/twitter-demographics/> (дата обращения: 08.01.2020).

одновременно все обозначенные сферы работы, связывать их между собой и определять их развитие в долгосрочной перспективе. Деятельность вовлеченных в данный процесс структур не может носить преимущественно реактивный характер.

Как следует из описания обозначенного выше круга задач, технологический подход к обеспечению политической стабильности не подразумевает концентрации усилий исключительно на развитии программного обеспечения, создании и усовершенствовании материальной базы ее функционирования. Полноценная его реализация на практике требует решения многих иных задач. В качестве примера в данном случае можно привести продвижения соответствующей повестки в публичном пространстве, в том числе – в рамках создания законопроектов и борьбы за выделение необходимого финансирования. Также большое внимание уделяется созданию и развитию экспертно-аналитических структур, занимающихся выработкой предложений для лиц, принимающих решения, их лоббированием в рамках GR-процедур, формированием и курированием команд технических специалистов.

В качестве примера в последнем случае можно привести Альянс за обеспечение демократии (Alliance for Security Democracy's, ASD) – организацию, функционирующую на базе Немецкого Фонда Маршалла. Данная структура была сформирована, как заявляется официально, с целью «противодействия усилиям России по подрыву демократических институтов в Соединенных Штатах и Европе», т.е. фактически для ведения информационной войны против РФ. В ее Консультативный совет многие представители политической элиты США, в том числе – бывшие руководители спецслужб. В частности, в данную структуру входят экс-министр внутренней безопасности США Майкл Чертофф, бывший глава комитета по разведке Палаты представителей Конгресса Майк Роджерс, бывший заместитель

директора АНБ Рик Ледгетт и экс-заместитель директора ЦРУ Майкл Морелл¹⁰⁵.

Из числа реализованных ею проектов можно упомянуть создание информационной панели Hamilton 68, отображающая активность учетных записей в соцсети Twitter, якобы используемых для организации «российского вмешательства» в политическую жизнь Европы и Соединенных Штатов. Данный проект не формирует чисто технической угрозы для политической стабильности в России. Однако результаты его реализации рассматривались в Конгрессе США, в том числе – в процессе рассмотрения вопросов о санкциях в отношении РФ, их популяризация позволила сформировать в общественном мнении граждан США и жителей стран ЕС образ «российской угрозы», что облегчило для западного истеблишмента задачу продвижения и реализации внешней политики, направленной против РФ¹⁰⁶.

Важно отметить, что в рамках обеспечения политической стабильности посредством технологического подхода традиционно тесной является тесная кооперация государственных органов с коммерческими структурами и даже акторами гражданского общества (если речь идет об эффективной модели функционирования соответствующих механизмов). В отдельных случаях речь идет даже о частичной интеграции упомянутых структур за счет кадрового обмена. Так, глава отдела глобальной политики Facebook М. Бикерт (т.е. фактически лицо, отвечающее за определение принципов модерации и цензурирования данной социальной сети) является бывшим сотрудником Министерства юстиции США, а большинство ее подчиненных – это сотрудники Администрации президента США периода пребывания на этом

---

¹⁰⁵ Advisory Council. URL: <https://securingdemocracy.gmfus.org/about-us/advisory-council/>(дата обращения: 08.01.2020); About Us. URL: <https://securingdemocracy.gmfus.org/about-us/#mission>(дата обращения: 08.01.2020); Our Work. URL: <https://securingdemocracy.gmfus.org/our-work/>(дата обращения: 08.01.2020).

¹⁰⁶ Hamilton 2.0 – Analysis 3 – Why the Jeffrey Epstein saga was the Russian government-funded media’s top story of 2019. <https://securingdemocracy.gmfus.org/hamilton-2-0-analysis-3-why-the-jeffrey-epstein-saga-was-the-russian-government-funded-medias-top-story-of-2019/>(дата обращения: 08.01.2020).

посту Б. Обамы¹⁰⁷. Старший исполнительный директор компании Twitter Г. Макмиллан, координирующий функционирование одноименной соцсети на Ближнем Востоке, также является офицером 77-й бригады Вооруженных сил Великобритании (т.е. несет службу в подразделении, созданном с целью ведения информационной войны)¹⁰⁸.

Тесное сотрудничество между государством и крупными Интернет-компаниями, находящимися под его юрисдикцией, во многом является естественным следствием того, что технологические компании изначально ориентированы на использование потоков «больших данных» в манипулятивных, преимущественно – коммерческих целях.

Борьба со злоупотреблениями Интернет-корпораций чревата всплывками общественного недовольства, поскольку на практике попытки привлечь эти компании чаще всего воспринимаются как проявление стремления к установлению государственной цензуры в Интернете (во многом это связано с эффективным позиционированием со стороны руководства самих корпораций). В то же время обращение к накопленным коммерческими компаниями ресурсам позволяет властям повысить эффективность борьбы с деструктивными политическими движениями и вмешательством со стороны зарубежных спецслужб.

Так, в программное обеспечение Facebook интегрированы элементы кода, позволяющие отслеживать поведение пользователей. Информация о владельце аккаунта, включая удаленные им данные, храниться соцсетью на постоянной основе. Сотрудники Facebook имеют доступ к видеокамере и микрофону устройства, используемого для выхода в соцсеть, а также данным о его геолокации. Как стало известно в ноябре 2019 г., мобильная версия мессенджера Facebook для смартфонов типа iPhone предусматривает

---

¹⁰⁷ТОП-11 случаев цензуры в социальных сетях.
<https://fznc.world/%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/top-11-sluchaev-tsenzury-v-sotsialnyh-setyah/>(дата обращения: 08.01.2020).

¹⁰⁸ Куратор Twitter по Ближнему Востоку – сотрудник британской военной разведки.
<http://realtribune.ru/news/news/2816> (дата обращения: 08.01.2020)

возможность активации администраторами соцсети видеокамеры устройства, если на нем установлена операционная система iOS 13.2.2¹⁰⁹. Речь идет о целенаправленном накоплении «больших данных» с целью их дальнейшей перепродажи бизнес-структурам. Так, в ходе расследования журналистов издания The New York Times в конце 2018 г. было установлено, что Facebook на возмездной основе предоставляла доступ к данным нескольких сотен миллионов аккаунтов крупным корпорациям¹¹⁰. Эти ресурсы также активно используются в рамках решения задач внутренней политики. Достаточно вспомнить о скандале, связанном с незаконным сбором данных пользователей соцсетей для разработки фирмой Cambridge Analytica программ, позволяющих прогнозировать результаты голосования и осуществлять микротаргетирование политической рекламы¹¹¹. При этом широкой общественности малоизвестны факты куда более масштабного использования личных данных пользователей для решения политических задач. Так, в декабре 2015 г. выяснилось, что клиентам американской IT-компании Nation Builder предоставляется доступ к базе персональных данных 191 млн. избирателей США. Последняя включала в себя не только адреса, номера телефонов, даты рождения, но и упоминание политических предпочтений и электоральную историю, начиная с 2000 г. В июне 2017 г. стало известно о наличии у аналитической компании Deep Root Analytics, обслуживающей преимущественно представителей Республиканской партии США, базы данных относительно 198 млн. избирателей. Последняя включала в себя, помимо прочего, сведения относительно партийных предпочтений,

---

¹⁰⁹Десять фактов, доказывающих, что Facebook — инструмент западных спецслужб. <https://riafan.ru/1223939-desyat-faktov-dokazyvayushikh-cto-facebook-instrument-zapadnykh-specsluzhb> (дата обращения: 08.01.2020); Facebook на iPhone тайно включает камеру: баг или слежка. https://www.iguides.ru/main/security/facebook_dlya_iphone_tayno_vklyuchaet_kameru_bag_ili_slezhka/ (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁰ТОП-15 случаев утечек персональных данных. https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/03/Top_15_sluchaev_utechki_personalnyh_-dannyyh.-Redaktsiya-18.03.2019.pdf (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹¹Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем. <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>

конфессиональной принадлежности и участия в голосовании на президентских выборах 2008 – 2016 гг.¹¹²

Отдельно необходимо отметить, что, как показывает зарубежный опыт, взаимодействия государства и технологических корпораций может носить противоправный характер либо создавать условия для применения соответствующих методов.

Так, в 2014 г. стало известно, что властями Великобритании был создан ряд программ, позволяющих анонимно отслеживать активность пользователей Twitter (в частности, личные данные пользователей собирались посредством программы BIRDSTRIKE). Вероятнее всего, в данном случае речь шла о прямом сговоре властей королевства и руководства корпорации¹¹³.

В 2019 г. сотрудниками Корнеллского университета (США) было установлено, что Facebook автоматически отслеживает активность пользователей, в режиме инкогнито посещающих порносайты. Последнее открывало широкие возможности для шантажа и дискредитации общественных деятелей¹¹⁴.

В ноябре 2019 г. достоянием общественности стала информация о наличии в мессенджере WhatsApp «бэкдор» – специально встроенного дефект алгоритма, позволяющий получать несанкционированный доступ к данным пользователей, несмотря на применяющиеся механизмы шифрования¹¹⁵.

Впрочем, эффективная кооперация между Интернет-компаниями и государством возможна и без прямого и грубого нарушения прав пользователей. Например, с мая 2019 г. в WhatsApp начал действовать

---

¹¹²ТОП-15 случаев утечек персональных данных. https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/03/Top_15_sluchaev_utechki_personalnyh_-dannyh_-Redaktsiya-18.03.2019.pdf (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹³ GCHQ leak lists UK cyber-spies' hacking tools. <https://www.bbc.com/news/technology-28306819> (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁴ Google и Facebook следят за пользователями порносайтов. <https://inforeactor.ru/244452-google-i-facebook-sledyat-za-polzovatelyami-pornosaitov> (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁵ In May, I predicted that backdoors in WhatsApp would keep getting discovered, and one serious security issue would follow another, as it did in the past. <https://t.me/durov/109> (дата обращения: 08.01.2020).

алгоритм фильтрации контента. Любое пересылаемое посредством мессенджера сообщение отныне подвергается предварительному сканированию и при условии наличия в нем подозрительной модераторы получают соответствующее извещение, что служит основанием для начала внутреннего расследования¹¹⁶.

Широко распространения и практика ликвидации модераторами социальных сетей аккаунтов, владельцев которых подозревают в осуществлении деятельности в интересах акторов, конкурирующих с «материнским» по отношению к Интернет-корпорации государством. Например, в период протестов в Гонконге в 2019 г. Twitter заблокировал около 200 тыс. аккаунтов, связанных, по заявлению руководства соцсети, с правительством Китая и противодействующих усилиям США в рамках помощи манифестантам¹¹⁷.

В мае 2019 г. администрация Facebook заблокировала 51 аккаунт, 36 страниц и 7 групп, владельцы которых были заподозрены в связях с официальным Тегераном¹¹⁸. В июле 2019 г., накануне выборов в Верховную Раду Украины, модераторы данной соцсети заблокировали 1,8 тыс. аккаунтов, обвинив их владельцев в намерении повлиять на исход голосования в интересах России посредством распространения «дезинформации»¹¹⁹.

Отдельно необходимо отметить, что тесное сотрудничество государства и Интернет-компаний в области обеспечения политической стабильности неправовыми методами скрывает в себе достаточно высокие риски. В

---

¹¹⁶The Encryption Debate Is Over - Dead At The Hands Of Facebook. <https://www.forbes.com/sites/kalevleetaru/2019/07/26/the-encryption-debate-is-over-dead-at-the-hands-of-facebook/#48920b215362> (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁷Hong Kong protests: Twitter and Facebook crack down on "deceptive" accounts linked to China. <https://www.cbsnews.com/news/hong-kong-protests-twitter-facebook-crack-down-on-deceptive-accounts-linked-to-china/> (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁸Facebook заблокировал 58 аккаунтов за возможную связь с Ираном. <https://www.mk.ru/social/2019/05/29/facebook-zablokiroval-58-akkauntov-za-vozmozhnyuyu-svyaz-s-iranom.html> (дата обращения: 08.01.2020).

¹¹⁹Компания Facebook удалила фальшивые аккаунты из РФ и Украины, в которых критиковалась украинская власть. <https://gordonua.com/news/worldnews/kompaniya-facebook-nakanune-vyborov-v-radu-udalila-falshivye-akkaunty-iz-rf-i-ukrainy-v-kotoryh-kritikovalas-ukrainskaya-vlast-1143248.html> (дата обращения: 08.01.2020).

частности, возникает вероятность использования соответствующих методов не только против экстремистов, преступных группировок или зарубежных спецслужб, но и в ходе межэлитных конфликтов, в рамках публичного политического процесса. Так, в октябре 2017 г. представители Twitter официально признали, что в первой половине 2016 г. модераторы данной соцсети активно препятствовали распространению сообщений, которые могли бы негативно отразиться на репутации Х. Клинтон, тем самым активно поддерживая кандидата на пост президента от Демократической партии¹²⁰.

В целом можно заключить, что технологический подход к обеспечению политической стабильности нельзя вульгаризировать, сводя его сущность к созданию программного обеспечения, внедрению правил безопасного пользования мобильными устройствами и внедрению запретительных законодательных норм. Его реализация подразумевает реализацию куда более сложного комплекса мероприятий. Помимо масштабной трансформации регулятивной базы, занимающиеся его воплощением в жизнь акторы должны обеспечить локализацию производства вычислительной техники, добиться вхождения крупных зарубежных корпораций в сферу своей национальной юрисдикции, обеспечить защиту персональных данных пользователей, создать и развить технологии обработки «больших данных», сформировать благоприятные условия для развития собственной IT-индустрии, наладить взаимодействие различных государственных ведомств и общественных организаций, занимающихся вопросами информационной безопасности, и реализовать еще целый ряд стратегически значимых проектов.

---

¹²⁰ United States Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime and Terrorism Testimony of Sean J. Edgett Acting General Counsel, Twitter, Inc. October 31, 2017. <https://assets.documentcloud.org/documents/4164788/Twitter-testimony-to-Senate-Judiciary-Committee.pdf>; Twitter Exec Censors #WhichHillary in advance of Sunday Fundraiser, Key Primaries. <https://web.archive.org/web/20160226190742/http://www.dailykos.com/story/2016/2/26/1491618/-Twitter-Exec-Censors-WhichHillary-in-advance-of-Sunday-Fundraiser-Key-Primaries> (дата обращения: 08.01.2020).

1.4. Условия сохранения политической стабильности в российском обществе в контексте появления новых вызовов и угроз

В качестве базовых условий обеспечения политической стабильности в России в условиях стремлением развития информационных технологий и возникновения новых угроз, детерминированных данным процессом, можно выделить следующие гарантии.

Во-первых, необходимо обеспечить развитие отечественного производства комплектующих вычислительной техники, а также создать индустрию по выпуску востребованных на рынке мобильных устройств, сопоставимых по качеству с зарубежными аналогами. Зависимость от поставок соответствующей продукции из-за рубежа не только создает риски, связанные с использованием высокотехнологических устройств с целью шпионажа, сбора компромата и шантажа, но также формирует потенциальную уязвимость для высокотехнологических отраслей российской экономики в случае применения «калечащих санкций», сравнимых с ограничениями, наложенными властями США на китайские ИТ-корпорации в 2019 г.¹²¹

Во-вторых, должны быть реализованы программы по разработке национального программного обеспечения, дублирующего функционал наиболее востребованных зарубежных продуктов. Речь идет не только о программах, используемых в быту большинством пользователей, но и продукции, обеспечивающей функционирование промышленных и торговых предприятий, учебных заведений, финансовых институтов, систем безопасности и иных структур, бесперебойное функционирование которых имеет критически значимое значение. Особое значение при этом необходимо

---

¹²¹ Орджоникидзе С.А., Дербин Е.А., Матвиенко Ю.А., Артемов А.А., Малинецкий Г.Г., Елюшкин В.Г., Савин Л.В., Прохвятилов В.В., Володенков С.В., Манойло А.В., Федорченко С.Н., Правиков Д.И., Лепский В.Е., Айгистов А.А. // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 6 (164). С. 34, 35.

уделить программам, призванных обеспечить защиту стратегически важных данных либо управляемого при помощи ПО оборудования от кибератак¹²².

В-третьих, на основе имеющихся образцов должны быть созданы мониторинговые сервисы, потенциально способные обрабатывать качественно больший объем данных, включая аудио- и видеоконтент. Получаемая при их помощи информация должна автоматически поступать, в зависимости от содержания, во властные структуры, включая правоохранительные органы¹²³.

Также следует усовершенствовать правовую базу привлечения к ответственности за киберпреступления и усовершенствовать ряд законодательных норм, выполнение которых на практике чаще всего связано с санкциями в отношении Интернет-пользователей. С одной стороны, действующее законодательство нуждается в усовершенствовании. Как показывает правоприменительная практика, зачастую правоохранители рассматривают в качестве оскорбления государственных символов критику в адрес конкретных политических деятелей. В результате дискредитируется соответствующая норма закона, а также формируются благоприятные условия для распространения деструктивной пропаганды. Очевидной является и необходимость отказа от абсолютизации запрета на демонстрацию нацистской символики: в действующей редакции закона он предусматривает фактический запрет на размещение художественных и публицистических произведений антифашистского толка, а также исторических кинофото документов. С другой стороны, необходимо реформирование работы системы выявления противоправного контента политического характера и привлечения к ответственности его авторов и распространителей. На сегодняшний день его

---

¹²² Балахнин И. Информационное измерение стабильности политического режима // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 5. С. 115; Игнатовский Я.Р., Михайличенко Д.Г., Иванов В.Г., Евдокимов Н.А., Пушкина М.А. Протестные настроения в России на фоне европейских государств: анализ кейсов 2017-2019 годов // Przegląd Europejski. 2020. Т. 2020. № 1. С. 201.

¹²³ Нагорняк К.И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 61.

поиском занимаются не столько государственные структуры, сколько общественные организации. При этом механизмы их реагирования также не отработаны. Например, блокировка ресурса с противоправным контентом предполагает необходимость соответствующего судебного решения либо направление в Роскомнадзор представления, подписанного генеральным прокурором РФ либо одним из его заместителей. Как показывает практика, представления, направленные в Генеральную прокуратуру РФ, могут в течение нескольких месяцев проходить процедуру согласования даже в случае наличия положительных результатов экспертизы¹²⁴.

В усовершенствовании нуждается и законодательная база, регулирующая практику удаления противоправного контента из социальных медиа. Российское законодательство в данном плане существенно отстает по качеству от соответствующих нормативно-правовых актов прочих развитых государств. В качестве эталона в данном случае можно привести законодательство ФРГ. «Закон об улучшении правопорядка в социальных сетях» от 1 сентября 2017 г. регулирует активность в социальных сетях, имеющих более 2 млн. зарегистрированных пользователей внутри страны. Действие закона не распространяется на электронную почту, мессенджеры, порталы онлайн-игр и электронные торговые площадки. Закон обязывает администрацию соцсетей предоставить пользователям возможность подавать жалобы на противозаконный контент. Проверка жалобы, блокировка или удаление сообщения осуществляются в течение 24 часов. Для эпизодов, когда незаконный характер контента не представляется очевидным, срок рассмотрения продлевается до 7 дней. Податель жалобы и автор сообщения немедленно уведомляются о произошедшем. Удаленный контент хранится соцсетью не менее 10 недель. К нарушителям применяется административный

---

¹²⁴ Семченко О.Р. Информационное обеспечение стабильности политической системы, политического режима, общества // Вопросы управления. 2015. № 4 (35). С. 34; Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 19.

штраф. В случае основного состава преступления размер штрафа составляет до 500 тыс. евро. Специальные составы правонарушения караются штрафом до 5 млн. евро. Повторное совершение правонарушения дает возможность увеличить сумму штрафа в 10 раз. Максимальный размер штрафа – 50 млн. евро¹²⁵.

Реформирование необходимо подвергнуть и законодательное регулирование социальных медиа, выполняющих функции СМИ. В качестве ориентира в данном случае нам представляется рациональным обратиться на опыт законодательства Франции.

В 2009 г. в законодательстве Франции были впервые официально закреплены критерии выделения Интернет-медиа. Под данным термином подразумевается онлайн-ресурс, обладающий следующими признаками:

- наличие функции информирования общественности;
- осуществление командой ресурса работы на постоянной, профессиональной основе;
- оригинальный характер предоставляемой информации и регулярность ее публикации;
- присутствие редакционного контроля над выпуском контента и его предварительная обработка журналистами;
- отсутствие в функционале ресурса таких элементов, как поощрение или продвижение производственной или коммерческой деятельности (на практике это сводится к ограничению доли рекламы в контенте ресурса).

При этом в качестве онлайн-медиа закон определял, как физических, так и юридических лиц. Для получения этого статуса изданиям, планирующим специализироваться на общественной и политической тематике, необходимо иметь в штате хотя бы одного профессионального журналиста, исполняющего свои обязанности на протяжении полного рабочего дня¹²⁶.

---

¹²⁵ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken. <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html> (дата обращения: 08.01.2020).

¹²⁶ LOI n° 2009-669 du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la création sur internet. URL:

Законодатель возлагает на редакцию Интернет-медиа тот же объем обязанностей, что и на представителей традиционных СМИ¹²⁷.

Онлайн-медиа проходят обязательную регистрацию в Объединенной комиссии по публикациям и информационным агентствам. Регистрация подразумевает не только фиксацию обязательств: на государственном уровне действует специальный фонд поддержки Интернет-медиа, предоставляющий субсидии и авансовые платежи для онлайн-изданий. Только за первые 3 года работы фонд выделил французским Интернет-медиа более €60 млн.¹²⁸

Также представляется необходимым заимствовать зарубежный опыт мобилизации для проведения операций информационной войны волонтеров в рамках взаимодействия с профильными государственными структурами. В качестве примеров в данном случае можно сослаться на практику работы «цифровых Шерлоков» при Лаборатории цифровых криминалистических исследований Атлантического Совета, сотрудничество «балтийских эльфов» с Центром стратегических коммуникаций НАТО, взаимодействие официального Таллина и кибер-подразделение эстонской Лиги обороны¹²⁹.

Большое значение имеет юридическая локализация крупных зарубежных Интернет-компаний. Как было отмечено выше, отсутствие у них официальной регистрации в качестве российских юридических лиц минимизирует возможность привлечения их к ответственности в случае нарушения российского законодательства. Усилия государства на данном направлении должны подкрепляться стимулирующими мерами в отношении российских конкурентов зарубежных компаний. Рост конкурентоспособности

<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000020735432&dateTexte=&categorieLien=id> (Дата обращения: 29.10.2019).

¹²⁷ LOI n° 2009-669 du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la création sur internet. URL:

<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000020735432&dateTexte=&categorieLien=id> (Дата обращения: 29.10.2019).

¹²⁸ Les éditeurs de presse en ligne se répartissent 20 millions d'euros d'aides. URL: https://www.lemonde.fr/actualite-medias/article/2009/12/30/les-editeurs-de-presse-en-ligne-se-repartissent-20-millions-d-euros-d-aides_1285932_3236.html (Дата обращения: 29.10.2019).

¹²⁹ Семченко О.Р. Информационное обеспечение стабильности политической системы, политического режима, общества // Вопросы управления. 2015. № 4 (35). С. 32/

продукции последних автоматически будет снижать потенциал зарубежных Интернет-актеров в плане формирования общественно-политической повестки.

Помимо базовых условий обеспечения политической стабильности, необходимо отметить ряд значимых факультативных факторов. Как было отмечено К. Дойчем, политическая коммуникация в целом и эффективность отдельных ее инструментов в частности являются одним из важнейших условий, определяющих эффективность и стабильность политической системы. Согласно разработанной им концепции, политическая стабильность требует обеспечения таких условий, как сохранение приемлемого уровня информационной нагрузки и минимизация скорости реакции системы на поступающие сигналы. Увеличение данных показателей обратно пропорционально степени эффективного функционирования политической системы¹³⁰. С учетом данной закономерности, мы можем заключить, что современные информационные технологии играют двоякую роль. С одной стороны, их активное внедрение способствует постоянному росту объема данных, увеличивая информационную нагрузку на систему. С другой стороны, грамотное использование информационных технологий позволяет существенно сократить время реакции системы на поступающие извне сигналы. Более того, развитие методов автоматизированной обработки «больших данных» позволяет нивелировать давление возрастающей информационной нагрузки. Однако в данном случае мы сталкиваемся с двумя вызовами. Во-первых, это потенциал готовности политико-управленческих кадров (в первую очередь – лиц, принимающих решения) осваивать новые технологии. Во-вторых, внедрение технологий, основанных на работе с «большими данными», подразумевает необходимость, как минимум, сохранения текущего объема прав коммерческих и государственных структур в отношении сбора и обработки персональных данных пользователей. Таким образом, перед политическим истеблишментом

---

¹³⁰ Морозова О.С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. №3. С.104-108.

встает дилемма: либо пойти навстречу общественности и ограничить практику сбора, обработки и распространения персональных, тем самым замедлив развитие методов изучения Big Data, либо проигнорировать соответствующий запрос со стороны граждан, что в перспективе чревато ростом протестной активности, антигосударственного «киберактивизма» и сокращением электорального потенциала правящих кругов¹³¹.

При изучении политической коммуникации К. Дойчем также была установлена иная закономерность: эффективность функционирования политической системы обуславливается размером приращения реакции на перемены. Однако в случае достижения порогового значения трансформаций эта закономерность приобретает обратный характер¹³². Последнее превращает информационные технологии в стратегический ресурс в рамках борьбы за власть. IT-технологии, с одной стороны, могут выступить в качестве драйвера изменений в жизни общества. Широкомасштабное и длительное их применение может в итоге заставить власти действовать непоследовательно и реактивно, передавая инициативу формирования повестки своим противникам. Нарастание критической массы «информационного шума» потенциально способно парализовать работу вырабатывающих решения органов власти, задав недопустимо высокую планку скорости обработки поступающей информации. С другой стороны, информационные технологии дают действующей власти возможность отслеживать естественную динамику повестки, реакцию общественности на ее трансформацию и даже осуществлять прогностические функции. Таким образом, одними из ключевых направлений борьбы против дестабилизации существующего строя становится деятельность по подавлению и дезорганизации источников «информационного шума» и выстраивание работы информационно-аналитического аппарата, способного не только собирать и систематизировать данные, но также вычленять внутри их массива

---

¹³¹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека. М., 2007. С. 41.

¹³² Морозова О.С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. №3. С.104-108.

потенциальные риски и возможности, выстраивая затем краткосрочные прогнозы¹³³.

Помимо того, К. Дойч выделил взаимосвязь между сохранением политической стабильности и способностью властей выявлять формирующиеся угрозы и осуществлять в отношении них меры превентивной защиты¹³⁴. На наш взгляд, в настоящее время применение информационных технологий в рамках данного функционала частично ограничено. Для полноценной реализации их потенциала необходимо существенное усовершенствование программного обеспечения и увеличение мощностей по обработке информации. Примером в данном случае может служить опыт использования системы мониторинга и оперативного предупреждения несогласованных акций и митингов «Демон Лапласа», разработанной Центром исследования легитимности и политического протеста. Ее применение на практике во многом не оправдало ожиданий экспертного сообщества, однако эта ситуация была обусловлена в первую очередь ограниченностью ресурсов проекта. Из-за нехватки финансовых средств и необходимой технической базы программа осуществляла мониторинг лишь целевых сообществ и персональных страниц пользователей. Последние были внесены в единую базу волонтерами, а затем отфильтрованы социологами и политологами. Как следствие, область мониторинга была существенным образом ограничена¹³⁵. Нельзя забывать и об иных недостатках иных технологических решений, используемых при мониторинге информационного пространства. Например, такие популярные сервисы мониторинга СМИ и социальных медиа, как «Медиалогия» или IQBuzz, не способны полноценно оценивать тональность включенных в выборки сообщений, в силу чего результата проведенного ими автоматизированного контент анализа можно поставить под сомнение. Равным

---

¹³³ Колесникова Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности. М., 2014. С. 102.

¹³⁴ Морозова О.С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. №3. С.104-108.

¹³⁵ Ученые запустили систему предотвращения массовых беспорядков. <http://protestonline.ru/page619059.html> (дата обращения: 08.01.2020).

образом возникают проблемы при оценке качества реакции аудитории на публикацию контента: большинство мониторинговых программ не способны отделить оценки и комментарии, оставленные киберсимулякрами (ботами) от действий реальных пользователей. Активность продвинутых нейросетей, включающих полностью аутентичные реальным пользователям киберсимулякры, существующие средства мониторинга, вероятнее всего, не способны отследить в принципе. Равным образом их функционал не дает возможности оценить реакцию пользователей в зависимости от географического фактора¹³⁶. В силу данного обстоятельства возникает закономерный вопрос: отражает ли поведение пользователей, например, реакцию именно россиян, или же на текущую ситуацию существенно повлияли действия русскоязычных пользователей из прочих государств постсоветского пространства? В силу закрытого характера соответствующей информации остается неясным, обладают ли упомянутыми недостатками используемая Администрацией Президента и Правительства РФ система «Катюша», а также ее американские, европейские и китайские аналоги¹³⁷.

Все это убедительно свидетельствует в пользу того, что чисто техническое решение обозначенной проблемы в данном случае потребует существенных затрат материальных ресурсов. И в первую очередь это касается масштабного увеличения мощностей, используемых при поиске информации по максимально широким или сверхпопулярным запросам. В настоящее время именно связанные с ними сбои в работе мониторинговых систем вынуждают аналитиков заниматься реактивным поиском. Вместо автоматизированного поиска резонансных инфоповодов, они «вручную» выявляют на популярных площадках разные сюжеты, и лишь затем проверяют масштабы общественной реакции на них со стороны сетевого сообщества¹³⁸.

---

¹³⁶ Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012. С. 25 - 27.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012. С. 27.

Г. Маркузе отмечает, что современное государство использует систему массовых коммуникаций для формирования соответствующей его интересам и легко управляемой одномерной медиареальности, посредством которой оно формирует систему ценностей и политических предпочтений аудитории СМИ, создает систему потребностей обывателей и в итоге обеспечивает безопасное существование властных институтов и их социально-экономического базиса – капиталистической системы отношений¹³⁹. В данном случае представляется необходимым пояснить, что Г. Маркузе использовал понятие «государство» в контексте, привычном для марксистов и неомарксистов. Позиционируя государство в виде политической надстройки, обслуживающей интересы правящего класса, он фактически подразумевал слияние властных институтов с иными политическими акторами – финансово-промышленными группами, политическими партиями и пр.¹⁴⁰

Солидарность с Г. Маркузе относительно манипулятивного и иллюзорного характера медиареальности выразили не только представители левых политических и философских течений. Так, Ж. Бодрийяр в своих работах отметил, что политическая реальность формируется за счет внедрения в сознание граждан симулякров – образов, отображающих несуществующие объекты и явления. Симулякры образуют виртуальную реальность, состоящую из псевдореальных ценностей, символов и смыслов, которые превращаются с течением времени в направляющие принципы мышления и поведения. Постоянная ретрансляция и воздействие «спирали молчания» придают им кажущуюся достоверность¹⁴¹.

Виртуализация политической коммуникации не только открыла новые возможности для манипулирования общественным сознанием. Она совпала по времени с виртуализацией культуры развитых стран. Повсеместное внедрение

---

¹³⁹ Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. -С.386-401.

¹⁴⁰ Егорова-Гантман Е. В. В тумане войны. Наступательные военные коммуникативные технологии. Самара; М., 2010. С. 34.

¹⁴¹ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М., 1996. С. 72.

информационных технологий во многом стерло границы между реальным и виртуальным в плане восприятия. И в то же время оно приучило общество не доверять публичным декларациям и даже привычной системе доказательств. Развитие фоторедакторов позволяет поставить под сомнение содержимое любых снимков, а появление технологии «дип фейк» («глубоких» фейков) дает возможность хотя бы попытаться опровергнуть достоверность любой видеозаписи (сущность упомянутой технологии заключается в наложении на реальный видеоряд смонтированной или искусственным образом синтезированной аудиодорожки). Осознание возможностей для фальсификации, открываемых современными технологиями, и широкая практика их внедрения способствовали девальвации доверия к традиционным политическим институтам. Эту тенденцию укрепила популяризация концепции медиареальности среди интеллигенции. Последнее способствовало тиражированию в произведениях массовой культуры образа политика как манипулятора, заботящегося исключительно об узких корпоративных интересах. И в то же время распространение информационных технологий способствовало росту численности гражданских активистов и увеличению их авторитета. В результате начал существенно меняться баланс сил внутри корпуса лидеров общественного мнения. Политики, добившиеся своего положения благодаря партийным ресурсам или поддержке коммерческих структур, утратили значительную часть авторитета. В их отношении в общественном сознании сформировалась своеобразная «презумпция виновности». В то же время влияние активистов усилилось. Гражданский активизм превратился в альтернативный «социальный лифт», позволяющий представителям контрэлиты проникать на статусные позиции внутри властных институтов, обходя созданные элитами барьеры. Последнее естественным образом спровоцировало усиления внутриэлитной конкуренции в силу сокращения доступных политических ресурсов. Усиление

соперничества внутри истеблишмента, в свою очередь, способствует дестабилизации политической системы¹⁴².

Таким образом, становится очевидно, что в целях поддержания политической стабильности в РФ российские власти должны выстроить процесс производства и распространения симулякров на системной основе в рамках четкой долгосрочной стратегии. Равным образом должны быть сформированы институциональные «социальные лифты» для гражданских активистов, в первую очередь – для лидеров общественного мнения в социальных сетях.

Отдельно следует упомянуть о роли информационных технологий в расширении сферы публичной политики. Распространение мобильных устройств, снабженных функциями аудио- и видеозаписи, появление социальных сетей, формирование внутри них общедоступных территориальных, партийных и в целом политических сообществ способствовало резкому повышению требований к публичным выступлениям официальных лиц. Ранее «токсичные» высказывания или действия политиков редко доходили до широкой общественности благодаря политике формирования пула лояльных СМИ или установлению тесных контактов с редакциями официальных массмедиа. Однако в настоящее время эти тактики все чаще дают сбой. В результате угроза дискредитации встает не только перед самим автором непродуманного высказывания, но и перед его непосредственным руководством, которое общественное мнение подталкивает к применению санкций. Отсутствие значимых репрессий в адрес виновника приводит к падению уровня доверия граждан к его руководству. Но в то же время решительные действия (например, увольнение) также чреваты негативными последствиями. Как правило, высокопоставленные чиновники формируют вокруг себя «команды» специалистов, и увольнение либо понижение в должности одного из них под давлением общественности может рассматриваться как нарушение негласной корпоративной этики. Кроме того,

---

¹⁴² Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. С. 51.

локальным политическим культурам зачастую свойственна гипермаскулинность. Как следствие, любые уступки по отношению к общественности начинают рассматриваться как проявление слабости, что приводит к ухудшению имиджа чиновника в глазах лиц, принимающих решения¹⁴³.

Ситуацию усугубляют два тренда. Во-первых, достоянием общественности все чаще становятся высказывания политиков либо фото-, аудио- и видеоматериалы с их участием, созданные в период, предшествовавший созданию соцсетей. Как правило, достоянием общественности становятся компрометирующие их материалы. В случае России, например, речь идет о совместных снимках с известными представителями преступных сообществ либо политическими экстремистами, в случае США – фотографии, подтверждающие использование политиком грима «блэкфейс» (что в настоящее время расценивается в Соединенных Штатах как проявление расизма). Во-вторых, публичными лицами становятся обладатели имиджевых достижений, которые ранее укрепляли авторитет политических объединений самим фактом своего членства в них. В предшествующий период они, как правило, не коммуницировали с аудиторией напрямую, благодаря чему сохранялся позитивный имидж, сформированный в рамках их основной сферы деятельности. Наиболее ярким примером в данном случае могут служить профессиональные спортсмены. Однако их превращение в публичных спикеров зачастую приводит к проблемам, связанным с отсутствием навыков, необходимых полноценным публичным политикам¹⁴⁴. В качестве примера в данном случае можно привести попытки апологии пенсионной реформы, предпринятые А.А. Карелиным, и комментарий относительно демографической политики государства О.В. Глацких.

---

¹⁴³ Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 125.

¹⁴⁴ Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 125, 126.

Системное решение данной проблемы представляется крайне затруднительным, так как подразумевает необходимость массового принуждения большого числа представителей элиты и фактически негативного маркирования части истеблишмента. В силу этих обстоятельств представляется ориентироваться на задачу минимизации, а не устранения соответствующих рисков. В частности, достичь этого можно посредством развития специализированных подразделений, отвечающих за репрезентацию органов власти в рамках публичных мероприятий, ограничения практики участия в такого рода ивентах непосредственно лиц, принимающих решения, либо фигур, ценных для власти преимущественно за счет символического капитала.

С.В. Володенков отмечает, что для информационной культуры, формируемой посредством внедрения ИТ-технологий, характерно ослабление степени критического восприятия информации. Последнее во многом обуславливается тем, что современные технологии в значительной степени облегчают поиск целевой аудитории, обладающей заранее определенными предпочтениями, убеждениями и спецификой восприятия. Также нельзя забывать о роли эффекта «эхо-камеры» в сетевых сообществах. Последние в большинстве случаев объединяют носителей одной идентичности, разделяющих общие пристрастия и ориентации и декларирующих свою приверженность им. Как следствие, в результате постоянной декларации истинности и неоспоримости определенных положений последние перестают восприниматься критически. Альтернативные точки зрения начинают восприниматься как априори маргинальные и неверные. Ситуацию также усугубляет состояние информационной перегрузки современного человека. Развитие информационных технологий способствовало резкому увеличению объема данных, потребляемых «среднестатистическим» человеком. Его когнитивные способности не позволяют структурировать и упорядочивать поступающую информацию. Как следствие, картина реальности в сознании человека обретает фрагментированный и противоречивый характер. Это

порождает запрос на получение упрощенной, непротиворечивой и доступной для понимания модели политической действительности, т.е. фактически политического мифа¹⁴⁵. Однако наличие у человека альтернативного источника информации в виде социальных медиа делает возможным его выход за рамки «официозных» вариантов политического мифа, продуцируемых традиционными СМИ. В результате возникает риск «заражения» человека экстремистскими и иными деструктивными политическими традициями или религиозными традициями с сильным социально-политическим подтекстом.

Ответом на эти вызовы может стать повышение качества традиционных СМИ, расширение их присутствия в Интернете за счет изменения алгоритмов поисковой выдачи браузеров и запуска проектов, призванных помочь освоению журналистами специфики сетевой коммуникации (в качестве примера можно ориентироваться на News Initiative – программу корпорации Google). Также очевидно становится необходимость углубленной дифференциации целевой аудитории, формирования и продвижения раскалывающей повестки внутри сообществ политических радикалов.

Также можно согласиться с утверждением С.Г. Кара-Мурзы относительно того, что современная сетевая культура общения формирует благоприятные условия для применения таких методов воздействия, как внушение, эмоциональное заражение и подражание. С формальной стороны они соответствуют многим формам виртуальной активности либо онлайн-практикам, конвертируемым в офлайн-деятельность (челенджи, флэшмобы). Упомянутые методы также соответствуют запросам широких слоев пользователей на лаконизм, эмоциональное наполнение и развлекательную направленность контента. Применение метода убеждения, основывающегося на использовании рациональной аргументации, напротив, весьма затруднено, так как его качественное применение требует создания объемного (с точки

---

¹⁴⁵ Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва, 2015. С. 235.

зрения времени ознакомления) контента и предполагает наличие существенных барьеров с точки зрения использования популярных, развлекательных форм¹⁴⁶. Все это подтверждает истинность выводов М. Кастельса относительно того, что изменение технологий коммуникации, наблюдаемые в настоящее время, создают условия для формирования нового политического уклада¹⁴⁷. В связи с этим следует с сожалением констатировать необходимость расширения практики использования упомянутых практик манипуляции общественным мнением в рамках реализации информационных проектов, ориентированных на поддержание политической стабильности в России. Отказ от их применения равнозначен предоставлению внешним акторам очевидного конкурентного преимущества.

В целом мы приходим к выводу, что базовым условием обеспечения политической стабильности в российском обществе в условиях появления новых вызовов и угроз является выработка и реализация комплексной стратегии информационной безопасности. Последняя должна, в частности, охватывать политику в области развития промышленности, науки и образования, создание программ льготного кредитования для перспективных проектов в IT-отрасли, интеграцию и усовершенствование существующих инструментов мониторинга и аналитики «больших данных», реформирование нормативно-правовой базы, регулирующей борьбу с киберпреступностью и функционирование социальных медиа. Наконец, власти должны полноценно освоить манипулятивный инструментарий, используемый против них зарубежными акторами и аффилированными с ними внутренними иностранными агентами. При всей моральной сомнительности данного шага он представляется необходимым в силу отсутствия возможности эффективного и «безболезненного» с точки зрения реакции общества блокирования соответствующих ресурсов.

---

¹⁴⁶ Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. М., 2007. С.577

¹⁴⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 89.

Выводы по главе 1

В целом можно заключить, что развитие информационных технологий породило как новые способы поддержания политической стабильности, так и неизвестные ранее методы ее разрушения. Однако конструктивный потенциал IT-технологий остается на сегодняшний день до конца нераскрытым. Инерция политической практики, преобладание в структуре истеблишмента «возрастных» политиков и необходимость существенных вложений в совершенствование материально-технической базы и подготовку специалистов ограничивают развитие соответствующих технологий. В то же время развитие информационных технологий способствует снижению восприимчивости объекта политического управления к традиционным методам манипуляции. Одновременно появляются новые формы управления социально-политическим процессом, дающие возможность имитировать «восстание масс» против «коррупцированной элиты». Появление альтернативных СМИ в виде соцмедиа уничтожает монополию элит на инструменты формирования политической мифологии. Ситуацию усугубляет неспособность или нежелание большого числа представителей истеблишмента адаптироваться к новой политической реальности.

На сегодняшний день потенциал использования информационных технологий раскрыт преимущественно с позиций подрыва политической стабильности. Возможность их применения в конструктивных целях теоретически обоснована, однако конкретные методики применения концептуально не проработаны, в отличие, например, от так называемой технологии «ненасильственной борьбы», осуществляемой посредством современных коммуникационных технологий. Последнее порождает объективную потребность в выработке концепций реактивной и превентивной информационной борьбы с акторами, заинтересованными в дестабилизации политических режимов. В основу данных концепций должны лечь теоретические наработки экспертов, исследовавших специфику трансформации политической коммуникации под влиянием технологического

прогресса и влияние информационных технологий на стабильность существующих политических систем, а также опыт специалистов-практиков, накопленный за счет участия в операциях информационной войны, развернувшейся между Россией и Западом в последние годы.

ГЛАВА 2. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

2.1. Специфика и источники возникновения новых вызовов и угроз политической стабильности российского общества на современном этапе

Обращаясь к вопросу о новых источниках угроз для политической стабильности российского общества, в первую очередь необходимо отметить их комплексный, дуалистический характер с точки зрения происхождения.

С одной стороны, риски генерируют объективные факторы, связанные с диспропорциями развития либо дисфункцией работы конкретных политических институтов. Как правило, соответствующие явления существуют лишь на локальном уровне либо в региональном/межрегиональном масштабах. Примером в данном случае могут служить игнорирование владельцами мусорных полигонов в Подмосковье норм эксплуатации полигонов ТБО ради повышения маржинальности бизнеса, отсутствие подготовительной работы с лидерами общественного мнения в Архангельской области и Республике Коми накануне публикации в СМИ первых материалов относительно строительства экотехнопарка Шиес (как, впрочем, и последующие попытки маргинализации противников данного проекта), решение исключить из обсуждения планов демаркации границ Чечни и Ингушетии целого ряда влиятельных неформальных структур и т.д. Таким образом, угрозы для политической стабильности нельзя рассматривать исключительно как результат манипулирования общественным мнением, сугубо искусственные конструкции¹⁴⁸.

Протестные выступления (и в первую очередь – несанкционированные) не могут носить исключительно политтехнологический характер, поскольку в

---

¹⁴⁸ Ханнанова Э.И. Проблемы обеспечения стабильности политических систем в России и мире // A Collection of Scientific Papers. San Diego, 2015. С. 65.

этом случае уровень мотивации основной массы участников априори оставался бы на предельно низком уровне, а их численность и устойчивость выступали бы в роли фактора нестабильности в рамках кампании¹⁴⁹.

Важно помнить о том, что одной из главных задач организаторов акций, направленных на подрыв политической стабильности, является формирование относительно устойчивой и многочисленной массы участников. Последняя, с одной стороны, служит инструментом легитимации протеста посредством формирования образа «кампании травы», движущей силой которой является «законное возмущение граждан», и апелляции к мнению широких слоев населения (репрезентацию их позиции позиционируют именно посредством массовости акций), а с другой – затрудняет для властей задачу обеспечения контроля над ситуацией и облегчает проведение провокаций. Однако мотивировать и мобилизовать достаточно широкие массы граждан (подкрепляемые на практике структурами профессиональных организаторов, специалистов по взаимодействию с массмедиа, а также кадрами бойцов парамилитарных формирований или просто неформальных «силовых» подразделений) невозможно без эксплуатации актуальной повестки. При этом обращение к реальной проблематике должно также сопровождаться конструированием образа фантомной угрозы, в роли фундамента которого также должны выступать присущие широким слоям населения стереотипы фобического плана¹⁵⁰.

С другой стороны, само по себе наличие социального недовольства не обуславливает возникновение политического кризиса. Для этого необходимо наличие актора, который обладает достаточными ресурсами, чтобы канализировать негативную энергию масс в нужном направлении. Последнее, в том числе, предполагает наличие единого плана действий, разделение функций между организаторами, финансовых, транспортных,

---

¹⁴⁹ Бакулина А.А. К вопросу о массовых политических протестах в России на современном этапе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-7. С. 121.

¹⁵⁰ Безрукова Е.Ю. Социально-политический протест в России или «почему люди не бунтуют?» // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 59.

коммуникационных и производственных ресурсов, необходимых для создания и поддержания в приемлемом состоянии инфраструктуры протеста¹⁵¹. В условиях современной России решение обозначенных задач предполагает наличие поддержки со стороны представителей местного истеблишмента либо контрэлит¹⁵².

За счет этого источники политических рисков приобретают комплексный характер. Наряду с объективными проблемами, угрозы для политической стабильности формирует субъективный фактор в лице обладающих необходимыми ресурсами представителей или контрэлит, реализация чьих интересов и целей напрямую требует возникновения кризиса, выступающего, с их точки зрения, в качестве «окна возможностей»¹⁵³.

При этом достаточно редко пул организаторов протестов взаимодействует между собой в рамках жесткой вертикали с четко прописанными отношениями власти и подчинения. Чаще всего речь идет о ситуативном альянсе, объединяющем несколько реальных политических акторов (физических лиц, решающих задачи захвата и удержания власти либо перераспределения собственности) и гражданских активистов, полностью разделяющих «протестный миф» (упрощенную и непротиворечивую объяснительную модель, интерпретирующую происходящее с позиций декларируемой оппозицией системы ценностей). С одной стороны, это негативным образом сказывается на процессе принятия решений, с другой – повышает устойчивость организационного центра кризиса по отношению к агрессивному внешнему воздействию (представители власти лишаются

---

¹⁵¹ Бакушев В.В., Понеделков А.В. Поиск стратегической стабильности с участием России: отторжение «двойных стандартов» и политической лжи // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 37.

¹⁵² Фельдман П.Я. Партикуляризм интересов как угроза социально-политической стабильности современной России // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 4 (51). С. 95.

¹⁵³ Ханнанова Э.И. Проблемы обеспечения стабильности политической системы России средствами массовой информации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 135.

возможности дестабилизировать систему управления протестом в силу отсутствия у нее полноценного штаба и единого органа принятия решений)¹⁵⁴.

Опыт несанкционированных протестных акций последних лет указывает на рост автономности групп, вовлеченных в процесс дестабилизации политической ситуации. Так, в ходе протестов в Москве летом 2019 г. основные организаторы несанкционированных митингов были заблаговременно задержаны правоохранителями. Однако это не помешало их проведению. Решения о действии конкретных групп протестующих принимались непосредственно их лидерами (представителями среднего звена системы управления) по ходу событий в рамках оперативной кооперации и координации действий с руководством иных объединений посредством обмена сообщений через мессенджеры и аналогичные по функционалу мобильные приложения¹⁵⁵.

Необходимо отметить, что организаторы возникновения «очагов нестабильности» чаще всего не обладают полной автономностью. Если обращаться к кейсам локальных и региональных протестов (за исключением Москвы), они тесным образом связаны посредством системы патрон-клиентских отношений с органами власти более высокого уровня либо финансово-промышленными объединениями, в некоторых случаях – с организованными преступными группами либо подконтрольными им коммерческими структурами (примером в данном случае может служить сохранившая значительную часть своего влияния Подольская ОПГ). Как следствие, они вынуждены координировать свои действия с вышестоящими структурами либо вовсе действуют по их прямому указанию. Протесты в данном случае могут преследовать цель решения определенных задач политического (нанесение урона противникам в рамках аппаратной борьбы,

---

¹⁵⁴ Цориев З.Н., Дзахова Л.Х. Общественное мнение как фактор упрочения политической стабильности на примере регионов России // Уральский научный вестник. 2016. Т. 5. № 2. С. 49.

¹⁵⁵ Фирсов А.В. Особенности поддержания политической стабильности в современной России // Вестник Российской нации. 2016. № 5 (50). С. 227.

подрыв их авторитета в глазах представителей вышестоящих органов власти) и экономического (смена собственника объекта, срыв договоренностей) характера¹⁵⁶.

В случае крупномасштабных протестных и иных дестабилизирующих мероприятий, выходящих за пределы региональной повестки, четко прослеживается взаимодействие организаторов с внешними акторами, представляющими зарубежные государства либо тесным образом с ними аффилированными¹⁵⁷.

Упомянутые внешние акторы можно условно разделить на четыре группы: организации-грантодатели, обеспечивающие целевое финансирование причастных к подрыву политической стабильности России внутренних структур; некоммерческие организации, занимающиеся обучением зарубежных (в том числе – российских) гражданских и политических активистов использованию технологии «ненасильственной борьбы»; государственные и частные структуры, причастные к ведению «кибервойны против России» и, предположительно, привлекаемые к формированию цифровой инфраструктуры информационных кампаний оппозиции (в первую очередь – за счет создания нейросетей и формирования на их основе комплексов фейковых аккаунтов и пабликов в соцсетях); финансируемые правительствами иностранных государств СМИ, работающие на территории России¹⁵⁸.

В представленной ниже таблице перечисленные наиболее крупные организации-грантодатели, законно либо нелегально действующие на территории России, либо сопредельных государств.

---

¹⁵⁶ Семченков А.С. Революции и политическая стабильность России: уроки прошлого и современность // Философия и общество. 2017. № 3 (84). С. 71.

¹⁵⁷ Кузьмин Д.А. Коммуникативное взаимодействие власти и общества в современной России как фактор стабильности политического режима // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46). С. 24.

¹⁵⁸ Макарин А.В. Политическая конкуренция vs политическая стабильность в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 1. С. 32.

Основные организации-грантодатели¹⁵⁹

№	Организация-грантодатель	Размер гранта (в долларах)
1	United States Agency for International Development, USAID - Агентство США по международному развитию	<p>В среднем - 600 тыс. долларов в постоянных ценах на 2019 г., максимальный размер вознаграждения - 800 млн.</p>
2	Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США (Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, DRL)	<p>Формально размеры гранта четко не ограничены, сумма может превышать лимит в 1 млн.</p>
3	Фонд Джона и Кэтрин Макартуров (John D. and Catherine T.	<p>Четко не органичен, может превышать предел в 300 тыс.</p>

¹⁵⁹ ТОП-10 грантовых систем США для зарубежных политических и общественных организаций. <https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/05/TOP-10-GRANTY-SSHA.pdf>

	MacArthur Foundation)	
4	Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy, NED)	50 тыс., в отдельных случаях размер гранта составляет более 200 тыс.
5	Посольства США	До 50 тыс., большинство грантов относятся к диапазону \$10 - 24 тыс.
6	Консорциум по проведению выборов и политическому процессу (The Consortium for Elections and Political Process Strengthening, CEPSS)	20 - 40 тыс., средний размер гранта за все время существования организации - 187 тыс.
7	Международный республиканский институт (International Republican Institute, IRI)	В среднем - 30 тыс.
8	Международный центр ненасильственных конфликтов	До 20 тыс., срок реализации – от 3 месяцев до 1 года. Период реализации проекта может быть продлен до 3 лет. В последнем

	(International Center on Nonviolent Conflict, ICNC)	случае сумма до 20 тыс. предоставляется ежегодно
9	Институт «Открытое Общество Фонд Содействия» (OSI Assistance Foundation)	Точный размер в открытых источниках не указан. В среднем за год на выплату грантов в 2014 – 2020 гг. в государствах ЕС, странах-кандидатах на вступление в ЕС, балканских и постсоветских государств ежегодно должно выделяться более 11 млн.
10	Фонд «Открытое общество» (Open Society Foundation)	Точный размер в открытых источниках не указан.

Включение в данный перечень организаций, реализующих проекты на территории сопредельных с РФ государств или не имеющих права действовать в зоне юрисдикции российских властей, объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, после признания деятельности ряда организацией нежелательной на территории России, их руководство переместило центры подготовки кадров в соседние государства, политический истеблишмент которых пребывает в состоянии конфликта с властями РФ – Украину, Грузию и т.д. За счет этого подготовка потенциальных лидеров и активистов радикального сегмента оппозиции осуществляется в настоящее время в странах ближнего зарубежья. Во-вторых, сам по себе факт запрета деятельности ряда организаций в России не предполагает автоматического завершения данного процесса.

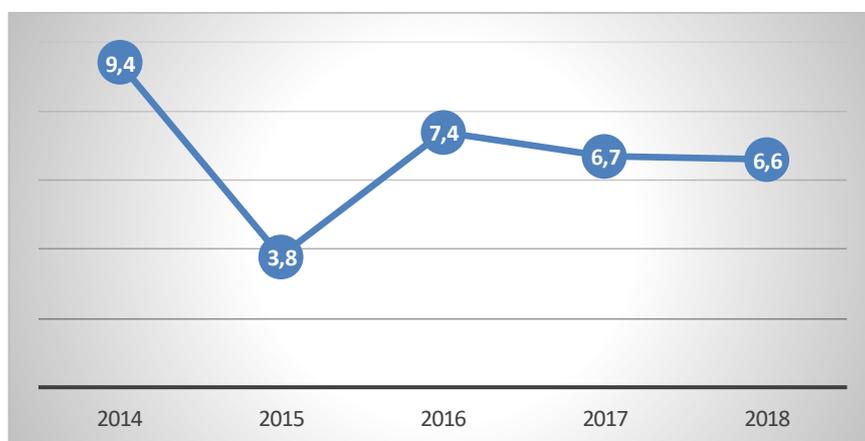
Так, в 2015 г. власти РФ внесли в реестр нежелательных организаций Национальный фонд демократии. Однако это не положило конец активности данной структуры на территории России. Согласно официальной отчетности фонда, в 2014 – 2018 гг. NED выдал 496 грантов на осуществление проектов на территории России. Их общий размер составляет почти 34 млн. долларов. Только на укрепление «демократических» НКО было выделено 3 млн. долларов, а на обеспечение «свободы информации» – почти 9,2 млн. долларов¹⁶⁰.

Для сравнения, в 2018 г. на реализацию грантовых проектов во всех азиатских странах Национальный фонд демократии выделил менее 33 млн. долларов. Таким образом, в 2014 – 2018 гг. на продвижение оппозиционных проектов в России был потрачен годовой бюджет проектов по всей Азии¹⁶¹.

Введение запрета на деятельность фонда в России дало лишь временный эффект. После кратковременного сокращения в 2015 г. поток грантовых средств быстро восстановился. Если в 2015 г. он составлял всего 3,8 млн. долларов, то в 2016 г. этот показатель вырос до 7,4 млн.¹⁶²

Рис. 1

Объемы грантов Национального фонда демократии на реализацию проектов в России в 2014 – 2018 гг. (млн. долларов)

¹⁶⁰ NED Grant Search - National Endowment for Democracy/ <https://www.ned.org/wp-content/themes/ned/search/grant-search.php/>

¹⁶¹ NED Grant Search - National Endowment for Democracy/ <https://www.ned.org/wp-content/themes/ned/search/grant-search.php/>

¹⁶² NED Grant Search - National Endowment for Democracy/ <https://www.ned.org/wp-content/themes/ned/search/grant-search.php/>

В 2020 г. фонд выделил на реализацию проектов в России 92 гранта размером от 23 тыс. до 220 тыс. долларов¹⁶³.

Все это свидетельствует как о высоком положении РФ в списке приоритетных целей вмешательства со стороны NED, так и о наличии широких возможностей в плане обхода наложенных властями РФ ограничений.

К организации подготовки кадров для акций, направленных на дестабилизацию политической обстановки в России, предположительно, также причастны зарубежные центры, обучающие специалистов в области методов «ненасильственной борьбы» на международной арене. Наиболее значимые из них упомянуты в приведенной ниже таблице.

Таблица 2

Международные центры подготовки специалистов в области «ненасильственной борьбы»¹⁶⁴

№	Название	Комментарий
1	Международный центр по ненасильственным конфликтам (International Center on Nonviolent Conflict, ICNC)	Целью работы фонда является содействия изучению и применению тактик ненасильственной борьбы ради обеспечения защиты прав человека и утверждения демократии на международной арене. Организацию возглавляют бывшие сотрудники Института Альберта Эйнштейна, работавшие совместно с Дж. Шарпом.

¹⁶³ RUSSIA. <https://www.ned.org/region/eurasia/russia/>

¹⁶⁴ ТОП-10 американских НКО, занимающихся вмешательством в политическую жизнь других стран. <https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/05/TOP-10-SSHA-NKO.pdf>

		<p>На площадке фонда регулярно проводятся учебные курсы по применению методов ненасильственной борьбы, осуществляется подготовка практических руководств и методических пособий. Онлайн-курсы сочетаются с 2-4х дневными аудиторными семинарами. В 2006-2016 гг. ежегодно проводилось обучение на базе Летнего института ICNC для журналистов, лидеров общественного мнения и педагогов.</p> <p>В 2014-2016 гг. фондом была реализована программа Learning Initiative Network (LIN), в рамках которой прошли подготовку 3,2 тыс. гражданских активистов из 23 стран мира.</p> <p>Фонд занимается переводом англоязычной литературы и выделяет гранты и стипендии для подготовки активистов за рубежом, проведения полевых и кабинетных исследований, издания книг и докладов.</p> <p>Фонд располагает сетью филиалов за рубежом.</p>
2	<p>Институт Альберта Эйнштейна</p>	<p>Институт был создан непосредственно разработчиком технологии «цветных революций» Дж. Шарпом. Данная структура финансировалась за счет</p>

	<p>(Albert Einstein Institution, AEI)</p>	<p>средств Фонда Форда, Международного Республиканского института и Национального фонда демократии.</p> <p>Институт занимался подготовкой активистов и методическим обеспечением участников государственных переворотов за рубежом, консультированием оппозиционных политиков в разных государствах мира.</p> <p>Сотрудники института причастны к организации «бульдозерной революции» в Югославии (2000 г.), «революции роз» в Грузии (2003 – 2004 гг.), «померанчевой революции» на Украине (2004 – 2005 гг.), предположительно – к неудачной попытке госпереворота в Венесуэле в 2004 г.</p> <p>В 2004 г. финансирование института сократилось на 84%. В настоящее время данная организация продолжает функционировать в «спящем режиме».</p>
3	<p>«Корневище» (Rhize)</p>	<p>Занимается организацией тренингов по ненасильственной борьбе в 15 странах мира. Ведет работу в области усовершенствования тактик ненасильственной борьбы.</p> <p>В числе «тренеров» «Корневища» указан Дмитрий Потехин - украинский</p>

		политический эксперт, директор Группы европейской стратегии, участник «померанчевой революции», во время выборов 2004 и 2006 гг. координировавший мобилизационную и просветительскую кампанию Гражданская инициатива «Знаю!».
4	Построить движение (Build A Movement)	Организация занимается обучением гражданских активистов методам ненасильственной войны, выпуском методической литературы и разработкой мобильных приложений, полезных для оппозиционеров при решении задач обхода блокировки Интернет-контента и ухода от наблюдения со стороны спецслужб. Инструкторы организации имеют опыт организации протестов в Венесуэле, Сирии, на Украине, в Камбодже, Мьянме, Зимбабве и Египте.

С учетом высокой значимости фактора контроля за информационным полем социальных медиа в процессе дестабилизации политической ситуации также активно участвуют структуры, специализирующиеся на проведении киберопераций и продвижении «токсичного контента». Примеры наиболее влиятельных и обеспеченных ресурсами структур данного типа приведены в таблице ниже.

Внешние акторы, специализирующиеся на проведении киберопераций и «компаний влияния» в соцсетях

№	Название	Локализация	Комментарий
1	<p align="center">Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО</p> <p align="center">NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, NATO CCD COE</p>	<p>Расположен на территории Эстонии.</p>	<p>Центр служит основной площадкой для обмена опытом в области кибервойны между государствами-спонсорами. Также выступает в роли организационной основы для проведения учений в области кибербезопасности.</p> <p>Используется и в рамках полномасштабных учений войск НАТО.</p> <p>Центр проводит ежегодную международную конференцию CyCon, посвященную киберконфликтам. Регулярно проводятся международные учения, в рамках которых отрабатывается организация (Crossed Swords) и отражение кибератак (Locked Shields). Проводятся обучающие семинары и тренинги.</p>

			<p>Эксперты организации публикуют практические руководства и аналитические материалы по теме кибербезопасности государств НАТО.</p> <p>Согласно данным российских СМИ, в июне – июле 2020 г. сотрудники центра совместно с представителями 77-й бригады армии Великобритании и персоналом центров информационно-психологического обеспечения Сил Специальных Операций Министерства обороны Украины провели масштабную кибероперацию, направленную на дискредитацию общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ¹⁶⁵.</p>
--	--	--	---

¹⁶⁵ Министерство обороны Украины разработало несколько штабов дезинформации в Сети. <https://cont.ws/@shumakova.nyusha/1712435>

2	<p style="text-align: center;">Центр стратегических коммуникаций НАТО</p> <p style="text-align: center;">NATO Strategic Communications Centre of Excellence, CE StratCom</p>	<p>Расположен на территории Латвии</p>	<p>Центр призван обеспечивать информационную безопасность Североатлантического альянса. В сферу ответственности StratCom входят, в том числе вопросы ведения пропаганды, психологической войны и киберзащиты. В последние годы организация фокусирует внимание на вопросах вмешательства в выборы, манипулирования общественным мнением в соцсетях и «российской гибридной угрозы».</p> <p>Центр занимается подготовкой аналитических материалов для структур НАТО и национальных правительств. Его специалисты принимают участие в разработке военных и политических доктрин НАТО. Также на базе организации развернуты курсы по подготовке специалистов в области стратегической</p>
---	---	--	--

			<p>коммуникации и переподготовке высших должностных лиц НАТО. Центр реализует межгосударственный эксперимент по проведению информационных операций в военных целях.</p> <p>При поиске следов «российского вмешательства» StratCom опирается на исследовательскую методологию Шведского гражданского агентства по чрезвычайным ситуациям (Swedish Civil Contingency Agency), усовершенствованную американской НКО «Фонд Карнеги за международный мир» (The Carnegie Endowment for International Peace, CEIP).</p>
3	<p>Альянс за обеспечение демократии Alliance for Security Democracy's, ASD</p>	США	<p>Двухпартийная трансатлантическая группа, созданная в июле 2017 г. на базе Фонда Маршала с целью «противодействия усилиям России по подрыву</p>

		<p>демократических институтов в Соединенных Штатах и Европе».</p> <p>Непосредственное руководство организацией осуществляют преимущественно сотрудники Фонда Маршалла. Директор ASD – Лора Розенберг, старший научный сотрудник GMF (бывший сотрудник Госдепартамента, работала в администрациях Дж.Буша-младшего и Б.Обамы).</p> <p>Силами ASD была разработана информационная панель Hamilton 68, отображающая активность аккаунтов в соцсети Twitter, якобы связанных с «российским вмешательством» в политическую жизнь США и Европы. В сентябре 2017 г. был запущен аналог Hamilton 68 на немецком языке, призванный отслеживать «вмешательство России» в</p>
--	--	--

			политическую жизнь Германии.
4	Лаборатория дезинформации Европейского Союза EU DisinfoLab	Бельгия	Неправительственная организация, официальной целью которой является борьба против кампаний дезинформации, развернутых в отношении государств Евросоюза. Занимается разработкой и поддержкой независимой европейской платформы по борьбе с дезинформацией. Объединяет экспертов из разных стран, предоставляя им инструменты и ресурсы для решения соответствующих задач. Проводит постоянный мониторинг основных информационных платформ (как цифровых, так и традиционных). Регулярно предоставляет рекомендации политическим институтам ЕС и отдельных государств- членов альянса. Периодически организует семинары, конференции и иные мероприятия для обмена опытом между специалистами

			в области информационной безопасности.
5	<p>Лаборатория цифровых криминалистических исследований Атлантического Совета</p> <p>Atlantic Council's Digital Forensic Research Lab</p>	США	<p>Организация в структуре Атлантического Совета. Официальной целью ее работы является поиск и разоблачение политической дезинформации. В качестве средства ее достижения выбран метод рекрутирования «цифровых Шерлоков» (#DigitalSherlocks) - волонтеров, готовых заниматься поиском дезинформации в Интернете. Помимо того, расследования Лаборатории преследуют цель выявления и документирования фактов нарушения прав человека. Сотрудники Лаборатории занимаются не только поиском следов «российского вмешательства», но также собирают материалы, которые используют для выдвижения в адрес РФ обвинений в совершении военных преступлений, в частности, в Сирии и на Украине.</p>

6	<p>«Балтийские эльфы» Baltic Elves</p>	<p>Литва, Латвия, Эстония, Финляндия (активны в русскоязычных сегментах соцсетей Facebook и ВКонтакте)</p>	<p>Волонтерское движение, опосредованным образом связанное со StratCom. В Литве тесным образом связано с Союзом стрелков – военизированной организацией, находящейся в подчинении Министерства обороны. Децентрализовано, действует одновременно в нескольких прибалтийских государствах. Точные обстоятельства и время возникновения неизвестны. По одной версии, возникло в период событий Евромайдана с целью поддержки сторонников евроинтеграции на Украине. По другой, сформировалось после воссоединения Крыма с Россией и начала конфликта на Донбассе. Оценочная численность составляет от нескольких сотен до более чем 5 тыс. человек. Разделены на несколько сетевых сообществ. Используемые</p>

			<p> тактики борьбы с «российским вмешательством»: фильтрация публикаций в СМИ и соцсетях, оценка наличия в них «российской пропаганды»; скоординированное комментирование и символическая обструкция публикаций, оцененных как «российская дезинформация»; массовая отправка жалоб с требованием удалить контент; создание баз данных «российских троллей», раскрытие персональной информации владельцев аккаунтов (Demaskuok.lt; Vatnikas). Основное «поле деятельности» - соцсети Facebook и ВКонтакте. </p>
7	<p> Кибер-подразделение эстонской Лиги обороны Estonian Defence League's Cyber Unit </p>	Эстония	<p> Подразделение в составе Лиги обороны Эстонии – военизированной добровольческой организации, подчиняющейся Министерству обороны республики. Формально </p>

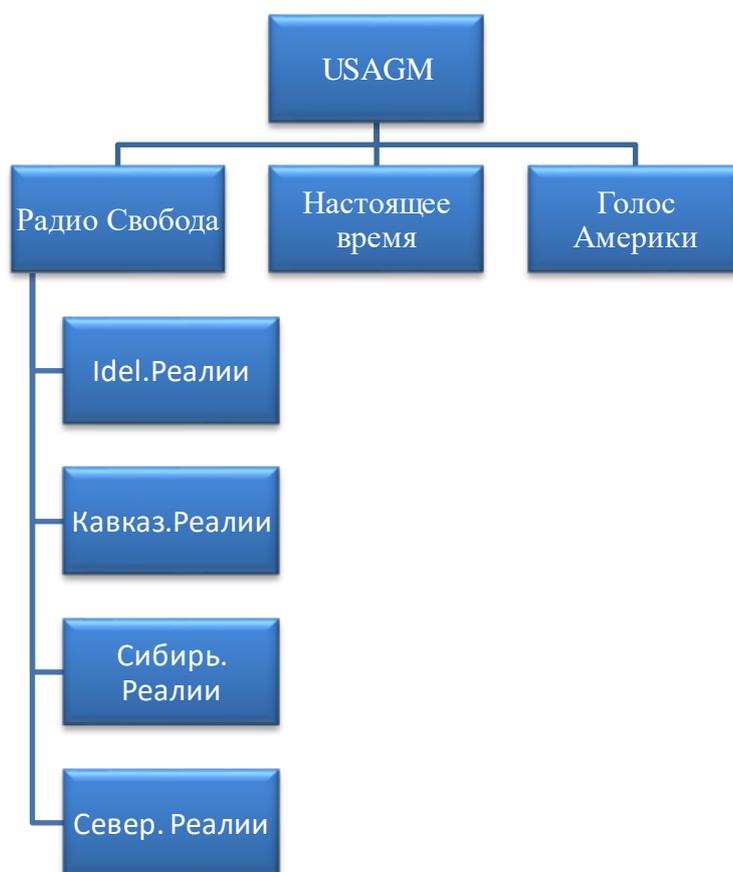
			<p>призвана реагировать на реальные угрозы для кибербезопасности государства. Однако в последние годы ее все чаще используют для борьбы с «российским вмешательством».</p>
8	<p>Группа реагирования на компьютерные инциденты в Эстонии Computer Emergency Response Team for Estonia, CERT-EE</p>	Эстония	<p>Формально в обязанности группы входит оказание помощи эстонским пользователям в ликвидации киберугроз и предотвращении последних. Однако фактически он был создан для борьбы с «российской угрозой». Поводом для создания группы стали опасения эстонских властей, что в ответ на планы переноса памятника «Бронзовый солдат» в Таллине «русские хакеры» организуют кибератаку против республики.</p>

Не менее значимую роль в дестабилизации внутривнутриполитической ситуации играют СМИ, напрямую являющиеся агентами зарубежных

правительств. В качестве примера можно привести систему массмедиа, функционирующих под контролем Агентства США по глобальным медиа (The United States Agency for Global Media, USAGM). За счет средств данной структуры, входящей в состав системы органов государственной власти Соединенных Штатов, на территории РФ вещает целая сеть СМИ, активно продвигающих оппозиционный контент и в то же время блокирующая доступ спикеров-лоялистов к своим ресурсам. Под эгидой агентства функционируют российский филиал «Радио Свобода» (включая его дочерние проекты - «Idel. Реалии», «Кавказ. Реалии», «Сибирь. Реалии», «Север. Реалии»), телеканал «Настоящее Время», русская служба радио «Голос Америки».

Рис. 2

Система «российских СМИ» USAGM

Значимой специфической чертой, характеризующей источники угроз для политической стабильности России, является ориентация на молодежную среду. Отчасти это объясняется структурой доступа политических акторов,

участвующих в подрыве политической стабильности, к рынку массмедиа. Большинство традиционных СМИ, включая электронные, занимают лоялистскую позицию, в силу чего трансляция посредством их ресурсов сообщений радикальной оппозиции представляется невозможной. Как результат, противники действующей власти фокусируют свои усилия на продвижении на площадках социальных медиа. Особое внимание уделяется площадкам, функционирующим за счет выработки наиболее удобного для восприятия контента – видеороликов развлекательного характера. Значительная часть пользователей, посещающих соответствующие ресурсы, являются подростками, что закономерно обусловило преобладание последних среди потребителей дестабилизирующего контента¹⁶⁶. Согласно данным компании Mediascope за апрель 2020 г., видеохостинг YouTube стал вторым по посещаемости сайтом в России, уступив по популярности лишь поисковой системе Google. Ежемесячно данный ресурс хотя бы один раз посещают с мобильных и десктопных устройств более 47,6 млн. россиян. Из них 8,2 млн. приходится на граждан в возрасте от 12 до 24 лет. Доля представителей возрастной группы 12 – 34 лет составляет около 19,7 млн. человек¹⁶⁷. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2019 г., 48% россиян в возрасте 18 – 24 лет ежедневно посещают YouTube¹⁶⁸.

Показательны и данные рейтинга влияния YouTube-каналов за май 2020 г., составленного компанией «Медиалогия». Первую позицию в нем занял канал Влада Бумаги (24 года), также известного как «А4». Количество подписчиков на канале – 20,4 млн., основной контент – пародии и челленджи в ключе «побег из картонной тюрьмы», «кто последний выйдет из круга получит 1000\$» и пр. Второе место занял канал 29-летнего Марина Мокану («Marmok»): 13,5 млн. подписчиков, контент формируется за счет обзоров на видеоигры. На третьей позиции оказался канал Like Nastya (57,4 млн.

---

¹⁶⁶ Семченков А.С. Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М., 2016. С. 55.

¹⁶⁷ Аудитория интернета в России. <https://webindex.mediascope.net/>;

¹⁶⁸ YouTube — «телевидение» XXI века. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>

подписчиков). Его ведут родители 6-летней девочки Анастасии Радзинской, подавляющее большинство роликов посвящено посещению ей детских парков развлечений¹⁶⁹.

На первый взгляд, работа с молодежной аудиторией может представляться малоперспективным направлением работы: традиционно считается, что представители подрастающего поколения достаточно неохотно участвуют в выборах (либо в силу возраста не имеют соответствующих прав) и в массе своей испытывают слабый интерес к общественно-политической повестке. Однако выстраивание коммуникации с молодежью имеет и очевидные преимущества. Во-первых, ее представители не имеют травмирующего опыта 1990-х гг., а их личность формировалась в период активного распространения в культуре элементов «престижного потребления»¹⁷⁰. Развитие социальных медиа облегчило для них доступ к наглядной информации о стандартах качества жизни среднего класса наиболее развитых в экономическом плане стран. При этом соответствующая информация зачастую подается сквозь призму концепции «легких денег»: достижение материального благополучия в рамках массовой культуры не увязывается с продолжительным и тяжелым трудом, обретением сложных навыков и т.д. Уровень жизни, достигнутый россиянами в период «тучных нулевых», воспринимается как данность, естественное положение, что во многом обесценивает в глазах молодых людей достижения властей. Как следствие, они склонны требовать от властей куда большего, чем поколение их родителей. На специфике политического восприятия молодежи сказывается и специфика социального положения данной возрастной группы. В лучшем случае, ее представители несут ответственность лишь за самих себя, они не должны отвечать за благополучие супругов, детей или пожилых родителей. Как следствие, у молодых людей отсутствует сдерживающий

---

¹⁶⁹ ТОП-20 каналов в YouTube - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>

¹⁷⁰ Авцинова Г.И., Бурда М.А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 4 (44). С. 649-655.

фактор, блокирующий канализацию накопившейся агрессии в политические акции у представителей старших возрастов¹⁷¹.

Свою роль играет и своеобразная «политическая наивность», связанная с объективно ограниченным объемом социального опыта. Представители старшего поколения помнят период, когда в Госдуме доминировали сначала депутаты от ЛДПР, а затем – от КПРФ, а региональные власти пользовались чрезвычайно широким объемом прав по отношению к федеральному центру. Однако это не конвертировалось в рост материального благополучия россиян, а, напротив, сопровождалось падением уровня жизни граждан. Часть представителей старшего поколения помнят о том, что первоначально Б.Н. Ельцин позиционировал себя в качестве демократа и борца с коррупцией, привилегиями и социальным неравенством, и могут на собственном опыте оценить, насколько последовательно он воплощал в жизнь свои предвыборные обещания. Молодые люди не могут опереться на соответствующий эмпирический опыт, что заметно облегчает задачу манипулирования их поведением¹⁷².

Нельзя проигнорировать и то, что молодежь относится к числу особо опекаемых обществом категорий населения. Соответственно, любой акт насилия представителей власти в отношении школьника способен вызвать куда большую эмоциональную отдачу у аудитории, нежели аналогичные действия в отношении взрослого мужчины. Таким образом, широкое участие представителей молодежи в протестных акциях открывает для оппозиционеров широкие возможности с точки зрения решения задач демонизации власти и дегуманизации правоохранителей¹⁷³.

---

¹⁷¹ Фельдман П.Я., Аветисов Э.К. Согласование интересов государства и общества как фактор обеспечения политической стабильности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122). С. 93; Юрьев А.И., Ханнанова Э.И. Роль СМИ в обеспечении политической стабильности в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 25; Нешков С.В. Образ будущего как средство дестабилизации внутривластной ситуации в современной России // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 5. С. 1437.

¹⁷² Семченков А.С. Указ. соч. С. 45.

¹⁷³ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет //

Важно отметить, что акторы, вовлеченные в процесс дестабилизации политической ситуации внутри России, ведут работу с молодежью с учетом долгосрочных перспектив. Наглядным подтверждением этого служит кейс фейков относительно внесения поправок в Конституцию РФ. По оценке экспертов Лиги безопасного Интернета, большинство сообщений, содержащих в себе ложную информацию относительно конституционной реформы, распространялись посредством таких ресурсов, как Instagram, «ВКонтакте», Tik Tok, Twitter, Telegram. При этом особенно ощутимую динамику демонстрировал прирост фейков именно в Tik Tok – социальной сети, ориентированной преимущественно на детей и подростков (43% аудитории данной соцсети в России, по данным за март 2020 г., относились к возрастной группе 13 – 17 лет)¹⁷⁴.

Еще одной особенностью новых угроз внутривнутриполитической стабильности России является наличие у вовлеченных в этот процесс акторов серьезного ресурса влияния в виде социальных медиа. Анализ новых электронных СМИ показывает, что многие площадки в данном сегменте массмедиа в значительной степени контролируются разнообразными группами политической оппозиции, в то время как лоялистские ресурсы обладают сравнительно небольшим влиянием. Последнее наглядно подтверждают исследования компании «Медиалогия», раскрывающие тему развития социальных медиа в России. В рейтинг 20 наиболее влиятельных каналов российского сегмента YouTube за май 2020 г. входят два оппозиционных ресурса – блог Юрия Дудя (9 место) и Алексея Навального (14 место). При этом в нем нет ни одного лоялистского канала¹⁷⁵. В рамках градации политических Telegram-каналов за май 2020 г. по числу просмотров в первую десятку рейтинга вошли 5 оппозиционных ресурсов: «Сталингулаг» (2-я позиция), «Навальный» (5-е место), «Усы Пескова» (6-е место), Илья

Политика и общество. 2019. № 6. С. 9.

¹⁷⁴ Аудитория TikTok в России достигла 18 млн. пользователей. <https://ruvod.com/auditoriya-tiktok-v-rossii-dostigla-18-mln-polzovatelej/>

¹⁷⁵ ТОП-20 каналов в YouTube - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>

Варламов (9-е место) и личный канал Алексея Венедиктова (10-е место)¹⁷⁶. Среди 10 наиболее влиятельных микроблогов Twitter, по данным за май 2020 г., насчитывалось 6 оппозиционных ресурсов: «Алексей Навальный» (2-е место), Meduza (3-е место), «Эхо Москвы» (4-е место), «Сталингулаг» (5-е место), «Дождь» (8-е место), «Тj» (10-е место)¹⁷⁷. Рейтинги «Медиалогии», затрагивающие иерархию влияния пабликов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», не включают в себя сообществ, освещающих преимущественно общественно-политическую тематику, и потому не были использованы в рамках данного исследования.

Доминирование представителей радикальной оппозиции в значимых сегментах социальных медиа скрывает в себе серьезные риски. Социологи фиксируют снижение роли традиционных СМИ, и в том числе – телевидения, как источника получения информации. Согласно данным ФОМ, за период 2008 – 2019 гг., количество россиян, не имеющих телевизора либо отказывающихся от просмотра телепрограмм, увеличилось с 3% до 15%. Число опрошенных, ежедневно пользующихся телевизором, за аналогичный период сократилось с 72% до 52%. Среди представителей молодежи и среднего возраста фиксируется еще более низкая степень интереса к телевидению. Лишь 24% респондентов в возрасте 18 – 30 лет ежедневно просматривают телепрограммы. Для россиян среднего возраста (31 год – 45 лет) этот показатель равен 43%.

В 2015 – 2019 гг. произошло падения доверия телезрителей к новостным передачам основных федеральных каналов. В случае «Первого канала» показатель снизился с 53% до 33% (на 20%). Число зрителей, с доверием воспринимающих новостные передачи «России 1», сократилось с 46% до 31% (на 15%). Для НТВ показатель доверия упал с 22% до 17% (на 5%). Доверие к новостям канала «Россия 24» уменьшилось с 17% до 10% (на 7%).

---

¹⁷⁶ ТОП-30 политических каналов Telegram по просмотрам - май 2020. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/7505/>

¹⁷⁷ ТОП-20 микроблогов в Twitter - май 2020 <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/twitter/7484/>

Одновременно мы наблюдаем рост значимости Интернет-ресурсов как источников распространения и получения информации. В 2018 – 2019 гг. доля Интернет-аудитории среди респондентов ФОМ достигала 73%. В январе 2018 г. 48% из них знакомились при помощи Глобальной Сети с новостными сообщениями. Год спустя этот показатель увеличился до 58%¹⁷⁸. Исследование ВЦИОМ, проведенное в ноябре 2019 г., показало, что более половины респондентов (58%) являются пользователями видеохостинга YouTube. При этом 14% опрошенных заявили, что смотрят на сайте ролики, посвященные вопросам общественно-политической жизни. Большой популярностью пользовались только 3 группы контента: «Семья, дом, воспитание детей» (16%), «Юмор» (23%) и «Музыка, фильмы, культура и искусство» (30%)¹⁷⁹.

Значимым отличием новых угроз для политической стабильности России служит экспансия политических и религиозных радикалов в символическое пространство футуромифа посредством конструирования многочисленных «образов будущего». Наиболее ярким примером в данном случае может служить продвигаемый отдельными сегментами либеральной оппозиции образ «прекрасной России будущего». Последний представляет собой пример политического мифа, выстроенного на символической основе (последняя служит средством репрезентации смыслов и ценностей, предлагаемых целевой аудитории). Обществу предлагается вульгарная и непротиворечивая (и потому доступная для восприятия широких масс населения) картина будущего, носящая исключительно позитивный характер. Средства ее достижения, вероятные риски и издержки при этом выступают второстепенными элементами в рамках позиционирования: акцент делается на желаемых результатах, достижимых (по заверению оппозиционных идеологов) в краткосрочной перспективе. Фактически речь идет о предложении оперативного реформирования всей социально-политической системы и приведения ее к «правильному» эталону. В роли последнего, в

---

¹⁷⁸ СМИ: ТВ и интернет. <https://fom.ru/SMI-i-internet/14258>

¹⁷⁹ YouTube — «телевидение» XXI века. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>

любом случае, выступает некая идеальная модель, мало соответствующая реальным практикам функционирования того или иного политического режима. Трансляция образа будущего в данном случае осуществляется преимущественно за счет использования таких форм воздействия на сознание аудитории, как внушение, эмоциональное заражение и подражание. Продвижение футуромифа обеспечивает обращение к сфере эмоций, в то время как рациональные аргументы играют факультативную роль¹⁸⁰.

Активная экспансия радикалов в пространство образов будущего во многом связана с дисфункцией ряда элементов символической политики государства. Технократический подход к осуществлению функций политического менеджмента, в силу ориентации на достижение формальных количественных показателей, зачастую сопровождается недооценкой значимости методов воздействия на сознание и последствий их применения. В силу этого конструируемые на государственном уровне образы будущего скорее представляют собой воплощение «продленного настоящего». Они не привязаны к оперативному (в исторической перспективе) решению какой-либо из наиболее актуальных для большинства «среднестатистических россиян» задач, лишены символической составляющей и не наделены конкретным смыслом. Предпринимаются отдельные попытки исправить ситуацию, однако их полезный потенциал минимизирует практика политического популизма со стороны отдельных представителей истеблишмента (в первую очередь – по линии партийных институтов и федерального правительства). Невыполнение конкретными чиновниками заявленных ранее амбициозных задач закономерно способствует подрыву доверия масс к декларируемым властями «планам прорыва». Свою роль играет и «эксцесс исполнителя» со стороны представителей бюрократического аппарата на региональном уровне. В частности, широко известны случаи, когда исполнение «майских указов» В.В. Путина относительно увеличения

---

¹⁸⁰ Шульц Э.Э. Социальный протест как фактор дестабилизации политической системы современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 4. С. 114.

заработной платы педагогам и медикам реализовывалось за счет сокращения штата сотрудников соответствующих учреждений и увеличения объема персональной нагрузки сохранивших рабочие места специалистов¹⁸¹.

Естественным следствием сбоя в реализации государственной политики, направленной на формирование позитивного образа будущего, становится рост пессимизма относительно персональных и социальных перспектив. В августе 2019 г. ФОМ провел исследование, посвященное восприятию россиянами перспектив развития РФ в течение ближайших 20 лет. Опросы показали, что только 18% респондентов уверены в росте уровня безопасности жизни в России. Рост показателей социальной защищенности ожидал только 21% опрошенных, а улучшение ситуации в экономике – 25%¹⁸².

Изыскания социологов ФОМ также позволили установить, что 35% россиян были убеждены в отсутствии значимой взаимосвязи между своим будущим и личными усилиями (противоположной точки зрения придерживались 54% респондентов). Важно отметить, что меньше всего в своей способности определять собственное будущее были уверены респонденты, обладавшие богатым жизненным опытом: менее половины (46%) опрошенных в возрасте от 46 до 60 лет обозначили собственные усилия как фактор, определяющий успешность человека¹⁸³.

Пессимизм широких масс, обусловленный отсутствием полноценного образа будущего позитивного плана, закономерно сформировал в общественном сознании лагуну, которую активно пытаются восполнить представители разного рода радикальных структур, зачастую тесным образом

---

¹⁸¹ Еремин Д.Н. Спящий бегемот: симптомы роста политического протеста в России // Образ будущего: 2030. Сборник тезисов IX Международной молодежной научной конференции. 2018. С. 18; Нешков С.В. Массовые агитационно-пропагандистские материалы политических протестных акций 2017 г. в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Том 11. № 4(73). С.182; Нешков С.В. Причины вовлечения молодежи в процесс дестабилизации внутриполитической ситуации в России // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 4 (68). С. 1171.

¹⁸² Россия через 20 лет и личные планы на будущее. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241>(дата обращения: 08.07.2020).

¹⁸³ Россия через 20 лет и личные планы на будущее. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241>(дата обращения: 08.07.2020).

аффилированных с зарубежными акторами. Последнее позволяет противникам действующей власти частично компенсировать отсутствие у оппозиции значимых достижений в рамках решения текущих проблем¹⁸⁴.

Интересно отметить такую тенденцию в развитии сообщества политических радикалов в России, как активное развитие в последние годы ортодоксального левого сегмента. Традиционно власти концентрировали внимание на борьбе с правыми и либеральными фундаменталистами, проявлявшими наибольшую активность в плане проведения несанкционированных протестных акций, организации массовых беспорядков, установления связей с зарубежными политическими акторами и формирования парамилитарных формирований. Левые радикалы долгое время находились на периферии оппозиции и играли скорее роль маргинальных элементов. Однако в последние годы наблюдается существенное расширение их присутствия в сегменте социальных медиа. Одновременно в оффлайн-пространстве формируется сеть кружков, активно изучающих труды марксистов-ортодоксов¹⁸⁵.

Росту влияния левых радикалов способствует ревизия восприятия в обществе советского периода отечественной истории¹⁸⁶. Важно подчеркнуть, что она не имеет ничего общего с ностальгией части россиян по чисто бытовым артефактам, ассоциируемых с периодом детства и юности. В ходе исследования Левада-центра, проведенного в мае 2019 г., позволило выявить, что в течение 2008 – 2019 гг. произошел двухкратный (с 29% до 59%) рост числа россиян, убежденных в наличии у исторического пути СССР такого

---

¹⁸⁴ Макаренко К.М. Политический протест как проявление гражданской активности в современной России // Мир современной науки. 2017. № 6 (46). С. 59.

¹⁸⁵ Третьюхин М.В. Трансформация социальной базы "левых" общественно-политических движений в современной России // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 4-2 (106). С. 105 - 107; Зубарев И.Ю. Идеология и практика левых радикальных молодежных движений в России на рубеже XX-XXI вв. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 1 (22). С. 183 - 185.

¹⁸⁶ Сергеев С.А. Левые радикалы в начале XXI века: Западная Европа и Россия // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2019. С. 361.

свойства, как «забота государства о простых людях». Удельная доля опрошенных, заявляющих о «постоянном улучшении жизни людей» в СССР, увеличилась за аналогичный период с 14% до 39%. Одновременно ощутило сократилось число респондентов, фокусирующих свое восприятие на отрицательных элементах повседневной жизни в Советском Союзе. Так, доля опрошенных, ассоциирующих СССР с очередями, дефицитом и карточками, уменьшилась с 42% до 24%¹⁸⁷.

Рост влияния левых радикалов, равно как и сопутствующие перемены в восприятии Советского Союза, вероятнее всего, объясняются синергией целого комплекса факторов. С одной стороны, свою роль играют социально-экономические последствия кризиса 2014 – 2015 гг., несбывшиеся ожидания широких слоев населения относительно отставки Д.А. Медведева с поста премьер-министра в апреле 2018 г., актуализация левой повестки после пенсионной реформы и воздействие противоэпидемических ограничений на рыночную конъюнктуру весной 2020 г. С другой стороны, внимание правоохранительных органов концентрировалось на работе с радикалами, представляющими правый и либеральный сегменты оппозиции, в силу чего профилактика угроз с левого политического фланга велась по остаточному принципу.

Конъюнктура развития российской экономики, заданная эпидемией коронавируса в 2020 г., косвенно указывает на перспективы дальнейшего распространения левого экстремизма в России (по крайней мере, в краткосрочной перспективе).

Во втором квартале 2020 г., согласно данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения сократились на 8% в годовом выражении. Ощутимее всего это сказалось на положении предпринимателей (лишившихся

---

¹⁸⁷ Советский Союз. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/24/ussr/> (дата обращения: 07.07.2020).

33,5% дохода в годовом выражении) и работники, занятые без оформления договора (12,4%)¹⁸⁸.

По данным Сбербанка, в период острой фазы эпидемии (апрель – май 2020 г.) зарплаты сокращались в отраслях, на долю которых приходится около 75% всех занятых в российской экономике. Падение доходов было зафиксировано у половины работающих граждан. У 20% россиян размер зарплаты уменьшился более чем на треть¹⁸⁹.

Исследования Центра трудовых исследований ВШЭ выявили снижение зарплаты в апреле-мае 2020 г. у 40% опрошенных¹⁹⁰.

Согласно данным Центра анализа доходов населения ВШЭ, удельная доля бедных в структуре населения России в апреле – мае 2020 г. увеличилась с 12,6% до 16–17%¹⁹¹. В данном случае необходимо понимать, что речь идет лишь о формальном показателе: официальная статистика, например, не относит к соответствующей категории граждан, чей доход незначительно превышает прожиточный минимум. Таким образом, в реальности численность россиян, чей заработок позволяет им, в лучшем случае, приобретать лишь одежду и продукты питания, может заметно превышать формальный уровень бедности.

Кризисные тенденции в развитии экономики, вероятнее всего, будут способствовать падению популярности таких ценностей, как свобода предпринимательства и конкуренции, а также саморегуляция рынка, подпитывая параллельно рост интереса к различным вариациям левой идеологии или гибридных конструктов с ее элементами.

---

¹⁸⁸ Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии. <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb>

¹⁸⁹ Зарплаты россиян в период коронавируса. Март — май 2020 г. <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/potrebaactivm-m.pdf>

¹⁹⁰ Рынок труда под натиском коронавируса. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf>

¹⁹¹ Центра анализа доходов населения ВШЭ, удельная доля бедных в структуре населения России в апреле – мае 2020 г. увеличилась с 12,6% до 16–17%. <https://www.kommersant.ru/doc/4424235>

Роль факультативного фактора в данном случае может сыграть специфика текущей политики пространственного развития России. В настоящий момент она выстроена вокруг концепции мегаполиса (или просто крупного города) как «точки роста» для сопредельных территорий. Однако фактически в рамках данной модели наблюдается скорее нарастающее перераспределение ресурсов в пользу крупных городов на фоне медленной эрозии взаимодействующих с мегаполисом регионов и поселений (за исключением пригородов)¹⁹². В условиях экономического кризиса поток граждан, мигрирующих в мегаполисы, лишь увеличится. Однако рынок труда крупных городов будет естественным образом сокращаться (вместе с размером зарплат). Следствием сочетания этих факторов, вероятнее всего, станет рост относительной депривации среди населения, в первую очередь – среди внутренних мигрантов. Соответствующие настроения, предположительно, будут канализоваться в различных формах асоциального поведения (например, в виде алкоголизма), проявляться в возникновении психических расстройств и/или в росте социального недовольства¹⁹³. Последний вариант особенно вероятен, поскольку предполагает возложение ответственности за происходящее на внешних акторов и гармонизацию взаимоотношений человека с самим собой. Ориентация на поиск внутренних причин неудовлетворенности

---

¹⁹² Пролубников А.В. Специфика пространственного развития современной российской экономики как фактор региональной политики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 54, 55; Паничкина Е.В. Протесты в социально-политическом пространстве региона (на примере Кемеровской области) // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 6А. С. 53; Коломак Е.А. Пространственное развитие и приоритеты региональной политики в России // ЭКО. 2014. № 1 (475). С. 47; Бахлов И.В., Бахлова О.В. Региональная политика как компонент стратегии пространственного развития России: позиции парламентских партий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 48.

¹⁹³ Касович А.А. К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1 (29). С. 42-50; Макаренко К.М. «Относительная депривация» как объясняющая теория современного российского протеста // Мир современной науки. 2018. № 6 (52). С. 111-113; Свищева А.Н. Относительная депривация в условиях финансово-экономического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). С. 182-201.

декларируемых потребностей тесным образом сопряжена с риском самостигматизации, что создает угрозу для психического здоровья человека. По этой причине ориентация на внешние факторы зачастую обуславливается работой защитных механизмов человеческой психики¹⁹⁴.

Сходные тенденции будут наблюдаться и в развитии ситуации на территориях, выступающих в рамках действующей модели пространственного развития в качестве ресурсных доноров (в том числе – за счет обеспечения потребностей территорий-реципиентов в рабочей силе). Миграция населения в крупные города будет способствовать падению потребительского спроса, увеличению удельной доли сектора натурального хозяйства и, в конечном счете, ухудшению конъюнктуры для малого и среднего бизнеса¹⁹⁵.

В целом можно заключить, что новые угрозы политической стабильности России генерируются сложным комплексом факторов субъективного и объективного характера. Как следствие, возникновение очагов политической нестабильности носит во многом несистемный, ситуативный характер, в силу чего их появление крайне сложно прогнозировать. Локальный или региональный инфоповод легко может стать политическим кейсом, влияющим на повестку в федеральных масштабах. Реакции жителей разных регионов на одно и то же (в плане тождественности содержания) события могут кардинально отличаться. Ситуацию усугубляет

---

¹⁹⁴ Касович А.А. К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1 (29). С. 42-50; Макаренко К.М. «Относительная депривация» как объясняющая теория современного российского протеста // Мир современной науки. 2018. № 6 (52). С. 111-113; Свищева А.Н. Относительная депривация в условиях финансово-экономического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). С. 182-201.

¹⁹⁵ Соколов В.А., Загребин В.В. Социальный протест в контексте российского региона (на материалах Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 2 (18). С. 147; Колесников Ю.С., Дармилова Ж.Д. Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5. № 2. С. 72; Мирохина А.А. Пространственная политика как драйвер территориально-равномерного развития региона // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 75; Швецов А.Н. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1 (89). С. 90.

то, что процесс управления конфликтами одновременно модерирует множество акторов (включая зарубежные структуры), преследующих разные цели. При этом эффективность мер, направленных на ограничение внешнего вмешательства, далека от приемлемого уровня. Бенефициары дестабилизации доминируют на площадках социальных медиа, в том числе – посредством опосредованного контроля над ними. Одновременно необходимо отметить, что интересантами, отвечающими за дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в России, достигнуты крупные успехи на таком направлении работы, как молодежная политика. Последнее во многом обусловлено неблагоприятной макроэкономической конъюнктурой, а также дисфункцией работы государственных структур, отвечающих за реализацию символической политики, программ территориального пространственного развития и конструирование образа будущего. На сегодняшний день роль основной угрозы для политической стабильности в РФ играют носители радикальных вариаций неolibеральной идеологии и этнические националисты. В ближайшем будущем, с высокой долей вероятности, можно ожидать актуализацию угроз, связанных с распространением экстремистских форматов левых идей и регионального сепаратизма.

2.2. Классификация и типология новых вызовов и угроз политической стабильности Российской Федерации

Корпус новых вызовов и угроз политической стабильности в России, сформировавшийся в последние годы, отличается достаточно высокая степень гетерогенности с точки зрения поводов для возникновения очага деструктивной политической активности.

В большинстве случаев в качестве ресурса протестной мобилизации выступают инфоповоды, не имеющие прямого отношения к процессам приобретения и удержания политической власти. Деструктивная энергия масс накапливается и канализируется посредством обращения к темам техногенных

катастроф (пожар в торговом центре «Зимняя вишня»), экологических бедствий или перспектив их возникновения (состояние полигона твердых бытовых отходов «Ядрово» под Волоколамском, планы строительства экотехнопарка «Шиес» в Архангельской области), эпидемиологической ситуации («коронавирусные» протесты в Москве и Северной Осетии), переформатирование общественных пространств в городах (акции против строительства храма св. Екатерины в административном центре Свердловской области), межнациональных отношений между представителями коренного населения одного региона или жителями сопредельных субъектов федерации (в данном случае можно в качестве примера привести протесты в Ингушетии и Дагестане против демаркации административной границы с Чеченской Республикой, а также конфликт между кабардинцами и балкарцами в ходе празднования 310-й годовщины Канжальской битвы). В каждом из упомянутых случаев повод для начала протестных акций, первоначально не имевший политической подоплеки, достаточно быстро дополнялся требованиями отставки конкретных представителей власти, включая руководителей муниципальных образований и высших должностных лиц регионов, претензиями в адрес федеральных властей (несмотря на локальный и региональный характер соответствующей проблематики)¹⁹⁶.

---

¹⁹⁶ Еремин Д.Н. Спящий бегемот: симптомы роста политического протеста в России // Образ будущего: 2030. Сборник тезисов IX Международной молодежной научной конференции. 2018. С. 17.

Типология неполитических поводов для организации массовых протестов

Создание очагов нестабильности с чисто политической подоплекой происходит достаточно редко. Такого рода эпизоды характерны в первую очередь для конкретных регионов, которые отличает относительно высокая доля протестно настроенных граждан в структуре населения (примером чего могут служить мегаполисы, такие как Москва или Екатеринбург, или регионы Дальнего Востока, в первую очередь – Хабаровский край). Мобилизация оппозиционной среды происходит либо в ключе разработки адресно направленной антикоррупционной повестки (митинги в рамках акции «Он Вам не Димон» 26 марта 2017 г.), либо в рамках электоральной повестки (протесты в Москве летом 2019 г. в связи с отказом в регистрации ряда оппозиционных кандидатов на выборах в Мосгордуму), либо на основе повестки, связанной с резонансными уголовными делами в отношении противников действующей власти (акции в поддержку Ивана Голунова и Ивана Сафронова, Марш матерей в поддержку фигурантов дела «Нового величия»), либо через привязку к определенным памятным датам (Марш Немцова). Начиная с середины 2010-х гг., отмечается рост числа протестов, связанных с изменением системы административно-территориального деления, как на муниципальном, так и на региональном уровнях. В качестве

наглядной иллюстрации в данном случае можно привести серию акций протеста против «укрупнения» муниципальных образований в Московской области в 2014 – 2017 гг. и массовые выступления жителей Ненецкого автономного округа и Архангельской области против слияния регионов в 2020 г.¹⁹⁷

Отдельно необходимо выделить уникальный хабаровский кейс, когда к массовым протестам привели арест и последующая отставка популярного губернатора С.И. Фургала. В политической истории современной России такого рода эпизоды еще не приводили к возникновению масштабных очагов протестной активности¹⁹⁸.

Рис. 4

Типология политических поводов для организации массовых протестов

Необходимо отметить, что в целом ряде случаев инфоповоды, используемые для дестабилизации политической обстановки, носят принципиально новый характер либо несут на себе следы существенной модернизации в плане модели позиционирования.

¹⁹⁷ Фролов А.А. Особенности протестов в современной России // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского кон-гресса политологов. Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М., 2018. С. 554, 555; Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647;

¹⁹⁸ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 5.

К числу принципиально новых угроз можно отнести массовые акции протеста против отставки должностного лица, а также деструктивные процессы, поводом для запуска которых послужила техногенная катастрофа или эпидемия. При этом необходимо подчеркнуть, что в последнем случае поводом для начала массовых выступлений становится искаженная, либо заведомо ложная информация относительно обстоятельств произошедшего и числе жертв. Возникновение соответствующих угроз, по нашему мнению, связано в первую очередь с падением доверия к традиционным СМИ и переориентацией значительной части граждан на социальные медиа в качестве источника получения информации, формированием корпуса лидеров общественного мнения в вопросах политики, слабо связанных с государственными институтами, и ростом социальной напряженности на конкретных депрессивных территориях (таких, как Северная Осетия или Кемеровская область).

Ранее уже имели место экологические протесты (например, акции против вырубки Химкинского леса в 2007 – 2011 гг.), однако их повестка не имела четко выраженного акцента на формировании образа прямой угрозы жизни и здоровью местных жителей, а также их экономическому благополучию (в плане снижения стоимости жилья и т.д.), присущего, например, мусорным протестам 2018 г. в Подмосковье. В ходе акции против строительства экотехнопарка «Шиес» чисто экологическую повестку также дополнили тема регионализма (в ключе противопоставления Поморья и Коми федеральному центру, якобы игнорирующему потребности и интересы северных территорий).

Существенные изменения наблюдаются и в рамках политизации межнациональных конфликтов. Если в период 2007 – 2013 гг. экспертное сообщество наблюдало попытки создания очагов противостояния коренного населения и мигрантов в регионах, населенных преимущественно этническими русскими, а в роли повода для начала конфронтации выступали эпизоды бытового характера либо резонансные преступления, то в настоящее

время локализация и генезис соответствующих угроз существенным образом изменились. Конфликты разжигаются преимущественно в национальных республиках РФ, в первую очередь – на Северном Кавказе. При этом объектом информационных атак выступают представители сопредельного региона либо другого коренного народа республики. В качестве повода для разжигания конфликтов используются территориальные споры и в целом вопрос о собственности на землю представителей конкретных этнических общин. При этом зачастую такого рода спорам придается сакрализованный характер за счет мемориализации того или иного географического объекта, придания ему роли символа, значимого для поддержания и воспроизводства национальной идентичности.

Конфликты, порожденные планами реформирования общественных пространств, также нельзя назвать новым явлением. Однако в последние годы в рамках соответствующей протестной активности наметился новый тренд: усилия протестных кругов концентрируются на противодействии конкретным акторам, в первую очередь – Русской православной церкви. Очевидно, что за счет этого представители оппозиционных структур аккумулируют вокруг себя граждан, недовольных тесным сотрудничеством государства и РПЦ и выступающих за политику максимального обмирщения общественного сознания. Развитие этой тенденции способствует поляризации как локальных сообществ, так и широких слоев населения в целом, причем в итоге происходит подмена предмета конфликта. Дискуссия относительно выбора места застройки переключается на обсуждение роли православной церкви в жизни российского общества, формата его взаимодействия с государством и крупным бизнесом, а также системы защиты прав верующих, что способствует росту интенсивности конфликта. В качестве примеров очагов политической нестабильности данного типа можно привести имевшие место конфликты вокруг строительства храмов на месте парков и скверов в Екатеринбурге,

Красноярске, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Ульяновске, Челябинске в 2019 г.¹⁹⁹

Соответственно, мы наблюдаем значимое расширение числа политических и неполитических поводов для возникновения очагов нестабильности. Последнее предполагает рост сложности процесса модерирования повестки и, как результат, возникновения потребности в усложнении механизмов управления политическим процессом, усиления его институциональной базы и сокращения элементов «ручного управления». В отсутствие процесса адаптации структур управления к новым вызовам вероятность роста числа «зон нестабильности» будет увеличиваться.

2.3. Технологии конфликтной мобилизации и их роль в организации и координации массовых протестов

В основе технологии конфликтной мобилизации лежит прежде всего формирование инфраструктуры протеста.

Организаторам конфликта необходимо сформировать благоприятную среду для распространения в масс-медиа соответствующего контента.

Если речь идет о локальных акциях, с этой целью налаживаются контакты с местными блогерами и администраторами популярных пабликов в соцсетях, освещающих (в рамках широкого контекста) ситуацию на данной территории (в качестве примера можно привести типовые сообщества в соцсети ВК «Подслушано в...», «Это ..., детка» и т.д.). В мессенджерах заблаговременно создаются общие беседы для обсуждения актуальной проблематики локального характера, интересующей широкие слои населения. Первоначально в рамках соответствующих ресурсов не обсуждаются политические вопросы либо конфликтные поводы, что позволяет постепенно расширить их аудиторию. При этом обсуждаемая повестка должна вызывать

---

¹⁹⁹ Стоп-храм. Где кроме Екатеринбурга протестуют против строительства церквей? <https://www.bbc.com/russian/features-48355231>

интерес у потенциально значимых сегментов целевой аудитории. Например, если организаторы планируют впоследствии распространять через беседу в мессенджере информацию относительно якобы имевшего место отравления учащихся начальных классов «свалочным газом», им необходимо предложить к обсуждению повестку, интересную для родителей школьников²⁰⁰.

Аналогичным образом формируются сообщества в социальных сетях, в том числе – за счет покупки или создания киберсимулякров – бот-аккаунтов (обладающие большими ресурсами или соответствующими контактами политические структуры могут позволить себе использование нейросети). Для ботов заранее разрабатывается набор разнообразных речевых модулей. В рамках инструктажа людям-операторам разъясняется необходимость модернизации соответствующих клишированных оборотов с целью маскировки использования технологии. Важно отметить, что боты в рамках данной схемы должны не только продвигать точку зрения организаторов конфликта и маргинализировать позицию властей, но и косвенно дискредитировать последних в рамках операции «ложного флага». Последнее подразумевает, что оператор бот-аккаунта или соответствующий машинный алгоритм должен выступать с высказываниями от лица лоялистской аудитории, дискредитирующими представителей последней и/или провоцирующими рост агрессии со стороны протестно настроенных граждан²⁰¹.

В случае крупных политических акций в мегаполисах или мероприятий межрегионального уровня публикации в пабликах локального уровня

---

²⁰⁰ Станчик С.С. Роль Интернета в современных переворотах // Национальная безопасность. 2012. № 5. С. 69; Костина Е.М. Государственное регулирование системы массовой коммуникации как способ обеспечения политической стабильности в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2016. № 14. С. 97.

²⁰¹ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. С. 71; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 25.

используются как инфоповод для подготовки материалов, предназначенных для публикации в оппозиционных или условно нейтральных электронных массмедиа (включая традиционные СМИ, как российские, так и зарубежные)²⁰².

Отдельно следует отметить необходимость предварительной информационной подготовки целевой аудитории организаторов конфликта. Последняя в первую очередь обеспечивает решение задач, связанных с формированием и закреплением у населения определенных стереотипов и ожиданий относительно акторов будущего конфликта. Наиболее ярким примером в данном случае может служить дегуманизация образа правоохранителей и в целом представителей государственной власти. Также большую роль играет агрегация и публикация созданных в предшествующий период медиаматериалов, позволяющих подорвать авторитет, расширить и закрепить антиобраз потенциального противника²⁰³. Примером этого может служить распространение на Интернет-ресурсах подборок видеоматериалов, акцентирующих внимание на недостатках того или иного политика. Существенное внимание также уделяется дискредитации потенциальных оппонентов в информационном пространстве в лице официальных СМИ²⁰⁴.

Далее выделяются факторы, порождающие и поддерживающие высокий уровень социального недовольства внутри целевой аудитории. Специфика потребления медиаконтента и репрезентации политической и социальной позиции протестно настроенных граждан в России позволяет в данном случае ограничиться изучением Интернет-контента²⁰⁵.

---

²⁰² Бондарев Н.С. Использование социальных сетей в политическом процессе общественно-политическими движениями в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 25.

²⁰³ Карякин В.В. Социально-политические и этно-конфессиональные угрозы общественной безопасности современной России // Международные отношения. 2014. № 2. С. 215.

²⁰⁴ Шульц Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М., 2018. С. 25.

²⁰⁵ Зубова О.Г. Особенности протеста в современной политической культуре России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 57.

В структуре проблемной повестки выделяются инфоповоды, вокруг которых может быть сформирован либо образ фантомной угрозы, имеющей витальный (предполагающий риск лишения жизни или здоровья) характер и направленной в том числе против особо опекаемых обществом категорий населения в лице женщин, детей и пожилых граждан (в лице, например, этнической преступности, массового отравления и т.д.), либо эффект относительной депривации, связанный с расхождением позитивных ожиданий граждан и реальным сценарием развития событий (в результате отказа регистрации кандидата на выборах, отказом политика от данных ранее обещаний не прибегать к конкретным непопулярным мерам в рамках реализации социальной политики и т.д.)²⁰⁶.

Выявленные «болевы́е точки» в структуре общественно-политической повестки используются в качестве «точки сборки» гражданских активистов, способных выступить в качестве дополнительной организационной основы в рамках генерации конфликта и управления им. При этом предпочтение отдается кадрам, способным обеспечить доступ к информационным ресурсам, обладающих авторитетом и узнаваемостью внутри целевой аудитории либо имеющих опыт организационной работы²⁰⁷.

Далее организаторы обращаются к использованию алгоритма формирования поражающего информационного материала. Он включает в себя следующие элементы:

- определение территориальных границ психологической операции (регион, район, населенный пункт);
- выявление целевой аудитории, максимально активной в информационном плане. Речь идет о представителях структурированных сообществ, обладающих собственной системой коммуникации - чатами в мессенджерах, активными сообществами в социальных сетях. В качестве

---

²⁰⁶ Бухнер А.А., Карпова Т.П. Специфика протеста в политической культуре современной России // Экономические, гуманитарные и правовые исследования. 2013. № 1 (1). С. 155.

²⁰⁷ Кирюхина Е.Ю. Эволюция молодежного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14). С. 38-45.

наглядного примера в данном случае можно привести объединения родителей школьников, владельцев домашних животных, зоозащитников и т.д.;

- установление генеральной ценности для целевой аудитории (в этом качестве могут выступать безопасность детей, комфортное сосуществование домашних животных и т.д.);

- разработка целевого сообщения, атакующего генеральную ценность целевой аудитории в формате новостей или слухов (например, в виде утверждений о том, что в городе появился маньяк-педофил, сотрудники полиции с особой жестокостью убивают бездомных собак и т.д.). Генерация целевого сообщения реализуется в рамках двух сценариев – позиционирования прямой угрозы генеральной ценности либо канализации связанного с ней негатива в адрес социальной группы, обладающей отрицательным имиджевым бэкграундом (сотрудников полиции, трудовых мигрантов, чиновников и т.д.);

- обеспечения информационного доминирования целевого сообщения за счет дискредитации референтных источников²⁰⁸.

Алгоритм создания материалов, подтверждающих наличие событий, угрожающих объектам воздействия, включает в себя следующие этапы:

- оценка территориальной и отраслевой специфики;
- использование представителей «сакральных профессий», пользующихся авторитетом и доверием внутри целевой аудитории;
- функционально-организационная подмена (использование ложной символики, имитирующей либо полностью копирующей атрибутику реально существующих структур);

---

²⁰⁸ Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 57; Гаврилов С.Д. Публичное пространство протеста в современной российской политике: проблемы и противоречия // Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием. 2019. С. 15; Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 195.

- фиксации события (в таких формах, как съемка со стороны свидетелей, голосовые или текстовые комментарии свидетелей, опубликованные СМИ и т.д.).

Алгоритм технологии формирования и модерации информационного доминирования в контексте решения задачи по дискредитации рефератных источников атакуемой целевой аудитории содержит следующие этапы:

- определение целевой аудитории, ее генеральной ценности и атакующего целевого сообщения,

- создание условий, при которых целевое сообщение, атакующее генеральную ценность целевой аудитории в формате новостей содержит событийный компонент, подтверждающий факт сокрытия критически важной информации (связанной с угрозой генеральной ценности) от целевой аудитории. Например, в школы от анонимного источника поступают отрезанные свиные головы с угрозами по отношению к детям. Головы фотографируются до их рассылки организаторами информационной атаки;

- демонстрация факта сокрытия информации (так, организаторы могут отправить фотографии с отрезанными свиными головами в родительские чаты с упоминанием того, что школьная администрация якобы скрывает угрозу для детей);

- формирование нового событийного контекста через воздействие на целевую аудиторию серией новостей, атакующих ее генеральную ценность²⁰⁹.

Алгоритм реализации технологии протестной мобилизации через использование метода трехуровневого повышения радикальности целевого сообщения (отдельными инфоповодами) включает в себя:

---

²⁰⁹ Гаврилов С.Д., Морозов С.И. Стратегии коммуникации в публичном политическом пространстве России: от интеграции до протеста // Право и политика. 2021. № 2. С. 29; Дмитриев С.С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 21; Дубровский Г.Д. Протестные события 2019 г. в Москве: анализ политических технологий // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. Материалы международной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2020. С. 733.

- создание угрозы наступления негативных последствий (вброс информации о том, что в городе появился маньяк);

- сообщение о частичном наступлении негативных последствий (публикация сообщений о том, что маньяк преследует детей на территории города);

- наступление негативных последствий в полном объеме (упоминание об убийстве ребенка маньяком)²¹⁰.

После формирования повестки будущего конфликта, создания системы коммуникации с целевой аудиторией и запуска поражающего информационного материала в большинстве случаев осуществляется распространение агитационно-пропагандистских материалов, в том числе – в оффлайн формате. Макеты АПМ изготавливаются заблаговременно. Помимо форм листовок и стикеров, широко используются визуальные фильтры («маски») в социальных сетях и мессенджерах, проецирующие изображение соответствующей символики на лицо пользователя в момент фото- и видеосъемки. Также среди потенциальных сторонников распространяются стикеры для размещения на основной фотографии в аккаунтах в социальных сетях (либо ссылки на программу-бот, позволяющую провести эту операцию в автоматическом режиме). Распространение оффлайн-АПМ зачастую осуществляется в ночное время. В качестве мест размещения агитационных материалов используются как традиционные площадки (информационные стенды, доски объявлений), так и любые вертикальные поверхности в местах общего пользования (стенки почтовых ящиков, лифтов и т.д.)²¹¹.

---

²¹⁰ Паничкина Е.В. Протесты в социально-политическом пространстве региона (на примере Кемеровской области) // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 6А. С. 55; Соколова А.О., Смирнов Р.О. Медиатизация политических конфликтов на примере московских протестов 2019 г. // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира. Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. СПб., 2019. С. 347; Соколов В.А., Загребин В.В. Социальный протест в контексте российского региона (на материалах Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 2 (18). С. 148.

²¹¹ Касович А.А. К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1 (29). С. 44.

Одновременно через соцсети и организуются рекрутирование автоволонтеров, готовых бесплатно перевозить участников акции, и набор бытовых предметов первой необходимости для протестующих (к их числу относятся переносные зарядные устройства для смартфонов, одежда, зонты, термосы, еда и питье – вода и безалкогольные энергетики). Параллельно организаторы распространяют среди целевой аудитории инструкции относительно правил поведения на акции, выбора локации (в этом качестве чаще всего советуют выбирать возвышенности), формата общения спикеров с аудиторией («свободный микрофон» на 30 секунд любому желающему после выступлений организаторов) действий в случае задержания или в момент появления условного «провокатора», в период нахождения на территории учреждения полиции и при составлении протокола²¹².

Распространение инструкций и наставлений само по себе служит инструментом мобилизации сторонников. Давая четкие представления об алгоритме действий и механизмах защиты, оно способствует снижению уровня страха и нивелирует чувство неопределенности. Помимо того, участникам акций рекомендуется непосредственно в ходе мероприятия доносить до случайных прохожих информацию о происходящем и привлекать их к соответствующим процессам²¹³.

Обращение к актуальному инфоповоду позволяет в короткие сроки мотивировать население и обеспечить мобилизацию для участия в протестных акциях большого числа сторонников. После этого происходит расширение как самой протестной повестки (за счет обращения к прочим раздражающим факторам), так и круга лиц, обозначаемых организаторами конфликта в качестве «врагов». Примером в данном случае может быть переход от критики компании, выступающей в качестве оператора полигона твердых

---

²¹² Магруппова З.М., Кубко В.В. Роль прогнозирования в предупреждении и управлении социально-трудовыми протестами // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 3. С. 96-100.

²¹³ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 7.

коммунальных отходов, к претензиям в адрес мэра и губернатора, позиционируемых в качестве покровителей соответствующего бизнеса. В ходе «мусорных протестов» в Волоколамске в 2018 г. требования протестующих изначально носили сугубо локальный характер, а претензии направлены исключительно против муниципальных чиновников. Однако впоследствии организаторы экологических митингов начали выдвигать требования отставки губернатора Московской области А.Ю. Воробьева, параллельно начав информационные атаки на гендиректора корпорации «Ростех» С.В. Чемезова, владельца компании Volga Group Г.Н. Тимченко, сына генпрокурора РФ И.Ю. Чайки и вице-мэра Москвы П.П. Бирюкова²¹⁴.

Все это позволяет организаторам конфликта персонализировать первоисточник возмущения и канализировать агрессию масс в необходимом направлении. Как правило, расширение круга объектов информационной атаки обеспечивается за счет применения тактики понятийной категоризации (реальные практики поведения субъекта сопоставляются с идеальной моделью). Активно применяется и тактика образной категоризации: поводы для недовольства артикулируются посредством конкретных образов, обладающих насыщенным эмоциональным содержанием (например, путем сопоставления размера прибавки к пенсии участницы митинга и стоимости предмета одежды конкретного чиновника или члена его семьи). Использование соответствующих методов открывает широкий спектр возможностей с точки зрения экспликации в нарратив элементов актуальной медиаповестки²¹⁵.

В качестве факультативного элемента обеспечения мотивации и эмоциональной мобилизации рядовых участников конфликта, как правило, используется публичный отказ от социально одобряемого дискурса (в том

---

²¹⁴ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 7,8.

²¹⁵ Косов Г.В. Разрушение консенсуса между обществом и властью как триггер социальных протестов в современной России (кейс Ставропольского края) // Кавказский диалог. Материалы X международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2019. С. 172.

числе – за счет использования стилистически сниженной и эмоционально окрашенной лексики.), позволяющий деконструировать существующую в обществе «спираль молчания» и сформировать у участников акции представление о том, что декларируемая ими точка зрения в реальности якобы не является маргинальной, а разделяется широкими массами населения. Одновременно широко используется дискурс ложной альтернативы, в рамках которого тактике действий, предложенной организаторами конфликта, противопоставляется лишь априори неприемлемый вариант выбора²¹⁶.

Большую роль играет также убеждение потенциальных участников массовых действий в том, что их действия совершенно законны, и даже их задержание не повлечет за собой негативных последствий (либо в силу якобы откровенно неправового характера действий правоохранителей, либо благодаря поддержке адвокатов, предоставленных организаторами, либо за счет обращения в ЕСПЧ)²¹⁷.

Как правило, в рамках мобилизации участников конфликта его организаторы используют дискурс солидарности, привлекая к своим акциям максимально широкий круг лиц, включая идейных противников²¹⁸.

Значимым фактором повышения мобилизации протестно настроенных граждан может стать появление на акции (либо один лишь его анонс) медийной личности из числа политиков и деятелей культуры. Так, высокая численность участников акции протеста оппозиции в Москве, прошедшей 10 августа 2019 г., была в значительной степени обеспечена присутствием таких спикеров, как М.Я. Федоров (Oxxxumiron), А. Креслина и Н. Костылев (дуэт IC3PEAK), И.Т. Дремин (Face), Д.А. Поперечный, М.С. Покровский (солист группы «Ногу свело»), Ю.А. Дудь и Л.Г. Парфенов²¹⁹.

---

²¹⁶ Касович А.А. Административно-правовые методы управления политическим протестом в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 27-31.

²¹⁷ Макаренко К.М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 12.

²¹⁸ Там же. С. 15.

²¹⁹ Безрукова Е.Ю. Социально-политический протест в России или "почему люди не бунтуют?" // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 59.

В качестве факультативного инструмента мобилизации целевой аудитории организаторы конфликта могут быть использованы массовые развлекательные мероприятия, проводимые властями параллельно с акциями протеста. Соответствующий инфоповод может позиционироваться как признак «страха властей» либо пренебрежения с их стороны в отношении представителей оппозиции, что зачастую приводит к росту уровня мотивации целевой аудитории организаторов конфликта принять участие в массовых выступлениях. Одновременно наличие «фонового» развлекательного мероприятия позволяет провести первичную организацию сторонников в рамках организации информационной атаки на участвующих в концерте или фестивале деятелей культуры²²⁰.

Так 10 августа 2019 г. в Москве, параллельно с акцией протеста оппозиции, должен был пройти бесплатный музыкальный фестиваль Meat&Beat с участием большого количества известных исполнителей. Противники действующей власти усмотрели в этом попытку саботировать их акцию (либо это было использовано лишь как предлог для отработки совместной активности и консолидации сторонников). В ответ был запущен флешмоб «#ДокажиЧтоНеВсеРавно». Его участникам был предложен список аккаунтов музыкантов, участвующих в фестивале. В соответствии с замыслом организаторов, они направили исполнителям сообщения с призывами отказаться от выступления на фестивале, угрожая в случае отказа бойкотировать выпускаемую ими продукцию. В результате 2-е из 10 вошедших в перечень музыкантов отказались от участия в концерте по причине преследования в соцсетях.

Такого рода «кампании гражданской солидарности» также используются организаторами конфликтов как средство поддержания мобилизации сторонников между основными этапами длительных протестных акций. Например, в период протестов лета 2019 г., проходивших на фоне

---

²²⁰ Кампания гражданской солидарности против «Флай-авто» (бренд «Просто Прокат»). <https://t.me/mskmit/7186>

выборов в Мосгордуму, был запущен проект «Институт Репутации», участникам которого было предложено выставлять в информационных системах низкие оценки компаниям, подавшим иски относительно компенсации упущенной прибыли по отношению к организаторам несанкционированных протестов (в частности, в число объектов информационной атаки были выбраны универмаг «Марьинский», фирма «Флай-авто» и «М.Такси Коммуникации», а также ресторан «Армения»)²²¹.

В качестве рамках обеспечения мобилизации участников организаторы конфликта большое внимание уделяют формированию у целевой аудитории представления о том, что продвигаемая ими точка зрения не является маргинальной и разделяется широкими слоями общества. Последнее позволяет создать позитивное представление о перспективах развития конфликта, что подталкивает сторонников соответствующей позиции канализировать свое недовольство в оффлайн-формате.

В качестве примера «обеспечивающих мероприятий» данного плана можно привести создание альбома «Символ протеста» конгломератом оппозиционных групп. В рамках данного проекта любой желающий может при помощи бота разместить свое фото на акции протеста или с каким-либо АПМ (при необходимости скрыв лица или особые приметы)²²².

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что организаторы конфликтов уделяют пристальное внимание обеспечению высокого уровня мобилизации актива своих сторонников, формирующих ядро проведения любой массовой акции. Как правило, с этой целью в интервалах между крупными акциями проводятся малоформатные выступления, не предполагающие привлечения значительного числа участников. Примером мероприятий такого рода могут служить «метропикеты», одиночные акции в поддержку «политзаключенных», «народные гуляния» либо «кормление голубей», размещение ростовых фигур из картона, изображающих «жертв

---

²²¹ Косов Г.В. Указ. соч. С. 174.

²²² Символ протеста. <https://simvolprotesta.ru/>

режима». При этом в качестве места проведения таких акций, как правило, выбираются либо крупные узлы системы общественного транспорта, либо места пребывания представителей высшего политического руководства, либо площади вблизи зданий судов в дни заседаний по наиболее резонансным политическим делам²²³.

Огромное значение в рамках мобилизации масс имеет создание артефактов протестной культуры – музыкальных произведений, листовок, спикеров, графических надписей, брендированных элементов одежды и аксессуаров. С одной стороны, их наличие позволяет консолидировать массу участников конфликта изнутри и создать видимость массового движения извне («правильную и красивую картинку для телевидения»). С другой стороны, артефакты облегчают запоминание ключевых требований в повестке движения и облегчают организацию совместных действий (скандирования и т.д.). Особенную значимость при этом обретают музыкальные произведения, формирующие эмоционально насыщенную символику протеста и буквально задающие ритм в рамках совместных действий участников (что превращает их в массу и за счет этого ослабляет степень рационального восприятия, происходящего). В качестве музыкального ресурса мобилизации участников конфликта может использоваться уже хорошо известное произведение массовой культуры (например, песня группы «Кино» «Перемен требуют наши сердца» или произведение группы ДДТ «Ты не один»), «созданное по горячим следам» произведение узнаваемого исполнителя (песня «Пусть они умрут/про космонавтов» рэпера Noize MC) или результат анонимного «народного творчества» (цикл песен, посвященных С.И. Фургалу)²²⁴.

---

²²³ Безрукова Е.Ю. Указ. соч. С. 61.

²²⁴ Смотреть всем! Эта песня заставит Вас плакать! Клип - Сергей Фургал! Хабаровск сегодня \ Хабаровск. <https://www.youtube.com/watch?v=y7YT6r2U22I>; Народный гимн в поддержку Сергея Фургала. <https://www.youtube.com/watch?v=INdA-9zQvKI>; Я/Мы Сергей Фургал - народная песня народному губернатору. <https://www.youtube.com/watch?v=AKk1Sd-xwXQ>; Noize MC - Пусть они умрут (03.08.2019) | Леха | Про космонавта. <https://www.youtube.com/watch?v=INyQv8tfZNE>; Хабаровск, Ты не один! <https://www.youtube.com/watch?v=lzCrU8ymzB0>.

В целом можно отметить, что развитие технологий конфликтной мобилизации обуславливалось расширением масштабов использования социальных медиа и усложнением функционала, доступного их пользователям. Фиксируется осязаемый рост значимости таких ресурсов, как сети гражданских активистов и волонтеров. Совершенствуется и унифицируется алгоритм проведения массовых акций, расширяются масштабы использования «зонтичных» политических брендов. Наблюдается рост вовлеченности в социально-политические конфликты спикеров из числа селебрити, в том числе – за счет создания механизмов принуждения последних к декларации политического участия посредством социальных медиа. Одновременно все шире используется в качестве инструмента повышения мотивации и мобилизации масс деконструкция спирали молчания.

2.4. Технологии разжигания межнациональной, межконфессиональной розни

Технология разжигания межнациональной или межконфессиональной розни носит многовариативный характер. Чаще всего применяется алгоритм, используемый для разжигания локальных конфликтов межэтнического или религиозного характера. В этом случае конструирование образа фантомной угрозы, выступающего в качестве базового инструмента манипуляции общественным мнением, основывается, как правило, на распространении в массмедиа (первоначально – на площадках соцсетей и мессенджеров, затем – в традиционных СМИ) информации о бытовом преступлении, в рамках которого в качестве жертвы выступил представитель этноса или конфессии, формирующего большинство населения на данной территории, а в качестве жертвы – член иного религиозного или национального сообщества. Как правило, речь идет о представителе социальной корпорации, в отношении

которой ранее среди большинства местных жителей уже были распространены негативные стереотипы²²⁵.

Одним из ключевых ресурсов разжигания межнациональных конфликтов подобного типа служит обозначение в числе жертв агрессии условных «иных» представителей особо опекаемых обществом категорий населения (детей, женщин, стариков), сопровождаемая обращением к мужской части населения. Отказ от жесткой реакции в данном случае воспринимается как отказ его представителей от собственной мужественности, т.е. символическая кастрация, что закономерно провоцирует сверхагрессивную реакцию²²⁶.

Чаще всего сам инфоповод, либо комментарии к нему сопровождаются упоминанием сходных эпизодов или иных примеров аномийного поведения со стороны представителей «обвиняемого меньшинства», что позволяет придать произошедшему характер частного проявления системной агрессии «чужих» в отношении автохтонного населения. Последнее позволяет экстраполировать образ жертвы с конкретного человека на всю социальную корпорацию, поставив ее представителей перед ложной альтернативой: ответить масштабной агрессией на новую угрозу либо продемонстрировать «врагу» свою неспособность к самозащите.

Роль катализатора в данном случае могут сыграть попытки меньшинства оказать давление на распространителей информации или самоорганизоваться в ожидании массовых беспорядков в рамках структур диаспоры либо организованных этнических преступных групп²²⁷.

В рамках создания образа врага в данном случае активно используется аудиовизуальный и текстовый контент, создаваемый представителями

---

²²⁵ Найденко В.Н. Этноконфликтность в контексте национальной безопасности России // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 155.

²²⁶ Найденко В.Н. Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 112.

²²⁷ Гриценко Г.Д. «Новые» конфликтогенные факторы напряженности в полиэтничном регионе: на материалах Интернет-СМИ // Медиачтения СКФУ Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев, Н.Н. Борисенко, Д.А. Шевцова. 2019. С. 162.

меньшинства «для внутреннего употребления» и подчеркивающий отличие культуры и поведенческих моделей данной корпорации от социокультурных алгоритмов и системы ценностей большинства. Значимым ресурсом для построения образа «опасного меньшинства» также служат материалы, связанные с демонстрацией гипермаскулинного (в том числе – «токсичного») поведения и престижного потребления со стороны его представителей²²⁸.

Динамику межнационального или межрелигиозного конфликта также можно усилить за счет публикации контента оскорбительного характера (не обязательно относящегося к данной локации или временному отрезку). Особенно популярны эпизоды публичного унижения или избиения представителей конкретной национальности, надругательства над этнической или религиозной символикой, демонстрации негативного отношения к смешанным бракам либо просто близких отношений между представителями конкретных народов или конфессии. Обеспечить рост агрессии также можно за счет стигматизации противоположной стороны путем публикации мнений экстремистов, выдаваемых за позицию всего сообщества, либо попыток выстраивания идентичности за счет конфликтной исторической символики. Например, элементы дискурса запрещенных в России террористических организаций могут выдаваться за нормы традиционного ислама, а для продвижения кавказофобии организаторы процесса способны использовать образ А.П. Ермолова и тему депортаций 1944 г.²²⁹

Значимым элементом большинства алгоритмов разжигания межэтнических конфликтов остается распространение фейковых новостей. В частности, конфликт между кабардинцами и балкарцами в ходе празднования 310-й годовщины Канжальской битвы в 2018 г. во многом возник благодаря

---

²²⁸ Найденко В.Н. Факторы этнонациональной конфликтности в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 709.

²²⁹ Абакаров Р.И., Авксентьев В.А., Адиев А.З. и др. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. Экспертный доклад. Научное монографическое издание. Под общей редакцией академика В.А. Тишкова. Пятигорск, 2018. С. 21.

заведомо ложному информационному вбросу. Согласно распространявшейся среди балкарцев информации, участники мероприятия якобы хотели использовать его как прикрытие для самозахвата земельных участков. Аналогичным образом усилить противостояние может усилить распространение сообщений о том, что представители одной из сторон ожидают помощи от «земляков», единоверцев или членов национальных либо религиозных объединений из другого города или региона. Стимулировать развитие конфликта может и появление новостей относительно угроз в адрес условных лидеров одной из сторон²³⁰.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о росте числа конфликтов между верующими и неверующими (примером противостояний данного типа служит борьба за выбор места строительства храма св. Екатерины в Екатеринбурге). В большинстве случаев поводом для их начала служит решение о строительстве православных храмов на территориях, относящихся к категории общественных пространств. Первоначально противодействие не подразумевает четкой дихотомии участников с точки зрения отношения к религии – противники возведения церквей используют преимущественно антикоррупционную риторику, апеллируют к отсутствию полноценного обсуждения соответствующих решений с местными сообществами и т.д. Однако затем происходит радикализация дискурса, сопровождаемая усилением дифференциации участников конфликта по признаку отношения к религии. С одной стороны, контент противников строительства храма дополняется материалами, пропагандирующими точку зрения воинствующих атеистов и зачастую напрямую направленных на оскорбление верующих (включая в том числе многих противников строительства храма конкретно в данной локации). С другой стороны, для нагнетания агрессии среди противников возведения культового сооружения используются

---

²³⁰ Абакаров Р.И., Авксентьев В.А., Адиев А.З. и др. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. 2019 г. Экспертный доклад. Научное монографическое издание. Ставрополь, 2019. С. 14.

непродуманные действия церковных структур и аффилированные с ними коммерческих организаций. В качестве примера в данном случае можно привести появление оградений и охраны на месте предполагаемого строительства, проведение массовых религиозных обрядов, призванное продемонстрировать численность сторонников строительства храма, публичная стигматизация противников соответствующего проекта со стороны священнослужителей. Как правило, в качестве стимула для развития конфликта используется публикация материалов, указывающих на факты престижного потребления со стороны высших представителей церковной иерархии в регионе, сопряженных с фактами экономической эксплуатации рядовых священников и прихожан. Также широко эксплуатируется тема взаимодействия церковного руководства с предпринимателями, в первую очередь – с представителями строительной отрасли²³¹.

В случае межконфессиональных и межнациональных конфликтов регионального и межрегионального уровня структура образа фантомной угрозы усложняется. Мотив защиты от вероятного бытового насилия и в целом противоправных действий со стороны «чужих» отходит на второй план. Поводы для начала конфликта увязываются с вопросами административно-территориального деления, в рамках которых символическое значение конкретных локаций как «земли предков» тесным образом переплетается с чисто экономическим фактором в виде опасений относительно того, что изменение границ повлечет за собой в дальнейшем и смену собственников. Последнее связано с нагнетанием страхов относительно того, что после перехода земель под юрисдикцию другого региона его власти могут начать проводить политику по смене этнического состава местного населения, оказывая покровительство представителям собственной «титупльной» нации. В

---

²³¹ Бахтигареева Э.Н. Взаимодействие органов публичной власти с общественностью в условиях конфликта: методологический анализ (case study на примере г. Екатеринбург) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12-1 (40). С. 22-29; Вепрева И.Т., Купина Н.А. «Скверная история»: аксиологическая реальность текущего времени в медийном освещении // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 4 (192). С. 6-14.

данном случае образ фантомной угрозы частично выстраивается на основе осознания целевой аудиторией специфики механизмов управления в ряде национальных республик, обуславливаемой наличием развитой системы неформальной родовой иерархии и достаточно высоким уровнем ксенофобии, в особенности – по отношению к представителям соседних этносов, отношения с которыми осложняет наличие неурегулированных конфликтов²³².

В ряде регионов ситуацию усугубляет местная природная специфика. В частности, на Северном Кавказе плодородная земля традиционно воспринимается как крайне дефицитный ресурс, наличие которого определяет выживание сообщества. В силу этого обстоятельства унаследованные земельные участки наделяются сакрализованным характером. Помимо того, несмотря на существование формальной частной собственности на землю, последняя зачастую неофициально рассматривается как объект коллективного владения крупного сообщества, основанного на кровнородственных связях. При этом поземельные отношения между соответствующими корпорациями регулируются зачастую на основе неформальных соглашений, достигнутых на локальном уровне.

Зачастую ситуацию усугубляет наличие (реальное или мнимое) у действий по перераспределению территории «силового прикрытия» в лице региональных подразделений правоохранительных органов: появление у участников процесса репрессивных инструментов воспринимается как демонстрация готовности применить их. Появление в числе участников конфликта подразделений силовых ведомств также формирует для его модераторов «окно возможностей» в плане создания «сакральной жертвы» либо перехвата символического контроля над правоохранителями. В случае регионов с преимущественно светским населением последняя задача может быть решена посредством классических технологий ненасильственной борьбы. Так, к силовикам можно направить группы женщин или детей,

---

²³² Цветкова О.В. Урегулирование территориальных споров на Северном Кавказе: правовая база и неформальные практики // Вестник Российской нации. 2019. № 2 (66). С. 97.

поставив перед ними задачу вручить правоохранителям цветы, обнять их и т.д. В регионах, для которых характерны преобладание определенной конфессии и широкие масштабы повседневного вовлечения жителей в культовые практики, формой «перевербовки» силовиков может стать коллективная молитва. Примером в данном случае может служить события в Ингушетии осенью 2018 г.²³³

Важным условием успешной реализации планов по разжиганию этнических конфликтов на региональном и межрегиональном уровнях служит формирование пула экспертов и лидеров общественного мнения, в начальной стадии конфликта выступающих с обоснованием «несправедливости» и «незаконности» действий противоположной стороны. Так, успех начального этапа протестов в Ингушетии был во многом обусловлен тем, что в поддержку позиции модераторов конфликта выступили эксперты-картографы, а также авторитетные представители духовенства и представители высших эшелонов властной иерархии внутри тейпов.

Наличие крупного пула экспертов, включающего в себя большое число узнаваемых и медийных лиц, позволяет организаторам конфликта в кратчайшие сроки реализовать одну из главных задач – позиционировать действующие власти региона как «предателей» либо агентов влияния противоположной стороны в рамках конфронтации. В качестве одного из наиболее эффективных приемов манипуляции сознанием целевой аудитории в данном случае служит выдвижение ложных обвинений в адрес властей от лица представителей государственного аппарата, напрямую участвовавших в принятии ставшего поводом для начала конфликта решения. В качестве примера в данном случае можно привести действия членов заксобрания Ингушетии в октябре 2018 г. В ходе голосования в региональном парламенте поддержали соглашение об обмене территориями с Чечней. Однако вскоре

---

²³³ Волнения в Магасе: полиция молится вместе с протестующими. <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/289619-volneniya-v-magase-politsiya-molitsya-vmeste-s-protestuyuschimi/>

после этого 5 депутатов заксобрания выступили на митинге, заявив, что 15 из 24 парламентариев якобы отказались ратифицировать соглашение²³⁴.

Демонизация официальных властей не только способствует росту уровня мобилизации протестующих, но и облегчает задачу легитимации органов управления, сформированных организаторами конфликта.

В последнем случае необходимо указать, что большую роль в организации межэтнических конфликтов играет формирование их участниками органов, фактически дублирующих функции официальных властей. В некоторых случаях структуры данного типа оперативно формируются на начальной стадии противостояния. Однако зачастую в этом качестве выступают уже существующие организации. Их влияние особенно велико, если речь идет об объединении, в рамках которого интегрируются представители неформальных, но сохраняющих актуальность систем организации этноса. Примером в данном случае могут служить кровнородственные кланы. Так, в ходе упомянутых протестов в Ингушетии движение против заключения с Чечней соглашения об обмене территориями возглавил Совет тейпов республики. Представители последнего не просто мобилизовывал участников митингов и координировал их действия. Совет тейпов также временно установил контроль над представителями силовых ведомств республики, при помощи их сотрудников заблокировав переброску в Ингушетию правоохранителей из других регионов. В частности, 4 октября 2018 г. сотрудники ОМОН МВД Ингушетии перекрыли трассу в районе с. Экажево, положив конец продвижению колонны своих коллег из иных регионов²³⁵.

Большую роль играет также организация взаимодействия с крупными национальными диаспорами – как внутри России, так и за ее пределами. В

---

²³⁴ Депутаты сообщили о срыве голосования за изменение границ Ингушетии. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/326211/>

²³⁵ Волнения в Магасе: полиция молится вместе с протестующими. <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/289619-volneniya-v-magase-politsiya-molitsya-vmeste-s-protestuyuschimi/>

случае конфликта в Ингушетии протестующие сумели опереться на помощь со стороны московского «землячества» и диаспор из государств СНГ. В том числе была предпринята попытка скоординировать взаимодействие общин посредством организации Всемирном конгрессе ингушского народа²³⁶.

Значимым инструментом обеспечения конфликтной мобилизации остаются провокации в отношении противоположной стороны. Организаторы конфликта своими действиями провоцируют противоположную сторону на действия, которые в общественном сознании легко позиционировать как агрессивные по отношению к лидерам протеста, после чего в рамках защиты последних происходит сбор сторонников и их психологическая подготовка к возможности открытого столкновения. Последнего, как правило, не происходит, что, с одной стороны, подкрепляет готовность участников событий к повторной мобилизации, а с другой, легко позиционируется как символическая победа в рамках конфронтации (путем продвижения тезиса о том, что противник якобы побоялся применить силу). В рамках данной технологии в Ингушетии были отработаны такие инфоповоды, как визиты Р. Кадырова и председателя парламента Чеченской республики М. Даудова к ингушским старейшинам М. Нальгиеву и А. Барахоеву, а также бывшему главе республиканского МВД А. Погорову (последние допустили ряд публичных высказываний оскорбительного характера в адрес главы соседней республики, которые тот не мог проигнорировать по ряду причин). Упомянутые эпизоды «отрабатывались» в рамках единого сценария: после прибытия представителей чеченской стороны на место встречи в соответствующую локацию оперативно перебрасывались сотни противников передачи земель²³⁷.

---

²³⁶ Аствацатурова М.А. Этнополитические записки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47). С. 1435.

²³⁷ Джабраилов Ю.Д., Мусаева Э.Ш. Этнотерриториальные конфликты на Северном Кавказе или традиционное право и кризис власти // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 3 (106). С. 43.

Провокация может носить и менее очевидный характер. Так, организаторы конфликта могут разместить в социальных медиа ряд обращений от лица активистов. Формально они будут содержать в себе состав преступления, однако с точки зрения обывателя их содержание будет интерпретироваться как «безобидное» (в том числе – в силу широких масштабов распространения правового нигилизма в обществе). В результате ответные репрессивные действия силовиков будут позиционироваться как необоснованные, что поспособствует росту мотивации и мобилизации участников конфликта. В качестве примера в данном случае можно привести обыски у председателя Координационного совета молодежных организаций Ингушетии Б. Хаутиева, главы организации «Выбор Ингушетии» И. Нальгиева, руководителя регионального отделения партии «Яблоко» Р. Муцольгова и гражданского активиста Х. Кадиева. Поводом для их проведения стала публикация видеобращения руководителя «Европейской ассоциации ингушей» И. Льянова.²³⁸

Как итог, мы можем отметить рост масштабов межэтнических и межконфессиональных конфликтов, их переход на региональный и межрегиональный уровни. Одновременно фиксируется рост вероятности возникновения публичной массовой конфронтации между верующими и неверующими. Последнее сопровождается сменой поводов для возникновения столкновения. Если ранее всего в этом качестве выступали бытовые конфликты, то в настоящее время все чаще предложения для начала противостояния становятся демаркация административных границ, споры относительно права собственности на землю и иные ценные активы. В урегулировании конфронтации активное участие принимают внутрироссийские и зарубежные диаспоры. Растет уровень вовлеченности в конфликты данного плана местных элит, зачастую выступающих в качестве оппонентов региональных властей. Последнее способствует развитию такой практики, как формирование альтернативных центров власти, способных

---

²³⁸ Там же.

эпизодически перехватывать контроль над частью административного и силового аппарата.

2.5. Технологии политизации социальных и экологических протестов в Российской Федерации

Алгоритм политизации социальных и экологических конфликтов выстраивается в рамках логики постепенного расширения круга сторон, позиционируемых протестующими в качестве виновников его возникновения²³⁹.

На первых этапах в качестве противоположной стороны конфронтации обозначаются стигматизируемые представители крупного или среднего бизнеса («мусорная мафия», «олигархи») и представители местных властей, позиционируемые в качестве негласных партнеров соответствующих коммерческих структур. Например, в ходе протестов против разработки шихана Куштау в этом качестве выступили власти Архангельского муниципального района и представители «Башкирской содовой компании». При этом в рамках информационной кампании происходит расстановка акцентов: средства от реализации вредных для местных сообществ проектов владельцы бизнеса будут использовать в рамках престижного потребления («им не хватает денег на их виллы и на благоустройство лазурного берега далекой Франции»), в то время как ущерб для территории намного превысит потенциальную пользу для ее жителей. Для этого, как правило, используются в качестве наглядных примеров образы муниципалитетов, уже столкнувшихся с обозначенными проблемами в полном объеме. Так, в рамках экологических протестов в Башкортостане летом 2020 г. их организаторы использовали в качестве негативного примера влияние Березняковского содового завода на экологию Пермского края, подчеркивая, что предприятие принадлежит ОАО

---

²³⁹Как люди отстояли гору Куштау / Редакция.
<https://www.youtube.com/watch?v=CnEq0dLW-uU>

«Башкирская химия», в структуру которого входит БСК. За счет этого противоположная сторона начинает восприниматься общественностью как внешняя сила паразитического характера²⁴⁰.

На данном этапе протестующими проводится «установочное» массовое мероприятие, после чего вблизи локации, выступающей в качестве предмета конфликта, создается постоянно действующий лагерь либо пункт контроля, на котором постоянно дежурит группа активистов (если речь идет о территории за пределами городского поселения). При этом участники протестов и сочувствующие им в рамках негласного наблюдения обмениваются между собой информацией о передвижениях правоохранителей и строительной техники. В случае активизации действий противоположной стороны (например, в виде мобилизации силового ресурса в лице сотрудников частных охранных предприятий) в лагерь оперативно пребывают как сочувствующие протестующим жители сопредельных территорий, так и лица, проживающие в более отдаленных муниципальных образованиях региона. В силу данного обстоятельства критически важное значение обретают такие факторы, как наличие персональных автотранспортных средств, уровень развития системы общественного транспорта, система взаимоотношений между владельцами автотранспортных предприятий и властями, качество сообщений по железной дороге и т.д.²⁴¹

В случае столкновения с сотрудниками ЧОП или мобилизованными бизнесом подразделениями силовой поддержки (например, из числа членов спортивных секций) протестующие используют создавшуюся ситуацию для создания образа жертв (телесные повреждения проходят фото- и видеофиксацию, подтверждаются справками из травмпунктов, составляются списки пострадавших), а также запускают кампанию деанонимизации своих противников в социальных сетях. Последнее может обернуться особенно

---

²⁴⁰ Победа под Куштау // Документальный фильм.
<https://www.youtube.com/watch?v=Co0J9ldtJBw>

²⁴¹ Протесты в Куштау. Новый Шиес? https://www.youtube.com/watch?v=WjgAv_vz5pQ

серьезным репутационным ущербом в случае, если противоположная сторона привлекает для участия в своих акциях представителей общественных организаций. Так, в ходе протестов вокруг шихана Куштау протестующие, пользуясь внешним сходством ряда своих противников с членами «Лиги молодежной политики» Башкортостана при правительстве и главе республики, сумели нанести серьезный имиджевый урон местной власти и руководству БСК²⁴².

Важно отметить, что организаторы протестов оперативно реагируют на публикуемые в СМИ сюжеты негативного характера, купируя попытки расширения своего антиобраза. Например, в ответ на попытки позиционирования «защитников Куштау» в качестве башкирских националистов, организаторы в кратчайшие сроки подготовили и разместили значительный объем контента, подтверждающего многонациональный состав протестующих²⁴³.

В социальных медиа может быть организован флешмоб, в рамках которого представители региональной или этнической диаспор в России и зарубежом выражают поддержку организаторам протестов. Его органичным дополнением может стать кампания одиночных пикетов. За счет этого протест из локального или регионального события обретает статус инфоповода национального либо международного (в случае подключения зарубежных НКО) масштаба. Информационной экспансии также может способствовать установление контактов с базирующимися в столице правозащитными организациями²⁴⁴.

Дополнительное внимание к очагу протестной активности способна обеспечить публичная демонстрация солидарности с участниками иных резонансных массовых акций. Например, в ходе митингов близ Куштау

---

²⁴² Куштау. Протесты 16 августа. <https://www.youtube.com/watch?v=A6UDuj4pnAI>

²⁴³ Спаси и сохрани Куштау. Как башкиры отстаивали свою землю // Репортаж Дождя. https://www.youtube.com/watch?v=KsOy7UU_ARg

²⁴⁴ Россия. Протесты Башкирии. Борьба за Куштау. Галкин. Расследование канала Дождь. Общая ситуация. <https://www.youtube.com/watch?v=QLdeXyvFEYA>

протестующие активно скандировали лозунги «Хабаровск, мы с тобой» и «Уфа, Башкирия, Шиес»²⁴⁵.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о работе с сетевыми лидерами общественного мнения. С одной стороны, размещаются адресные призывы к отдельным медийным личностям, в случае отказа дополняемые стигматизацией, способной негативно отразиться на их имидже. С другой стороны, производится агрегация публикаций селебрити регионального и федерального уровня в поддержку протестов. В частности, «защитники Куштау» широко растиражировали выступления в поддержку протестующих со стороны рэп-исполнителей Ивана Дремина (творческий псевдоним – Face, уроженец Уфы) и Алтыная Валитова, певиц Альбины Шамсутдиновой и Фирузы Париж, артистов Хасана Усманова и Сайта Билалова президента Федерации Воркаута РБ Роберта Давлетшина и вице-президента Федерации ММА РБ Загира Тулебаева²⁴⁶.

Организаторы протестов также активно используют в целях демонизации образа власти факты увольнения журналистов, выступающих в поддержку «активистов». В качестве примера в данном случае можно привести продвижение и позиционирование в рамках сюжета об увольнении главного редактора журнала «Акбузат» Т. Юлдашевой, поддержавшей протестующих на Куштау²⁴⁷.

После того, как несколько волн протеста привлекли достаточно большое количество рядовых участников и обеспечили внимание к происходящему со стороны СМИ, повестка протеста расширяется. Требования выдвигаются уже в адрес руководства региона и лично главы государства (как поясняется, с целью «привлечь внимание Кремля»). В дальнейшем отсутствие поддержки позиции протестующих региональным и федеральным руководством

---

²⁴⁵ Куштау. Кто боролся за него | ЧЕЛОВЕК НА КАРТЕ. <https://www.youtube.com/watch?v=wkQLqXS4qXw>

²⁴⁶ Шихан Куштау борьба защитников с БСК продолжается Часть 1 События 16.8.20г. <https://www.youtube.com/watch?v=lijvY5weeTU>

²⁴⁷ Протесты по поводу шихана Куштау. Руслан Валиев. Изолятор #88. https://www.youtube.com/watch?v=WTu_MzVZ1gU

используется как предлог для выдвижения претензий и обвинений в их адрес²⁴⁸.

Таким образом, технология процесса политизации социальных и экологических протестов выстраивается на основе выстраивания прочного ассоциативного ряда между коммерческими структурами, позиционируемыми в качестве виновников возникновения проблемы-первоисточника конфликта, и органами власти. Первоначально речь идет о символической аффиляции с представителями муниципальных структур, а после накопления высокого объема эмоционального негатива в процессе прямого противодействия оппонентом – о выдвижении обвинений в адрес федеральных властей. Достичь необходимого эмоционального состояния протестующих удастся за счет частых мобилизаций сторонников, формирования образа фантомной угрозы (в том числе – физической расправы), негативного эффекта от применения насилия представителями негосударственных структур, стигматизации противников и придерживающихся нейтральной позиции ЛОМов, а также формирования спирали молчания, в рамках которой позиция организаторов протестов обозначается как мнение большинства.

2.6. Особенности воздействия «фейк-ньюс» на сознание российских граждан

Обращаясь к заявленной теме, в первую очередь необходимо обратить внимание на наличие общественном сознании россиян достаточно широкого комплекса негативных представлений в отношении большинства институтов власти. Несмотря на высокую популярность отдельных представителей власти (В.В. Путина, С.К. Шойгу, С.В. Лаврова, ряда губернаторов и мэров, относящихся к числу политиков-харизматиков) и авторитет конкретных структур (в частности, армии), в целом государственный аппарат остается во

---

²⁴⁸Куштау: битва за гору | Неизвестная Россия.
<https://www.youtube.com/watch?v=1aohpj1FE20>

многим стигматизированным. По данным ВЦИОМ за август 2020 г., индекс одобрения Президента РФ достигал 34 пунктов, в то время как для федерального правительства данный показатель составлял 10 пунктов, в случае Совета Федерации – 9 пунктов. Индекс одобрения работы Государственной Думы и вовсе находился в отрицательной зоне (минус 5 пунктов)²⁴⁹.

Последнее представляется естественным следствием существования негативного опыта, накопленного в период 1990-х гг. Воспоминания о данном периоде, накладываясь на низкую эффективность работы информационных структур, призванных транслировать гражданам сведения о деятельности представителей власти, способствуют воспроизводству и укоренению негативных представлений о системе государственного управления. Данную тенденцию укрепляют низкий уровень медиаграмотности многих чиновников и дефекты кадровой политики в рамках системы их рекрутирования. В качестве наглядного подтверждения данного тезиса можно привести необдуманные высказывания ряда высокопоставленных чиновников (министра труда и занятости Саратовской области Н. Соколовой, министра образования и науки Республики Татарстан Р. Бурганова, министра социально-демографической и семейной политики Самарской области М. Антимоновой и т.д.), породившие широкий общественный резонанс.

Последнее способствует формированию у широких слоев населения специфической черты политического восприятия: негативные сообщения в адрес власти, выстроенные на основе приписывания ее представителям априори непопулярных или противоправных действий, рассматриваются как информация, обладающая, вероятно, высокой степенью достоверности. В период роста социальной и политической напряженности либо во время паники, связанной с санитарно-эпидемиологической ситуацией, эти настроения зачастую усиливаются благодаря распространению паники.

---

²⁴⁹ Деятельность государственных институтов.
https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/

Пользуясь этим, распространители фейков организуют вбросы информации, при объективном рассмотрении представляющейся откровенно абсурдной.

Так, в период пандемии коронавируса в соцмедиа и традиционных СМИ распространялась информация о том, что власти якобы ввели штрафы за шутки о заболевании и пребывание несовершеннолетних на улице. Равным образом россиян пытались убедить в том, что власти намерены при помощи вертолетов, развезть над жилыми массивами, по одной версии – средство для дезинфекции, по другой – непосредственно «коронавирус». Во время экологических протестов в Волоколамске аудиторию СМИ пытались убедить в том, что в отношении 10-летней девочки, позволившей себе угрожающий жест в адрес губернатора, завели уголовное дело по 2-м статьям УК РФ (по другой версии, СК РФ якобы начал преследование ее родителей)²⁵⁰.

Опасность распространения слухов такого рода не стоит недооценивать. Зачастую они напрямую направлены на саботирование действий властей или разжигание конфликтов внутри общества. Например, в период эпидемии COVID-19 на северном Кавказе активно распространялся фейк, авторы которого убеждали своих жертв в необходимости отказываться от тестирования на коронавирус. Согласно их заявлениям, в процессе тестирования медики якобы целенаправленно указывали ложный положительный результат, используя это как предлог для применения «смертельной вакцины». Равным образом широкое распространение получили фейки о преступниках в костюмах противэпидемиологической защиты, грабящих квартиры при помощи «усыпляющего газа». Следствием этого стало возникновение прямой угрозы для жизни и здоровья медиков²⁵¹.

---

²⁵⁰ СК не возбуждал дела против девочки из Волоколамска, "угрожавшей" губернатору. <https://tass.ru/proisshestviya/5065878>; Штрафы за нахождение несовершеннолетних на улице <https://coronafake.ru/fakes/shtrafy-za-nahozhdenie-nesovershennoletnix-na-ulice>; Распыление с вертолетов отравляющих веществ. <https://coronafake.ru/fakes/raspylenie-s-vertoletov-otravyayushhix-veshhestv>; Штраф за шутки про коронавирус. <https://coronafake.ru/fakes/shtraf-za-shutki-pro-koronavirus>

²⁵¹ Неизвестные в защитных костюмах под предлогом проверки помещений обворовывают их. <https://coronafake.ru/fakes/neizvestnye-v-zashhitnyx-kostyumax-pod-predlogom-proverki>

В ряде случаев речь шла о провокациях, потенциально способных привести к возникновению либо реанимации локального вооруженного конфликта, либо массовых протестов. Так, 9 мая 2019 г. Совет тейпов ингушского народа распространил обращение, в котором утверждалось, что федеральный центр якобы требует от властей региона в кратчайшие сроки передать ее земли соседним регионам с целью «подготовить основания для ликвидации республики Ингушетия, что в конечном итоге должно привести к исчезновению ингушского народа»²⁵². Вскоре после трагедии в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово в 2018 г. в соцмедиа начала тиражироваться информация о том, что власти якобы скрывают истинное число жертв²⁵³.

При этом данные сообщения не нуждаются в подкреплении в виде отсылки на надежный первоисточник. Как правило, распространители фейков ссылаются на знакомых либо родственников в силовых структурах или иных государственных организациях. В ряде случаев они вовсе не указывают первоисточник. Характерным примером могут служить в данном отношении сообщения о неоправданно жестких действиях правоохранителей в ходе задержания участников протестов летом 2019 г. в Москве: многие из соответствующих видеороликов в реальности отображали эпизоды, произошедшие в другое время и в других регионах. Данный тип фейков также широко используется для дискредитации выборов.

Лишь относительно небольшое количество фейковых новостей создаются при помощи постановки. Так, во время протестов в Москве накануне выборов в Мосгордуму в 2019 г. телеканал «Дождь» начал распространять информацию о том, что член курганского отделения партии «Единая Россия» Наталья Тельминова якобы вышла из ее состава после того, как ее муж был незаконно задержан во время акции оппозиции в столице.

---

pomeshhenij-obvorovyvayut-ix; Смертельные прививки от коронавируса.
<https://coronafake.ru/fakes/smertelnye-privivki-ot-koronavirusa>

²⁵² В ЕСПЧ обжалован штраф за признанное фейком обращение Совета тейпов ингушского народа. <https://kasparov.kasparov.ru/material.php?id=5EF48F0C5F48B>

²⁵³ Семь главных фейков о «Зимней вишне» – обзор. <https://vashgorod.ru/news/104500>

Однако в итоге выяснилось, что женщина, давшая интервью журналистам, не являлась Натальей Тельминовой, которая на тот момент отсутствовала в Москве, как и ее супруг²⁵⁴.

Низкая степень критического восприятия негативной информации о действиях власти позволяет создателям и распространителям недостоверной информации использовать достаточно примитивные форматы фальсификации данных, не обращаясь к технологиям «дипфейк» (позволяющим, например, менять содержание речи политика в рамках видеозаписи или подделывать аудиодорожки с его заявлениями якобы в ходе частных бесед).

В большинстве случаев для создания фейков в России используется легкодоступный контент. Так, фотографии, выдаваемые за кадры съемок из ТЦ «Зимняя вишня», в реальности были взяты с пожара в ночном клубе «Хромая лошадь» в Перми. «Пакеты для трупов» в Кемерово оказались сфотографированной с определенного ракурса сдутой палаткой МЧС в разобранном виде. Снимок больного коронавирусом пациента, которому врачи якобы не могут оказать полноценную помощь, на самом деле оказался фотографией того, как медики проводят лечение оппозиционного политика В. Мальцева во время сердечного приступа в 2017 г.²⁵⁵ «Приказ Сергея Шойгу о введении в Москве комендантского часа» в период пандемии был создан путем совмещения скана верхней части реального документа и набранного в файле текста²⁵⁶.

В целом необходимо признать, что фейковые новости обладают достаточно высоким потенциалом воздействия на сознание россиян в силу низкого уровня медиаграмотности, сравнительно низкого доверия к властным

---

²⁵⁴ По следам «Белых касок»: сюжет про члена «ЕР» на митинге в Москве — фейк. <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/06/po-sledam-belyh-kasok-syuzhet-pro-chlena-er-na-mitinge-v-moskve-feyk>

²⁵⁵ Публикация фото известных людей под видом фотографий заболевших коронавирусом. <https://coronafake.ru/fakes/publikaciya-foto-izvestnyh-lyudej-pod-vidom-fotografij-zabolevshix-koronavirusom>; Семь главных фейков о “Зимней вишне” – обзор. <https://vashgorod.ru/news/104500>;

²⁵⁶ Приказ С. Шойгу о введении в Москве комендантского часа <https://coronafake.ru/fakes/prikaz-s-shojgu-o-vvedenii-v-moskve-komendantskogo-chasa>

институтам и наличия комплекса негативных стереотипов в отношении представителей государства, сформировавшегося еще в период 1990-х гг., а также системных ошибок в рамках реализации государством информационной политики (в том числе – в плане подготовки кадров к взаимодействию со СМИ и широкой общественностью).

Выводы по главе 2

Таким образом, новые угрозы и вызовы для стабильности российской государственности, обладая объективным основанием в виде реально существующих проблем социально-экономического развития, в то же время отличаются наличием ярко выраженной политтехнологической составляющей. Их продуцирование обусловлено, в том числе, наличием бенефициаров в лице внутренних и внешних акторов, использующих подрыв политической стабильности внутри РФ как ресурс обеспечения собственных интересов.

Также следует выделить наличие тенденции к усовершенствованию технологий подрыва политической стабильности, расширению масштабов сопутствующих социальных явлений, радикализации дискурса и виртуальной кооперации организаторов очагов нестабильности, актуализации новых форм протестной повестки.

На фоне сохраняющегося доминирования несистемной оппозиции в пространстве социальных медиа, изменения структуры информационного потребления и политической социализации постсоветских поколений россиян обозначенные тенденции указывают на высокую вероятность качественного и количественного роста угроз внутренней стабильности РФ в краткосрочной перспективе в случае отсутствия позитивной динамики макроэкономических показателей.

Протестные выступления в большинстве случаев возникают в результате попыток внешних и внутренних акторов канализировать социальное недовольство в политическое русло либо путем провокаций

запустить процесс конфронтации между представителями макросоциальных групп разного типа, между которыми существуют идеологические противоречия либо конфликты экономического характера. Первоначальная повестка конфликта постепенно подменяется политической по мере формирования образа врага в лице представителей действующей власти.

Поводы для формирования очагов нестабильности, с одной стороны, формируются в порядке долгосрочного планирования (в рамках привязки к политическим циклам), с другой – в рамках оперативного реагирования на актуальные инфоповоды, внезапно оказавшиеся в фокусе общественной повестки.

Система мер, используемых для предотвращения и пресечения влияния внешних акторов на внутривнутриполитическую ситуацию в РФ, недостаточно эффективна, в первую очередь – в силу инфраструктурного и технологического превосходства последних, а также наличия у них больших ресурсов в плане «мягкой силы» и формирования образа будущего.

На текущий момент в качестве основного источника угроз для политической стабильности России выступают носители радикальных вариаций неолиберальной идеологии и этнические националисты. В среднесрочной перспективе, с высокой долей вероятности, можно ожидать рост опасности со стороны левых экстремистов и региональных сепаратистов.

В качестве инфоповодов в рамках формирования очагов политической нестабильности чаще всего выступают эпизоды, связанные с техногенными катастрофами, эпидемиологической ситуацией, реформативным изменением общественных пространств в городах, межнациональных отношений между представителями коренного населения одного региона или жителями сопредельных субъектов федерации.

К числу принципиально новых угроз следует отнести акции протеста против отставки должностного лица, а также массовые выступления, поводом для запуска которых послужило распространение недостоверной информации о техногенных катастрофах или эпидемиях.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

3.1. Основные стратегии, формы и методы противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации

Стратегии противодействия новым угрозам политической стабильности.

Обращаясь к вопросу о стратегиях противодействия новым вызовам и угрозам для политической стабильности РФ, необходимо подчеркнуть, что они не могут носить реактивный характер. Во-первых, реактивный характер противодействия подразумевает резкий рост уязвимости объекта агрессии в случае использования противником новых методов и ресурсов. Во-вторых, уничтожение очагов информационной агрессии в собственном медиапространстве всегда требует больших затрат, чем организация превентивных мер с целью предотвращения действий агрессора. В-третьих, использование реактивного подхода предполагает критически высокие риски поражения в силу очевидного превосходства агрессора в плане объема доступных ресурсов²⁵⁷.

Именно по этой причине стратегия обеспечения политической стабильности при помощи информационных технологий должна носить «наступательный» характер, ориентирующий соответствующих акторов на разрушение инфраструктуры информационных интервенций²⁵⁸.

---

²⁵⁷ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». 2005. №8. С. 77-79; Ackerman P., DuVall. J. A Force More Powerful: A Century of Nonviolent Conflict. New York, NY, 2000. P. 17.

²⁵⁸ Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М: Центрполиграф, 2014. С. 41; Стукал Д.К., Беленков В.Е., Филиппов И.Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 47.

Во-вторых, стратегия должна подразумевать технологическое и коммерческое переформатирование поля конфликта. Система информационной агрессии против РФ основывается в первую очередь на доминировании зарубежных акторов на двух сегментах рынка – в области производства компьютеров, мобильных устройств и программного обеспечения к ним и в сфере создания популярных социальных медиа²⁵⁹. Соответственно, лишить структуры, заинтересованные в подрыве политической стабильности в России, указанных преимуществ можно лишь за счет создания собственных производств аналогичной технологической продукции (по качеству принципиально не уступающей зарубежным аналогам либо обладающей значимыми преимуществами с точки зрения потребителя) и программного обеспечения, поддерживающего ее функционирование. Обязательная установка российского ПО на импортированную продукцию не может в данном случае служить решением проблемы: при наличии инструкции осуществить смену программного обеспечения (вплоть до самой операционной системы) способен даже пользователь, плохо знакомый со сферой ИТ. Помимо того, технологический потенциал зарубежных корпораций может позволить в короткие сроки создать инструменты, минимизирующий эффект от внедрения российских программ²⁶⁰.

Равным образом государству будет необходимо системным образом, на проектной основе, поддерживать развитие в России западных аналогов социальных медиа. В данном случае необходимо подчеркнуть, что сравнительно невысокая роль западных социальных медиа в Интернет-пространстве Китая обусловлена вовсе не применением блокировки: в КНР широко используются плагины-анонимайзеры. Информационную

---

²⁵⁹ Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2012. С. 49; Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 84.

²⁶⁰ Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. С. 72.

безопасность Китая обеспечивает в первую очередь наличие конкурентноспособных национальных платформ.

По данным на 2019 г., совокупная аудитория WeiXIN/wechat превосходила число пользователей Instagram. Такие соцсети, как TikTok, QQ, Youku Tudou, Qzone превосходили по данному показателю американский Tumblr, Sina weibo, Meitu и Meituan-Dianping опережали Reddit и Twitter²⁶¹.

Таблица 1

Наиболее популярные социальные медиа в глобальных масштабах на 2019 г.²⁶²

№	Название социального медиа	Страна-«метрополия»	Общая численность аудитории, млн человек
1	Facebook	США	2 375
2	YouTube	США	2 000
3	WhatsApp	США	1 600
4	Facebook Messenger	США	1 300
5	WeiXIN/wechat	Китай	1 112
6	Instagram	США	1 000
7	TikTok	Китай	1 000
8	QQ	Китай	823
9	Youku Tudou	Китай	580
10	Qzone	Китай	572
11	Tumblr	США	500
12	Sina weibo	Китай	465
13	Meitu	Китай	455
14	Badoo	Великобритания, Кипр, Россия	425

²⁶¹ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 5; Beer M. Civil Resistance Tactics in the 21st Century Washington, DC, 2021. P. 15.

²⁶² Social media - Statistics & Facts. <https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/>

15	ВК	Россия	382
16	Meituan-Dianping	Китай	382
17	Reddit	США	330
18	Twitter	США	330
19	Douban	Китай	320
20	Linkedin	США	310

Гипотетически, российские власти могут избрать стратегию локализации национальных сегментов зарубежных социальных медиа, взяв за образец алгоритм действий властей США по установлению контроля над американским сегментом TikTok. Однако реализация такого рода проектов представляется малоперспективной с учетом отсутствия у РФ сопоставимых рычагов давления на технологические корпорации США и высокими издержками в результате применения вероятных ответных санкций со стороны официального Вашингтона²⁶³.

В-третьих, необходимо в кратчайшие сроки разработать и внедрить (либо растиражировать уже имеющиеся версии) облачных информационных система для изучения ситуации и управления политическим процессом на уровне регионов и муниципальных образований. Их функционал должен включать в себя в том числе инструменты отслеживания активности лидеров общественного мнения в локальных сетевых сообществах²⁶⁴.

В-четвертых, следует если не установить контроль над производителями информационной инфраструктуры для социальных медиа (в первую очередь –

²⁶³ Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 243; Шангутов О.А., Шангутов А.О. Превентивная идентификация районов социальной напряженности // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 1. С. 102.

²⁶⁴ Маруев А.Ю. Информационная безопасность России и основы организации информационного противоборства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 50; Ackerman P., Kruegler C. Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century. Westport, CT, 1994. P. 87.

нейросетей), то хотя бы организовать регулярный мониторинг их деятельности²⁶⁵.

Стратегия обеспечения политической стабильности посредством информационных технологий также должна выстраиваться на основе широкого применения манипулятивных форм воздействия на субъекты, представляющие враждебных акторов, и их аудиторию. В первую очередь в данном случае речь идет о создании условий для раскола, внутренних конфликтов, подрыва авторитета лидеров мнения за счет продуманного стимулирования и мотивации соответствующих поведенческих паттернов, способствующих партикуляризации протестной среды²⁶⁶.

Таким образом, стратегия обеспечения политической стабильности в РФ посредством информационных технологий должна выстраиваться вокруг достижения следующих целей:

- создания технологических инструментов прогнозирования возникновения очагов нестабильности посредством анализа «больших данных». Последнее предполагает необходимость выявления алгоритмов массового поведения пользователей и лидеров мнений сетевого сообщества накануне начала инициированных посредством информационных технологий протестных выступлений либо массовых беспорядков;
- формирования системы мер и инструментов профилактики возникновения в сетевых сообществах центров организации или информационного обеспечения деструктивной политической активности;

---

²⁶⁵ Жидко Е.А., Попова Л.Г. Информационные риски как аргумент безопасности инновационной России // Информация и безопасность. 2010. Т. 13. № 4. С. 599; Морозов И.Л. Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции - опыт зарубежных стран и угроза для России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92). С. 12.

²⁶⁶ Митюрин Н.Ю., Бобков Н.В. Информационная составляющая экономической безопасности России // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1 (8). С. 37-40; Ершов Н.А., Омерович А.Р., Попов С.И. Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (Часть II: выборы в государственную думу 2021 года. Прогнозы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72). С. 855.

- выработки системы мер технологического и информационного саботажа либо прямого пресечения деятельности акторов, выступающих в роли организаторов, координаторов и поставщиков ресурсного обеспечения для сил, ориентированных на подрыв политической стабильности внутри РФ;
- обеспечения благоприятных условий для развития российских конкурентов популярных зарубежных социальных медиа (в первую очередь – наиболее популярных, т.е. развлекательных) и производителей мобильных устройств;
- создания комплекса вертикально и горизонтально интегрированных информационных систем управления территориями, функционирование которых основывается на применении «больших данных». Работа в данном направлении в обязательном порядке потребует как оперативного обновления нормативно-правовой базы использования Big Data, так и проведения предварительной кампании по подготовке общественного мнения к соответствующим новациям²⁶⁷.

Рис. 1

Компоненты стратегии противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации

²⁶⁷ Карпович О.Г., Карипов Б.Н., Литвинов В.О. Эволюция протестных настроений в Гонконге: основные уроки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2 (28). С. 71; Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. глобальный контекст и эквадорский case-study // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 8; Салицкий А.И., Виноградов А.В. Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 137.

Формы противодействия новым угрозам политической стабильности

Работу в области обеспечения политической стабильности посредством информационных технологий можно условно разделить на следующие формы:

- оперативные мероприятия (поисковые и розыскные);
- аналитическая работа (в первую очередь – в рамках выявления алгоритмов создания инфраструктуры протестов, мотивации и мобилизации недовольных, управления «уличной активностью», системы организации создающих очаги нестабильности акторов);
- системный мониторинг информационной повестки и ресурсов социальных медиа;
- разработка, внедрение и производство оригинального российского программного обеспечения и техники, функционирующей за счет его применения;
- нормотворческая и законодательная деятельность, юридическая экспертиза;
- специальные кибероперации;
- специальные операции в области модерирования общественного мнения²⁶⁸.

---

²⁶⁸ Пятаков А.Н. Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. 2020. № 6 (99). С. 120; Сарабьев А.В. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 165.

Формы противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации

Методы противодействия новым угрозам политической стабильности

В рамках, указанных выше форм противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации можно выделить следующие методы работы.

В структуре блока «оперативная деятельность» – необходимо выделить:

- выявление, приобретение и, при возможности, ликвидацию незаконно созданных баз персональных данных (потенциально полезных для деструктивных политических акторов);
- мониторинг закрытых баз персональных данных, случайно оказавшихся в открытом доступе;
- обнаружение сетей торговли нейросетями, ботами и бот-фермами, отслеживание работы бирж трафика;

- агентурную работу в рамках поиска политических организаций, тайно получающих финансирование из-за рубежа вопреки нормам действующего законодательства;

- внедрение агентов в структуры, обеспечивавшие информационную поддержку организаторам несанкционированных акций протеста в рамках создания и распространения контента, организации и координации действий участников.

Рис. 3

Методы осуществления оперативной деятельности

В рамках блока аналитического обеспечения необходимо выделить 8 ключевых методов работы:

- выявление алгоритмов подготовки и информационного обеспечения несанкционированных акций протеста;

- установление сетей протестных ресурсов, дружественных им площадок и потенциальных партнеров;

- оценка динамики и качества взаимоотношений протестных и оппозиционных акторов;
- составление рейтингов спикеров, обладающих среди пользователей авторитетом в рамках обсуждения конкретных сегментов общественно-политической тематики;
- выработка рекомендаций по предотвращению, саботированию и пресечению информационной активности деструктивных организаций и ЛОМов;
- составление прогнозов относительно применения новых методов медиаагрессии;
- оценка реакции аудитории на протестный и лоялистский контент, а также значимые инфоповоды;
- разработка методов Интернет-социологии, адаптация традиционных исследовательских методов к специфике онлайн-коммуникации²⁶⁹.

---

²⁶⁹ Ackerman P., Merriman H. "The Checklist for Ending Tyranny". Is Authoritarianism Staging a Comeback? Washington, DC, 2015. P. 12; Mathis D., Grace H. Chronicling Civil Resistance. Washington, DC, 2021. P. 5; Pinckney J. How to Win Well Civil Resistance Breakthroughs and the Path to Democracy. Washington, DC, 2021. P. 9.

Методы осуществления аналитической деятельности

В блок «Системный мониторинг» входят такие методы, как:

- совершенствование отслеживающего программного обеспечения (в первую очередь – в рамках создания способов отображения видео- и аудиоконтента), усовершенствования технологий кластеризации инфоповодов, автоматического отсева записей, продвигаемых искусственным образом, синхронной проверки по линии государственных и коммерческих сервисов, а также в ключе расширения списка социальных медиа, охваченных мониторингом, машинных алгоритмов поиска и обновления картотеки протестных сообществ, выявления фейковых новостей, выстроенных в рамках типовых матриц, и установления цепочки распространения сообщений вплоть до ресурса-первоисточника;

- организация регулярного наблюдения за активностью пользователей социальных медиа в рамках освещения общественно-политической повестки;
- совершенствование форм отчетности;

Рис. 5

Методы осуществления системного мониторинга

Реализация задач, связанных с такой формой работы, как «Технологическое обеспечение», предполагает использование таких методов, как:

- льготное кредитование российских IT-компаний, занимающихся разработкой аналогов критически значимых зарубежных сервисов и технологий;
- предоставление им налоговых преференций и субсидии на проведение фундаментальных исследований;
- бесплатная реклама российских аналогов элементов «инфраструктуры информационной безопасности» (программ, сервисов, мобильных устройств) на площадке государственных СМИ;

- практика отбора перспективных программистов и компьютерных инженеров в вузах еще в период первых лет обучения;
- укрепление профильных кафедр в вузах преподавателями-практиками (сотрудниками ведущих IT-компаний);
- изменение учебных программ в школах и вузах с учетом требований ведущих IT-компаний и требований, поставленных перед ними государством в рамках долгосрочных проектов;
- создание программ целевых зарубежных стажировок на безвозмездной основе для перспективных студентов и аспирантов (при условии обязательного участия в дальнейшем в реализации конкретных российских проектов в течение определенного срока);
- предоставление частным IT-компаниям доступа к результатам фундаментальных исследований государственных учреждений и данным разведывательных служб в случае согласия на участие в реализации государственных программ «информационной безопасности»²⁷⁰.

---

²⁷⁰ Bartkowski M. Recovering Nonviolent History: Civil Resistance in Liberation Struggles. Boulder, CO, 2013. P. 15 – 17.

Методы осуществления технологического обеспечения

Такая форма работы, как «Законодательное обеспечение», подразумевает необходимость:

- запуска постоянно действующих экспертных площадок, работающих на условии паритетной репрезентации представителей власти (парламентариев, членов правительства и сотрудников Администрации Президента РФ), IT-компаний, спецслужб, а также исследователей и разработчиков;

- создания центра изучения международных практик регулирования сферы информационных технологий в интересах обеспечения национальной безопасности²⁷¹.

²⁷¹ Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 123 – 125; Bartkowski M. Recovering Nonviolent History: Civil Resistance in Liberation

Методы осуществления законодательного обеспечения

В рамках блока «Проведение киберопераций» можно выделить такие методы, как:

- взлом баз данных с незаконным образом собранными и обрабатываемыми персональными данными россиян с последующим уничтожением информации;
- поиск и деанонимизация сотрудничающих с радикальным сегментом оппозиции и экстремистскими группировками хакеров и их группировок;
- создание и апробация программ для взлома личной переписки сотрудников госструктур и их подрядчиков и средств защиты от них;
- разработка программ, позволяющих устанавливать удаленный контроль над техникой, и мер защиты от их применения;
- противодействие направленным на подрыв политической стабильности России кибероперациям зарубежных и внутренних акторов и превентивное уничтожение их цифровой инфраструктуры;

- создание инфраструктуры для проведения операций «под ложным флагом» (имитации киберактивности противника) и их выявления²⁷².

Рис. 8

Методы осуществления кибервойны

Такая форма работы, как «Модерирование общественного мнения», выстраивается за счет применения:

- отвлекающих/переключающих внимание целевой аудитории информационных операций, способствующих падению интереса аудитории к «токсичному» инфоповоду за счет замещения повестки;

- системы мер по подготовке и поддержке сети лидеров общественного мнения, которые не являлись бы в глазах населения агентами влияния официальных властей или же оппозиции. Им должна быть предоставлена

²⁷² Фролов А.А., Миронова С.В. Особенности применения социальных сетей в реальном и виртуальном протесте (на примере протестов в Ярославской области) // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием. Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М., 2020. С. 551.

возможность критиковать без каких-либо санкций действия представителей власти, за исключением Президента РФ (претензии в адрес глав регионов допускаются, но не в форме демонизации либо прямых оскорблений, либо обвинений в совершении преступления). В период стабильности группы ЛОМов могут играть роль коллективных медиаторов в рамках урегулирования малоинтенсивных конфликтов между органами власти, элитами и представителями локальных сообществ. Во время обострения внутривластной ситуации и возникновения угрозы протестов либо массовых беспорядков их задача включает в себя, либо демобилизацию недовольных посредством информационного воздействия, либо перехват контроля над движением у представителей оппозиции и экстремистов с последующей деэскалацией конфликта. В последнем случае объединение ЛОМов может выступить в качестве контактной группы (переговорщиков), от лица недовольных коммуницирующих с представителями власти. Важность наличия данного ресурса в особенности возрастает на фоне повсеместного отказа от прямых выборов муниципальных глав, подрывающего легитимность последних в глазах населения и понижающего значимость наличия у кандидатов навыков публичного политика²⁷³;

- форм обратной связи, позволяющих гражданам обращаться с жалобами на особенно острые проблемы в вышестоящие органы власти, минуя муниципальный или региональный уровни;

- заблаговременного создания сети онлайн-СМИ, воспринимаемых в локальных и региональных сообществах как нейтральные акторы, не связанные с официальной властью;

- нейтрализации радикально настроенных либо не демонстрирующих готовности к диалогу лидеров общественного мнения. Оптимальным вариантом в данном случае может служить провоцирование внутри сообщества радикалов конфликта, ведущего к взаимной дискредитации его

---

²⁷³ Дмитренко С.П. Формы политического протеста: традиционные модели и современная политическая практика // Гилея: научный вестник. 2016. № 104. С. 199.

участников. В данном случае достичь этого можно, например, за счет публикации компрометирующих материалов, содержащих острую критику одних лидеров недовольных в адрес прочих руководителей, декларацию намерений захватить политические активы партнера или в одностороннем порядке заключить соглашение с представителями власти. Серьезным образом на уровень мотивации и консолидации, протестующих может повлиять негативная (презрительная) оценка лидеров протеста в отношении его рядовых участников. В данном случае необходимо подчеркнуть: указанные меры будут обладать эффективностью лишь при наличии двух условий²⁷⁴. Во-первых, дискредитируемые лидеры протеста должны обладать действительно большим авторитетом среди широких масс протестующих. Во-вторых, предъявляемые доказательства должны иметь аудиовизуальный формат;

- мер по созданию ложных аккаунтов деструктивных структур, призванных дезинформировать их сторонников и подрывать доверие к официальным ресурсам;

- операций «под ложным флагом» при поддержке специалистов по кибероперациям;

- пранков, в том числе – с элементом технологии «deep fake» (при помощи машинной имитации голоса)²⁷⁵.

Важно отметить сомнительный характер эффективности ряда подходов, используемых в последние годы в рамках модерации общественного мнения. Во-первых, гипертрофированная критика в адрес радикального сегмента оппозиции выстраивается в соответствии со спецификой политического восприятия лоялистов и по большому счету ориентирована именно на этот сегмент целевой аудитории. Это обеспечивает укрепление лояльности «провластно настроенных граждан». Однако уровень их симпатии к

---

²⁷⁴ Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-2. С. 145; Beyerle Sh. *Curtailling Corruption: People Power for Accountability and Justice*. Boulder, CO, 2014. P. 14.

²⁷⁵ Бакулина А.А. К вопросу о массовых политических протестах в России на современном этапе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-7. С. 120.

существующей политической системе и без того остается весьма высоким. И в то же время содержание, каналы и форма трансляция сообщения не вполне соответствуют предпочтениям «неопределившейся» части аудитории, не демонстрирующей явной симпатии как к действующей власти, так и к радикальной части оппозиции. Между тем, представители последней ведут активную работу внутри данного сегмента, расширяя собственную социальную базу. Во-вторых, положительный эффект от продвижения в микросредах позитивной повестки локального уровня по большому счету нивелируется негативным влиянием проблем, генерируемых в макрополитических масштабах (такими как рост цен, дефицит высокооплачиваемых рабочих мест и т.д.). В-третьих, должен быть произведен отказ от практик воздействия на общественное мнение посредством имитации выражения мнения «простыми пользователями» в ключе тотальной апологетики действий власти. Попытки агрессивного оправдания непопулярных решений лишь провоцируют рост агрессии среди недовольных и способствуют увеличению их численности²⁷⁶. Равным образом использование всех форм киберсимулякров должно быть направлено на подавление активности подконтрольных политических радикалам программ-ботов, от лица условных «кремлевских троллей» выступающих в утрированной форме в защиту непопулярных действий властей с целью спровоцировать негативную реакцию аудитории²⁷⁷.

---

²⁷⁶ Ним Е.Г. «Игрушко митингу»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 57.

²⁷⁷ Шарапов Р.И. Особенности виртуальных форм современного политического протеста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 1. С.99.

3.2. Технологии противодействия конфликтной мобилизации в Интернете и социальных сетях

Как уже было отмечено выше, одним из ключевых условий эффективного проведения конфликтной мобилизации является формирование собственной инфраструктуры ресурсов в социальных медиа либо заключение договоренностей с их владельцами.

В рамках противодействия конфликтной мобилизации посредством использования информационных технологий купировать данный фактор можно несколькими способами.

Рис. 9

Формы информационного противодействия конфликтной мобилизации посредством онлайн-технологий

Во-первых, можно заранее сформировать сеть альтернативных информационных площадок, формально не аффилированных с официальными властями и периодически выступающих с критикой в их адрес. В период обострения социально-политической ситуации их репутация независимых медиа ресурсов позволит эффективно вести информационное противодействие против площадок конфликтной мобилизации посредством:

- адресной критики инициаторов конфликта и выборочной поддержке конкретных представителей власти (с целью спровоцировать раскол внутри руководства протеста и широких масс протестующих). Например, одного из лидеров оппозиции можно обвинить в явной неискренности, планах монополизировать руководство процессом, использовании провокационных методов, параллельно сочетая критику в адрес мэра или губернатора с апологией главы государства;

- продвижения альтернативных способов разрешения противоречий от лица гражданских активистов;

- формирования отвлекающей внимание информационной повестки²⁷⁸.

Рис. 9.2

Варианты использования сети условно нейтральных площадок в социальных медиа

Во-вторых, существует возможность завуалированного саботажа функционирования протестных сообществ путем наполнения их фейковыми аккаунтами (первоначально – управляемых операторами-людьми, а затем и

²⁷⁸ Есиев Э.Т. Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи // Русская политология. 2017. № 2 (3). С. 34-37; Манойло А.В. Убить котенка // Геополитический журнал. 2015. № 3 (10). С. 65-69.

учетными записями, функционирование которых модерируется нейросетью). Часть операторов может выступить в качестве «активистов» сообщества, имитируя полное согласие с поведенческими и ценностными установками администраторов. Оптимальный вариант реализации технологии предполагает приобретение оператором фейкового аккаунта статуса модератора сообщества или его помощника. За счет этого активность группы будет взята под частичный контроль, в том числе – посредством возможного саботажа, а реальная эффективность работы с аудиторией заметно снизится на фоне роста завышенных ожиданий. В период начала конфликтной мобилизации внедренные аккаунты можно будет использовать либо для оспаривания (полного или частичного) доводов и призывов организаторов протестов, либо для проведения массового выхода из группы в знак протеста против действий модераторов. Также фейковые аккаунты могут использоваться для разжигания групповых и межличностных конфликтов среди потенциальных участников несанкционированных мероприятий²⁷⁹.

В-третьих, можно организовать массовую отправку жалоб на конкретные группы в связи с нарушением правил социальной сети. При этом наличие соответствующих нарушений можно обеспечить за счет использования внедренных в сообщество фейковых аккаунтов.

Уже непосредственно после начала конфликтной мобилизации можно заметно осложнить ее проведение посредством операций «под ложным флагом». Так, можно организовать распространение протестных агитационно-пропагандистских материалов, в структуру которых будут внедрены раскалывающие лозунги или элементы, потенциально грозящие организаторам и участникам уголовной ответственностью. Равным образом тиражированию подлежат искаженные инструкции организаторов

---

²⁷⁹ Черенков Д.А. Медиация конфликтной мобилизации молодежи Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 270; Карпович О.Г. Культурно-цивилизационные конфликты в современной мировой политике: диалог или столкновение? Право и политика. 2014. № 11. С. 1680.

относительно правил поведения участников. Целью соответствующих мероприятий является не привлечение участников и организаторов к реальной уголовной ответственности (последнее, напротив, крайне нежелательно). Описанные меры должны, с одной стороны, отвлечь организаторов конфликтной мобилизации от реализации основных задач, подорвать решимость части лидеров и потенциальных участников конфликта, спровоцировать стычки между ними, как в онлайн-формате, так и в ходе оффлайн-акций²⁸⁰.

3.3. Технологии перехвата информационной повестки в операциях информационной войны и в информационных атаках с использованием «фейковых» новостей.

В настоящее время практика ведения Россией информационных войн носит преимущественно реактивный характер. Последнее в равной степени справедливо как для оценки ситуаций, связанных с атаками со стороны внешних акторов, так и для кейсов противодействия информационным операциям радикального сегмента оппозиции. В результате официальные власти всякий раз оказываются в роли «оправдывающегося» актора, само поведение которого предполагает высокую вероятность наличия вины в глазах достаточно широкой аудитории. Как следствие, силы, заинтересованные в подрыве внутривнутриполитической стабильности в РФ, получают возможность на регулярной основе использовать против России типовые «атакующие алгоритмы»²⁸¹.

---

²⁸⁰ Богданова Е.М., Есиев Э.Т., Кравцев Е.В. Экологические конфликты России в 2017 году: анализ, решение и предупреждение Русская политология. 2017. № 3 (4). С. 78-86.

²⁸¹ Столяров А.О. Новые формы политического протеста в России в 2011-2014 гг. // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции. 2015. С. 331.

При этом попытки агрессивного реагирования посредством высмеивания обвинений (в форме так называемого «троллинга») не влекут за собой ощутимого полезного эффекта²⁸².

Аналогичным образом организовано реагирование на распространение фейковых новостей. Ситуацию усугубляет то, что, зачастую, опровержение ложной информации сводится лишь к упоминанию соответствующего официального лица. При этом игнорируется то обстоятельство, что уровень доверия к политическим институтам и их представителям (за исключением президента, главы правительства и руководителей оборонного и внешнеполитического ведомств) традиционно остается достаточно низким²⁸³.

Более адекватным вариантом реакции на соответствующие угрозы представляется комбинирование двух подходов: создания сюжетов, отвлекающих внимание аудитории от «токсичного» инфоповода, и разрушение позитивного образа противника, пытающегося позиционировать противостояние дихотомически, в ключе архетипа «борьбы добра со злом»²⁸⁴.

---

²⁸² Рябов А.В. «Революция потребностей» и новые движения протеста // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 1 (93). С. 105.

²⁸³ Чеботарев А.Н., Чеботарева И.В. Роль средств массовой коммуникации в управлении молодежным протестом // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 7 (125). С. 24.

²⁸⁴ Иванова Е.Д., Фоменко С.С. Политический протест молодежи и технологии его управления // Студенческий. 2019. № 39-3 (83). С. 54.

Подходы к перехвату информационной повестки

В первом случае возможны 2 варианта реагирования:

- отвлечение внимание аудитории на смежный или тематически близкий инфоповод, позволяющий нивелировать попытку противной стороны за счет определенного события запланированно увеличить степень демонизации атакующей стороны. В качестве примера в данном случае может быть приведена инициатива российских исследователей о проведении в МГУ им М.В. Ломоносова научной конференции «Первые Скрипальские чтения». Появление соответствующих новостей сразу же привело к резкому росту внимания СМИ к обозначенной теме, благодаря чему предпринятые одновременно властями Великобритании и представителями несистемной оппозиции в РФ усилия по эскалации конфликта вокруг отравления С.В. Скрипаля остались без должного освещения в медиа²⁸⁵;

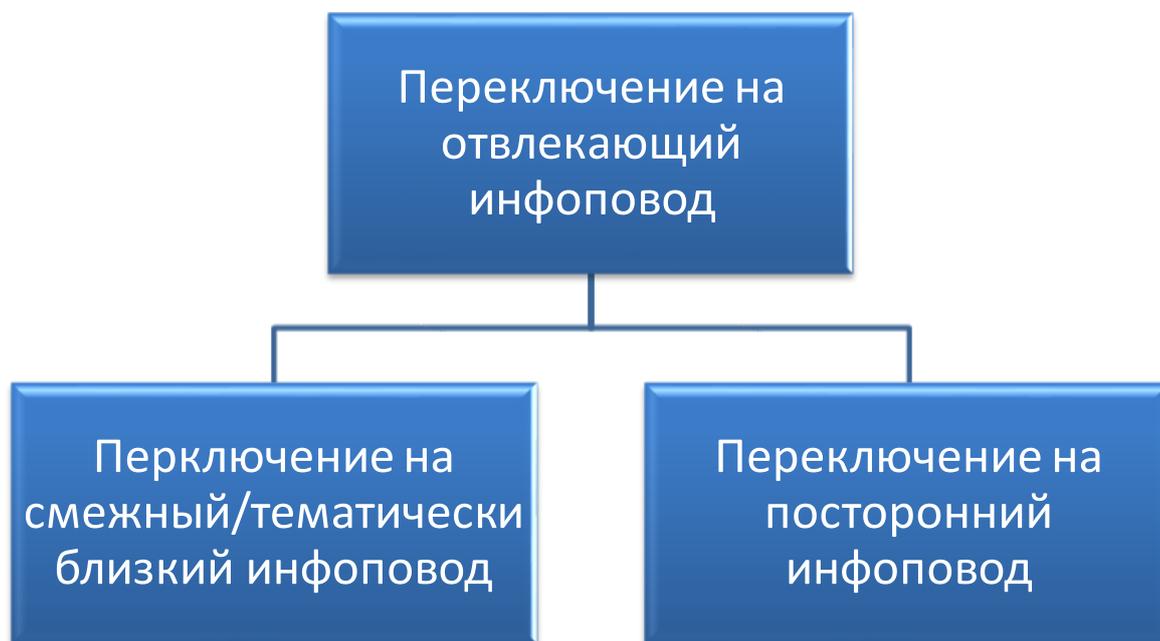
- отвлечение внимания на посторонний инфоповод, обладающий потенциально сопоставимым или большим резонансом. В качестве практического кейса в данном случае можно рассматривать использование

²⁸⁵ В МГУ пройдут «Первые Скрипальские чтения». <https://snob.ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/173347/>

«дела Pussy Riot» в качестве ресурса вытеснения протестной и оппозиционной повестки, а также деконструкции позитивного имиджа участников и лидеров «болотного протеста»²⁸⁶.

Рис. 11

Варианты формирования отвлекающего инфоповода

Важно отметить, что указанные методы предполагают применение в качестве инфоповода некоего события, потенциально интересное широким кругам населения, в том числе – не имеющим устойчивого интереса к общественно-политической тематике гражданам. Последнее предполагает наличие у инфоповода отчасти шокирующего либо эпатазирующего характера²⁸⁷.

Для продвижения соответствующей повестки в традиционных СМИ не обязательно напрямую коммуницировать с их представителями: достаточно лишь добиться размещения материала в крупных пабликах или каналах

²⁸⁶ Степанов А.А. "Молодая гвардия Единой России" в общественно-политической жизни РФ 2000-2013 годов Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 101.

²⁸⁷ Шульц Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М., 2018. С. 21.

селебрити, которые периодически используются журналистами в качестве источника инфоповодов для новых публикаций²⁸⁸.

Во втором случае перехват информационной повестки осуществляется за счет отрицания права атакующей стороны на роль морального авторитета в рамках информационного противостояния. С точки зрения данного подхода, реакцией России на обвинения в создании государством системы приема допинга профессиональными атлетами должны были быть не попытки опровергнуть доводы обвиняющей стороны. Официальная Москва должна была ответить на это публикацией от лица третьих лиц (как в России, так и за рубежом) материалов, посвященных систематическому употреблению допинга и прочих запрещенных препаратов спортсменами в Европе и США, а также роли крупных фармацевтических компаний условного Запада в производстве легальных препаратов, используемых атлетами благодаря наличию пробелов в нормативно-правовой базе²⁸⁹.

В отношении фейковых новостей использование метода отвлечения внимания дает особенно высокий эффект в случае профилактических мероприятий. В частности, борьбу с распространением недостоверной информации в период выборов заметно облегчает предварительная публикация материалов, посвященных ранее использованным «предвыборным фейкам». В соответствующие материалы при этом желательно интегрировать блок контента, затрагивающего алгоритм и методы изготовления фейков²⁹⁰.

---

²⁸⁸ Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения "фейковых новостей" Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 93.

²⁸⁹ Магруппова З.М., Кубко В.В. Роль прогнозирования в предупреждении и управлении социально-трудовыми протестами // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 3. С. 97.

²⁹⁰ Манойло А.В. "Фейковые новости" как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 41.

3.4. Технологии перехвата управления информационными кампаниями

Осуществление перехвата управления информационной кампанией представляет собой сложный, трудозатратный и ресурсоемкий процесс. Первоочередной задачей в рамках достижения соответствующей цели является нарушение системы коммуникаций между управляющим актором и используемыми им информационными площадками.

Наиболее распространенными методами воздействия в данном случае выступают организация различных разновидностей DoS-атак или взлома аккаунтов в социальных медиа. Однако их применение, с одной стороны, компрометирует заинтересованную сторону, а с другой – приносит лишь кратковременный эффект²⁹¹.

Большой полезный эффект может дать получение доступа к переписке и иным личным сообщениям вовлеченных акторов. Получение соответствующих сведений дает возможность подрыва доверия лиц, контролирующими информационные площадки, к организующему конфликт актору либо инициации многостороннего противостояния внутри сообщества оппозиционеров (открывающего возможности с точки зрения заключения кратковременных ситуативных альянсов между представителями власти и отдельными фракциями деструктивных сил). В случае необходимости, отсутствующие компрометирующие материалы могут быть заменены на видео- и аудиоконтент, созданный при помощи технологий «дип фейк» и «дип войс» (имитирующий речь и изображения реальных людей)²⁹².

Еще одним средством перехвата информационной кампании является рекрутирование бывших сотрудников структур, участвующих в разжигании конфликта. Установление связи с ними не только позволяет выявить

---

²⁹¹ Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. Санкт-Петербург, 2017. С. 21, 25.

²⁹² Дзялошинский И.М. Экология коммуникаций. Саратов, 2019. С. 51.

технологические и организационные уязвимости оппонентов, но и получить информацию о юридическом оформлении условий их работы и гигиене труда в организации (уровне и регулярности выплаты вознаграждения, периодичности повышения оклада, стиле общения руководства с подчиненными, делением последних на фракции). Все это раскрывает возможности для начала агентурной работы за счет выявления сотрудников, испытывающих сильную и устойчивую антипатию к руководству и потому мотивированных нанести как можно больший ущерб его планам²⁹³.

Равным образом высокой ценностью обладает информация о внутренних конфликтах в команде руководителя. Косвенная и опосредованная помощь (например, путем предоставления информации через третьих лиц) лидерам фракции, отстаивающей выгодность наиболее желательной для власти модели действий лидеров протеста, потенциально позволяет нейтрализовать усилия наиболее грамотных стратегов и организаторов внутри лагеря организаторов протеста или даже направить активность последних в выгодном направлении²⁹⁴.

Перехват управления информационной кампанией в смысле установления доминирования в медиасреде также возможен за счет реализации ряда тактических схем. Во-первых, дезорганизовать действия противника можно за счет использования модели поведения, не предусмотренной сценарными прогнозами инициаторов конфликта²⁹⁵. В качестве примера можно привести поведение вице-губернатора (на тот момент) Кемеровской области С.Е. Цивилева во время митинга, проведенного местными жителями после крупного пожара в ТЦ «Зимняя вишня». Его участники были в том числе крайне раздражены поведением главы региона А.Г. Тулеева, который ранее извинился за пожар в торговом центре перед

---

²⁹³ Винокуров Г.Н., Ковалев В.И. Общая характеристика генезиса информационного воздействия на социальные объекты Информационные войны. 2020. № 3 (55). С. 49.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Карбасова О.В. Коммуникационный менеджмент в деятельности французской внешней разведки в 90-е годы XX века Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 3. С. 156

президентом России Владимиром Путиным, но так и не вышел к собравшимся на митинге. Однако действия С.Е. Цивилева позволили разрушить негативный образ местного руководства, сформированный оппозиционными силами: вице-губернатор вышел к митингующим, лично пообщался с ними и даже встал на колени, прося прощения у родных погибших в ходе пожара от лица властей²⁹⁶.

Во-вторых, представители власти могут предпринять информационную контратаку, выстраивая свою позицию вокруг апелляции к значимым для организаторов конфликта и их референтных групп ценностям и авторитетам. Последнее призвано вынудить лидеров деструктивных сил публично сделать выбор между верностью декларируемым ценностям и приобретением ресурсов, на которые она претендует. В качестве примера можно привести постановку перед лидерами «болотного протеста» вопроса об оценке действий участниц группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в феврале 2012 г. Отказ от их аполгии был бы негативно воспринят ядром участников протестных акций, но в то же время попытки защиты участниц группы препятствовали расширению масштабов митингов, дискредитировав их организаторов в глазах большинства населения. Одновременно модераторы протестов лишились возможности управлять формированием информационной повестки, будучи вынужденными занять реактивную и заведомо проигрышную позицию²⁹⁷.

3.5. Технологии кризисной коммуникации со СМИ

Основой системы кризисной коммуникации со СМИ является предварительная разработка программы взаимодействия с массмедиа в экстренных ситуациях и ознакомление руководства и персонала организации

---

²⁹⁶ Пустовойт Ю.А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 3. С. 126.

²⁹⁷ Панченко А.А. О пользе святотатства, или Pussy Riot глазами антрополога // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 222.

с ее содержанием. При этом обучение не может носить имитационный характер: в противном случае в начале кризиса действия сотрудников приобретут спонтанный характер, вопреки наличию планов²⁹⁸.

Успешная реализация антикризисных планов также требует наличия уже отлаженной системы коммуникации с представителями СМИ. Ее создание требует, во-первых, создание медиакарты значимых ресурсов и представляющих их журналистов, включающей в себя базу постоянно обновляемых актуальных контактов. Во-вторых, необходимо сформировать пул спикеров, способных выступать от лица организации с комментариями в устном или письменном формате. Они должны генерировать для изданий поток контента на постоянной основе: в этом случае при возникновении негативного инфоповода журналисты рефлекторно начнут сразу же запрашивать комментарии относительно происходящего напрямую у представителей организации. В-третьих, структура (или персона), оказавшаяся в центре информационного кризиса, должна обладать сетью развитых аккаунтов в наиболее популярных сетях. Контент в них должен обновляться с периодичностью не реже одного дня (в докризисный период, после начала деструктивных процессов – в 3 – 4 раза чаще). При этом необходимо периодически размещать на страницах организации или персоны прямо или косвенно связанные с ними или их деятельностью публикации иных изданий, сетевых ресурсов или ЛОМов, позиция которых потенциально будет иметь значение в случае возникновения кризиса²⁹⁹. Аудитория аккаунтов не должна наращиваться за счет ботов либо принуждения сотрудников к подписке: страницы в социальных медиа должны выступать, в первую

---

²⁹⁸ Бондарева А.А. Антикризисный PR как стратегические инновации на этапах жизненного цикла организации Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2020. № 13. С. 95, 97; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. С. 72.

²⁹⁹ Попов Д.Г. Информационно-коммуникационная функция эффективной власти в современных концептах демократии // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 42, 43.

очередь, в качестве ресурса коммуникации со внешней средой в период кризиса.

Наряду с составлением антикризисных планов, необходимо заранее согласовать разделение полномочий и структуру системы управления медиакоммуникацией. Также необходимо запустить процесс накопления пригодной для публичного размещения информации о реализации каждого из находящихся в разработке проектов в виде отдельных досье³⁰⁰.

Рис. 12

Алгоритм взаимодействия со СМИ в период, предшествующий кризису

Первым шагом после начала кризиса является создание мониторингового штаба, отслеживающего все публикации, касающиеся соответствующей тематики (в том числе – среди критически либо враждебно настроенных СМИ), и информацию, циркулирующую среди сотрудников. Затем происходит уведомление структурных подразделений организации о вступлении в силу антикризисного плана, ограничении трафика информации и замыкании взаимодействия со СМИ на спикерах. После этого осуществляется подготовка официального заявления, содержащего в себе позицию организации или персоны, факты и варианты их интерпретации,

³⁰⁰ Безгодова О.В. Управление репутационными рисками в условиях минимизации PR-бюджета Индустриальный и b2b маркетинг. 2009. № 2. С. 107 - 109.

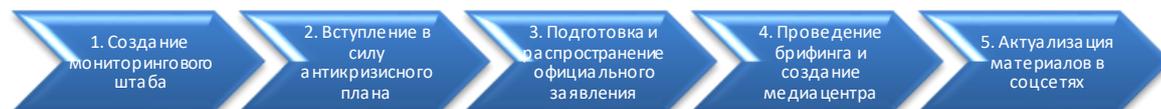
адаптированные к установкам и специфике восприятия целевой аудитории³⁰¹. Далее подготовленный материал распространяется посредством обращения к пулу журналистов и ЛОМов, с которыми организация ранее наладила связи. В очном или дистанционном формате проводится брифинг с журналистами (после согласования с представителями медиа, спикерами и руководством времени проведения мероприятия). В случае необходимости, на базе организации разворачивается медицентр. Официальная позиция уточняется и актуализируется посредством обновления информации в официальных аккаунтах в социальных сетях. Аудитории, в ненавязчивой и подчеркнуто дружелюбной форме, предлагается выразить свое отношение к происходящему (фактически – выступить «адвокатом политического бренда»). При этом обвинения в адрес организации могут гипертрофироваться с целью придания им абсурдности и подрыва доверия к субъекту информационной агрессии. Одновременно на страницах организации публикуются журналистские материалы и посты сторонних ресурсов, выдержанные в ключе апологетики объекта информационной атаки. Все поступающие запросы со стороны СМИ регистрируются, обрабатываются и не остаются без ответа (отказ от комментирования не допускается)³⁰².

---

³⁰¹ Касович А.А. Административно-правовые методы управления политическим протестом в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 30.

³⁰² Собко Д.С., Помулева Ю.А. Интегрированные коммуникации как инструмент взаимодействия в современном обществе Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10. № 3. С. 123; Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Ягуар, 2006. С. 55.

Алгоритм взаимодействия со СМИ в период после начала кризиса

В рамках организации работы со СМИ необходимо подчеркнуть необходимость обязательного выполнения ряда условий:

- журналисты должны получить ответы на все заданные вопросы, пусть и не одновременно (допустимо просить СМИ предоставить дополнительное время для поиска и уточнения информации);
- подвергаемая информационной атаке организация должна воздерживаться от демонстрации (напрямую или косвенно) агрессии в адрес СМИ или инициации судебного разбирательства даже в случае публикации их представителями недостоверной информации;
- внутри организации должна быть налажена работа по управлению слухами, в том числе – с целью организации выгодных для нее инсайдов;
- допущенные ошибки или эпизоды некорректного поведения должны оперативно признаваться и сопровождаться извинениями;
- в ходе общения с журналистами обязательно должна вестись аудио- и видеозапись;
- весь информационный негатив в обязательном порядке должен быть отработан, при возможности – непрямым образом, за счет вмешательства пользователей или имитирующих их активность операторов фейковых аккаунтов³⁰³.

³⁰³ Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации // 195

Выводы по главе 3

Как итог, можно сделать вывод, что противодействие угрозам дестабилизации политической ситуации в России должно осуществляться комплексно, на регулярной и системной основе, за счет концентрации ресурсов и тесной координации действий государства и аффилированных с ним НКО и деловых структур.

Стратегии, формы и методы противодействия новым вызовам и угрозам политической стабильности в Российской Федерации должны быть тесно увязаны между собой и ориентированы на достижение конкретных количественных показателей в определенные сроки. Они не могут сводиться к исключительно регулятивным и репрессивным практикам.

Также их применение нельзя строго ограничивать нормами этики, поскольку информационные агрессоры, действующие против России, откровенно пренебрегают не только нормами морали, но и положениями права. В этой ситуации применение модели информационного противоборства, основанной на строгом соблюдении этическим норм, равнозначно предоставлению противнику решающего ресурсного преимущества и уступке стратегической инициативы.

Технологии противодействия конфликтной мобилизации и перехвата информационной повестки, установления контроля над управлением информационными кампаниями априори предполагают использование манипулятивных практик трансформации общественного мнения.

В области развития технологии кризисной коммуникации с СМИ рациональным шагом представляется заимствование и адаптация опыта коммерческих брендов, регулярно сталкивающихся с проблемами, которые порождаются ростом информационной «токсичности».

Информационное общество. 1999. № 1. С. 37; Мухин О.В. К вопросу об использовании средств информационной войны в экономике // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 124; Иссерс О. И. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета, 1999. Вып. 1. С. 77.

Стратегия обеспечения политической стабильности в России при помощи информационных технологий должна быть ориентирована на достижение следующих долгосрочных целей:

- создание технологических инструментов прогнозирования возникновения очагов нестабильности путем анализа «больших данных»;
- выработка системы мер и инструментов профилактики возникновения в сетевых сообществах центров организации или информационного обеспечения деструктивной политической деятельности;
- разработка методов технологического и информационного саботажа либо прямого пресечения деятельности акторов, вовлеченных в процесс подрыва политической стабильности внутри РФ;
- формирование благоприятных условий для развития российских социальных медиа (в первую очередь –развлекательных) и производителей мобильных устройств, способных успешно конкурировать с зарубежными аналогами;
- создания кластера вертикально и горизонтально интегрированных информационных систем управления территориями, функционирование которых основывается на применении Big Data.

В рамках процесса усовершенствования системы применения информационных технологий в интересах поддержания политической стабильности в России следует выделить ряд ключевых задач, решение которых должно обеспечить высокую эффективность применения соответствующих практик.

Во-первых, необходимо создать институциональные механизмы, специализирующиеся на выявлении, адаптации и внедрении передового опыта в рамках коммерческого использования информационных технологий (например, в области маркетинга) ради усовершенствования механизмов поддержания политической стабильности³⁰⁴.

---

³⁰⁴ Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2012. С. 57.

Во-вторых, кадровая база специалистов, участвующих в информационных операциях по поддержанию политической стабильности, должна получить опору в виде линейки технологий российского производства, функционально заменяющих западные аналоги. В первую очередь это касается систем мониторинга и анализа «больших данных»³⁰⁵.

В-третьих, работа по ведению информационной войны посредством инновационных технологий должна быть систематизирована, централизована и подчинена прямому контролю профильных государственных ведомств. В настоящее время достаточно широкий фронт работ передан на началах аутсорсинга частным структурам, что понижает эффективность соответствующей деятельности (в силу методологических отличий и несогласованности в плане стратегии и тактики) и создает повышенные политические риски (персонал вовлеченных компаний имеет более низкий уровень мотивации и лояльности работодателю, нежели сотрудники соответствующих государственных ведомств)³⁰⁶.

Четвертым направлением работы в деле усовершенствования системы применения информационных технологий в интересах поддержания политической стабильности в Российской Федерации должно стать реформирование информационного поля за счет создания сети ресурсов, способных конкурировать с протестными СМИ в деле борьбы за контроль над настроениями испытывающих недовольство текущей ситуацией, но в повседневной обстановке аполитичных граждан. Новым медиа-ресурсам должна быть предоставлена широкая автономия с точки зрения критики действий властей при условии четко очерченных границ дискурсивных рамок и обязательного акцента на необходимости поиска компромисса и

---

³⁰⁵ Пупыкин Н.И. Конфликтологические основы управления протестным потенциалом молодежи в политике // Современные методы взаимодействия и способы сотрудничества специалистов помогающих профессий. Материалы VI Международной очно-заочной научно-практической конференции. Под редакцией А.М. Митяевой, Е.Н. Меркуловой. М., 2020. С. 89.

³⁰⁶ Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 244.

неприемлемости поддержки агрессивных акций радикального крыла оппозиции³⁰⁷.

Также государство посредством регулятивных методов стимулирующего характера и экономических мер должно обеспечить начало процесса вытеснения зарубежных социальных медиа и мобильных устройств российскими аналогами. Попытки блокировки зарубежных ресурсов и иные меры ограничительного характера представляются излишне ресурсоемкими, малоэффективными и потенциально опасными с точки зрения применения внешних санкций в отношении России и роста недовольства среди широких слоев населения и представителей бизнес-сообщества³⁰⁸.

С точки зрения развития функциональных возможностей информационных технологий целесообразным представляется сконцентрировать усилия на усовершенствовании нейросетей и методов противодействия им, а также расширении возможностей мониторинговых сервисов в контексте обработки видео- и аудиоматериалов и увеличении охвата доступных для мониторинга социальных медиа. Также особое внимание должно уделяться технологиям изготовления и выявления всех форм контента, связанных с использованием формата «дипфейк»³⁰⁹.

---

³⁰⁷ Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 5.

³⁰⁸ Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А., Юрасова О.Н. Цифровой протест в провинциальных городах России: структура, дискурс, модели. Пенза, 2021. С. 87.

³⁰⁹ Крайнова К.А. Управление политико-коммуникативными процессами в субъектах Российской Федерации: специфика и тенденции (на примере ярославской области) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 557.

Заключение

Результаты проведенного исследования убеждают нас в том, что существующий подход к использованию информационных технологий в целях обеспечения политической стабильности в РФ нуждается в масштабной трансформации. Он должен носить превентивный характер, выстраиваться на основе системы долгосрочного планирования и управления, а также единой стратегии государства, призванной обеспечивать выполнение на практике концепции национальной безопасности. В его основу должно быть положено представление не только о текущих рисках, но и угрозах, способных актуализироваться в рамках обозримого горизонта планирования. Новый подход к купированию и предотвращению рисков политической дестабилизации не может выстраиваться исключительно на мерах противодействия законодательного, технологического или организационного характера. Его реализация потребует организации крупномасштабных экономических проектов, а также реанимации системы массовой молодежной политики в рамках использования механизма государственно-частного партнерства. Равным образом разработка нового подхода потребует признания ряда системных ошибок, допущенных ранее в рамках выстраивания системы информационного обеспечения внутривнутриполитической стабильности. Также необходима корректировка подходов выстраивания коммуникации с сетевыми сообществами в соответствии с изменением экономической конъюнктуры и вступлением в активную фазу политической социализации поколения «зет».

Изложенные факты позволяют сделать вывод о полном подтверждении гипотезы, сформулированной в начале работы. Информационные технологии в настоящее время приобретают роль одного из ключевых факторов обеспечения стабильности политической ситуации в России. Данная ситуация, с одной стороны, обусловлена крайне высоким уровнем популярности среди российских пользователей находящимся вне юрисдикции РФ и подконтрольных ее противникам Интернет-ресурсов. С другой стороны, в силу длительного игнорирования государством «миграции» потребителей

общественно-политического контента на онлайн-площадки представители радикального крыла политической оппозиции и иностранные агенты сумели закрепиться в медиaprостранстве Рунета и заняли господствующие позиции по отношению к лоялистским ресурсам. Ситуацию усугубила зависимость российского рынка от поставок импортных мобильных устройств и программного обеспечения.

В силу специфики сложившейся ситуации традиционные практики реагирования на появление информационных угроз демонстрируют низкую степень эффективности.

Потенциал применений информационных технологий в качестве политического инструмента постоянно увеличивается за счет внедрения новых технических решений и увеличения численности россиян, для которых «новые медиа» выступают в качестве основного источника информации и канала коммуникации с лидерами общественного мнения. При этом внешние акторы сохраняют ресурсное преимущество в виде доступа к более продвинутым методикам использования Интернет-медиа в качестве ресурса манипулирования общественным мнением. Данная ситуация обусловлена не только тем, что внешние игроки контролируют основные площадки, используемые россиянами для коммуникации и поиска развлекательного контента. Они также располагают большим опытом работы с общественным мнением в социальных медиа (в силу того, что гораздо раньше приступили к изучению соответствующих процессов). Ими успешно абсорбируется и популяризируется на уровне государственных структур опыт манипулятивных операций, организуемых коммерческими структурами. Преимущество в технологическом развитии позволяет внешним акторам использовать решения, недоступные и незнакомые их российским оппонентам. Как следствие, возникает существенный временной лаг между моментом внедрения нового метода осуществления информационной агрессии и появлением инструментария, позволяющего эффективно противодействовать ему. Доминирование в сфере производства

развлекательного контента позволяет противникам РФ не только успешно наращивать объем своей «мягкой силы» (в первую очередь – среди молодежной аудитории), но и продвигать политически «заряженные» символы, смыслы и ценности в ненавязчивой форме. Сохранение текущего положения вещей чревато существенным усилением ресурсной асимметрии между РФ и ее внешними противниками уже в среднесрочной перспективе, просто в силу одного лишь увеличения удельной доли граждан, ориентированных преимущественно на потребление Интернет-контента.

Модель противодействия угрозам политической стабильности посредством информационных технологий должна быть выстроена на основе отказа от реактивного реагирования. В ее основу должна быть положена система профилактики рисков и реализации превентивных мер, сочетающаяся с системой разработки новых методов модерации общественного мнения.

Необходимо обеспечить создание в России системы производства конкурентоспособного программного обеспечения и мобильных устройств, добиться вовлечения хотя бы части крупных зарубежных Интернет-компаний в сферу юрисдикции национальных властей РФ, технологически и законодательно гарантировать полноценную защиту персональных данных пользователей и создать собственные технологии обработки Big Data, не уступающие зарубежным аналогам.

Достичь этого можно лишь путем выработки и последовательной реализации комплексной стратегии информационной безопасности, определяющей одновременно развитие государственной политики в таких сферах, как:

- индустриальная политика;
- наука и образование;
- проекты поддержки перспективных программ в IT-отрасли;
- интеграция и усовершенствование инструментов изучения «больших данных»;

- трансформация нормативно-правовой базы борьбы с киберпреступностью и функционирования социальных медиа;

- применение кибероружия и манипулятивных методов против источников внешних и внутренних угроз политической стабильности России.

Стратегия обеспечения политической стабильности государства должна включать в себя, во взаимосвязанном виде, оперативные мероприятия, аналитическую работу, регулярный и всеобъемлющий мониторинг информационного поля, разработку, внедрение и производство оригинального российского ПО и мобильных устройств, законодательная деятельность и спецоперации в кибернетическом пространстве и в области управления общественным мнением.

В силу очевидного неравенства технологических потенциалов Российской Федерации и ее противников на текущий момент, а также активного использования информационными агрессорами откровенно противозаконных практик, методология действий по пресечению угроз политической стабильности не может жестко ограничиваться этическими рамками, в силу чего допустимым представляется в том числе использование таких приемов, как публикация компромата, операции под «ложным флагом», превентивные кибератаки и манипуляции с общественным мнением, в том числе – посредством использования сети формально независимых инфоресурсов. Иной подход к выстраиванию тактики и стратегии неизбежно приведет к появлению у враждебных внешних акторов и радикальных политических группировок внутри страны критически значимого ресурсного преимущества.

Стратегии обеспечения информационной и в целом национальной безопасности должны выстраиваться с учетом того, что политическая стабильность предполагает не сохранение управляющей системы в неизменном состоянии, а ее постоянное адаптирование к меняющейся внешней конъюнктуре, появлению новых угроз и перспектив развития. Структурная устойчивость системы не может быть обеспечена за счет ее

ригидности, поскольку это не гарантирует защиты от внешних энтропийных факторов и накопления внутренних противоречий.

Последнее ставит на повестку дня вопрос о необходимости масштабного обновления кадрового корпуса специалистов в области информационной безопасности, напрямую не связанных с разработкой чисто технологических решений. Необходимо учитывать, что воздействие возрастного фактора и естественной ограниченности личного опыта и круга социальных контактов должны способствовать тому, что некоторые лица, принимающие решения, не могут выйти за пределы традиционной системы координат при оценке ситуации. Как результат, действия вовлеченных в информационное противоборство коллективных акторов могут быть интерпретированы ими ошибочно, а сами субъекты конфликтного процесса стигматизироваться и маргинализироваться без учета политической целесообразности. Более того, оценка их роли в происходящем со стороны лиц, принимающих решения, может носить скорее субъективный характер. Одним из наглядных последствий этого, в частности, является низкий уровень эффективности массовой молодежной политики в сетевом пространстве. Фактически мы наблюдаем ситуацию, когда модерация общественного мнения осуществляется не на основе настроений и специфики восприятия объекта манипуляций. Их подменяют устойчивые (во многом - стереотипные) представления субъекта модерации, отказывающегося учитывать психологический настрой и интересы общности, выступающей в качестве объекта управления. Таким образом, действия модулирующего контура выстраиваются без учета данных обратной связи.

Перспективы дальнейшего развития темы, на наш взгляд, связаны с разработкой нескольких исследовательских направлений. Во-первых, необходимо подвергнуть изучению практики работы с «большими данными» и модерирования общественного мнения, применяемые крупными коммерческими структурами, в первую очередь – в экономически развитых государствах Запада и Восточной Азии. Во-вторых, большую значимость

имеет вопрос о путях совершенствования инструментов стратегического планирования и управления информационными процессами, применяемых в рамках функционирования институтов российского государства. В-третьих, отдельного внимания заслуживает вопрос о путях оптимизации российской массовой культуры в качестве инструмента наращивания «мягкой силы» государства внутри РФ и за ее пределами. Четвертым перспективным направлением развития темы является вопрос о налаживании взаимодействия государства, НКО и бизнеса в рамках организации совместной экспансии в «цифровое пространство» массовой культуры и его суверенизации. Также важно обратить внимание на такой аспект соответствующей проблематики, как использование представителями государства и в целом политического истеблишмента имитационных практик, позволяющих формально изображать присутствие в виртуальном пространстве и работу с сетевыми сообществами. Большую роль также играет вопрос о развитии методов противодействия распространителям фейковой информации и нейтрализации нейросетей, имитирующих массовую активность владельцев аккаунтов за счет контроля над комплексами киберсимулякров. Наконец, необходимо обратить внимание на вопрос об инструментах регулирования рынка «больших данных» и совершенствовании механизмов их безопасности.

Библиография

Официальные документы и нормативные акты

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
2. United States Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime and Terrorism Testimony of Sean J. Edgett Acting General Counsel, Twitter, Inc. October 31, 2017. <https://assets.documentcloud.org/documents/4164788/Twitter-testimony-to-Senate-Judiciary-Committee.pdf>

Научные монографии

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М, 2002.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–90-е гг. М., 1996.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
5. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М., 2006.
6. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
7. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва, 2015.
8. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М., 2004.
9. Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012.
10. Дзялошинский И.М. Экология коммуникаций. Саратов, 2019.
11. Егорова-Гантман Е. В. В тумане войны. Наступательные военные коммуникативные технологии. Самара; М., 2010.

12. Заллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004.
13. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. М., 2007.
14. Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
15. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
16. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI веков. М., 2004.
17. Колесникова Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности. М., 2014.
18. Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М: Центрполиграф, 2014.
19. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека. М., 2007.
21. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003.
22. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М., 1996.
23. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
24. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз или как успешно управлять общественным мнением. М., 2004.
25. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М., 2003.
26. Семченков А.С. Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М., 2016.
27. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М., Институт экономических стратегий, 2016.

28. Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А., Юрасова О.Н. Цифровой протест в провинциальных городах России: структура, дискурс, модели. Пенза, 2021.
29. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
30. Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003.
31. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. М., 1992.
32. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М., 2005.
33. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013.
34. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2012.
35. Шульц Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М., 2018.
36. Ackerman P., Kruegler C. Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century. Westport, CT, 1994.
37. Ackerman P., Merriman H. "The Checklist for Ending Tyranny". Is Authoritarianism Staging a Comeback? Washington, DC, 2015.
38. Adorno T.W. The Culture Industry. Selected Essays on Mass Culture. Routledge Classics: L. & NY, 2001.
39. Bartkowski M. Recovering Nonviolent History: Civil Resistance in Liberation Struggles. Boulder, CO, 2013.
40. Beer M. Civil Resistance Tactics in the 21st Century Washington, DC, 2021.
41. Beyerle Sh. Curtailing Corruption: People Power for Accountability and Justice. Boulder, CO, 2014.
42. Cotteret J.-M. Gouvernant set gouvernes: La communication politique. Paris, 1973.

43. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control, Free Press of Glencoe, 1966.
44. Deutsch K. Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969.
45. Easton D. System Analysis of Political Life. N.J., 1965.
46. Etzioni A. The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes. L., 1968.
47. Goertz G., Starr H. Necessary Conditions: Theory, Methodology and Applications. Oxford: Rowman&Littlefield, 2003.
48. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA), 1996.
49. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 1989.
50. Mathis D., Grace H. Chronicling Civil Resistance. Washington, DC, 2021.
51. Pinckney J. How to Win Well Civil Resistance Breakthroughs and the Path to Democracy. Washington, DC, 2021.
52. The Politics of the Developing Areas. Edited by Gabriel Almond and James S. Coleman. Princeton University Press, 1960.

Научные публикации в периодических печатных научных журналах и сборниках

1. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013). Часть I // Социология Интернет и новых технологий. 2014. № 2. С. 63 – 78.
2. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере

Евромайдана, ноябрь 2013). Часть II // Социология Интернет и новых технологий. 2014. № 3. С. 56 – 74.

3. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Вахромеева А.В. Мемы и социоинженерные атаки в виртуальном пространстве // Труды СПИИРАН. 2013. № 7. С. 88–121.

4. Алейников А.В., Милецкий В.П., Пименов Н.П., Стребков А.И. Феномен "фейк-ньюс" и трансформация информационных стратегий в цифровом обществе // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2019. № 6. С. 1-7.

5. Априянц К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 118-121.

6. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Орлов И.Б., Федорченко С.Н. Профилактика и пресечение межконфессиональных и межнациональных конфликтов на региональном уровне: нормативно-правовая база и механизмы сотрудничества государственных органов и общественных организаций // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 2. С. 1 – 13.

7. Байков С.А. Стратегия коммуникации политической элиты и общества в России в условиях международной конфронтации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3 (67). С. 719-727.

8. Балацкий Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18–25.

9. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2007. № 3. С. 85 – 94.

10. Бондарев В.Г., Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И. От социальной политики к конфликту, от конфликта к социальной политике // Конфликтология. 2015. № 2. С. 76-89.

11. Бородкин Ф.М. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. Т. 6, № 4. С. 107–150.
12. Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 6-13.
13. Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 54-64.
14. Бузовский И.И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. С. 169–176.
15. Восканян А.Г., Почта Ю.М. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 79-97.
16. Гаврилов С.Д. «Новые протесты» как состояние социально - политической реальности в отражении россиян // Прорывные научные исследования как двигатель науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 184-186.
17. Гаврилов С.Д. Публичное пространство протеста в современной российской политике: проблемы и противоречия // Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием. 2019. С. 13-16.
18. Гаврилов С.Д., Макаренко К.М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192-203.
19. Гаврилов С.Д., Морозов С.И. Стратегии коммуникации в публичном политическом пространстве России: от интеграции до протеста // Право и политика. 2021. № 2. С. 25-34.

20. Гаджиев Д.М. Управляемые «цветные революции»: некоторые региональные признаки и особенности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 77-80.

21. Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда-Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163-176.

22. Гасанова В.С. Социальные сети как инструмент управления протестными акциями // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 46-47.

23. Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение "цветные революции"? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 107-121.

24. Грачев Б.В. Устойчивость политических систем стран евразийского экономического союза и кризисы 2020 года. Часть 1. Беларусь // Конфликтология / nota bene. 2020. № 4. С. 19-40.

25. Гуреева А.Н., Самородова Э.В., Бакалюк П.А. Феномен хештег-активизма современной молодежи (на примере общественно-политических событий 2019-2020 гг.) // Меди@льманах. 2021. № 1 (102). С. 26-34.

26. Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 4 (99). С. 59-76.

27. Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 65-86.

28. Дмитриев С.С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 18-25.

29. Дубровский Г.Д. Протестные события 2019 г. в Москве: анализ политических технологий // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. Материалы международной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2020. С. 731-735.

30. Ежов Д.А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 34-37.

31. Емашов Я.И. Американские fake news как угроза для российской федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 314-317.

32. Ершов Н.А., Омерович А.Р., Попов С.И. Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (Часть II: выборы в государственную думу 2021 года. Прогнозы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72). С. 853-858.

33. Ефанова Е.В., Пойлов А.Н. Политическая стабильность России в условиях политической модернизации // European Social Science Journal. 2013. № 2 (30). С. 492-499.

34. Игнатовский Я.Р., Михайличенко Д.Г., Иванов В.Г., Евдокимов Н.А., Пушкина М.А. Протестные настроения в России на фоне европейских государств: анализ кейсов 2017-2019 годов // Przegląd Europejski. 2020. Т. 2020. № 1. С. 199-217.

35. Исаев Б.А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» // Конфликтология. 2014. № 2. С. 43-63.

36. Кандыба Р.А. Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 238-240.

37. Карзубов Д.Н. Мобилизация протестной активности пользователей социальных медиа в России (2011-2017 гг.) // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 244 – 257.

38. Карпович О.Г. «Революция зонтиков» в Гонконге: признаки цветной революции // Политика и общество. 2015. № 4 (124). С. 543-548.
39. Карпович О.Г., Карипов Б.Н., Литвинов В.О. Эволюция протестных настроений в Гонконге: основные уроки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2 (28). С. 71-87.
40. Красильникова М.Д. О методике расчета индекса социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 51 – 59.
41. Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114-116.
42. Куликов Е.М. Слухи-пугала и их социальные последствия в современной России // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 169 – 175.
43. Логунова Л.Ю., Маженина Е.А. Ценности и смыслы ненасилия в политическом протесте // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 4. С. 58-77.
44. Лухманова З.Т. Роль молодежной политики в стабилизации политических режимов // Развитие территорий. 2021. № 2 (24). С. 96-104.
45. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24-28.
46. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 37-45.
47. Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 75-107.
48. Манойло А.В., Попадюк А.Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 285-300.

49. Марин Е.Б. Представление о социальном протесте у молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 62-92.

50. Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Динамика протестных настроений студенческой молодежи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20-35.

51. Медведев Н.П. Современные проблемы достижения политической стабильности: научные подходы и политическая практика // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 41-51.

52. Михайленок О.М. Политическая модернизация и политическая стабильность: российский дискурс // Россия и современный мир. 2012. № 3 (76). С. 47-61.

53. Морозов И.Л. Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции - опыт зарубежных стран и угроза для России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92). С. 12-16.

54. Морозова О.С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. №3. С.104-108.

55. Мтиулишвили П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 55 – 64.

56. Нагорная О.С., Никонова Н.Е. Экологическое лобби в Челябинской области: правовые рамки протеста и инструменты воздействия // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. Т. 1. № 4 (11). С. 80-85.

57. Нагорняк К.И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 60-77.

58. Наумова Е.В. Социальный конфликт как элемент технологии социального управления // Вестник НГУЭУ. 2012. № 4-1. С. 197-206.

59. Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18-30.

60. Ним Е.Г. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 55 – 70.

61. Паничкина Е.В. Протесты в социально-политическом пространстве региона (на примере Кемеровской области) // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 6А. С. 53-63.

62. Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647-663.

63. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, Интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52-72.

64. Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 370 – 376.

65. Прилутская О.А. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления // Вестник ОГУ. 2001. № 4. С. 40–44.

66. Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. глобальный контекст и эквадорский case-study // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 7-43.

67. Пятаков А.Н. Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. 2020. № 6 (99). С. 119-128.

68. Распопов Н.П. Социально-политическая стабильность региона - субъекта РФ // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 89-99.

69. Рогович Т.В. «Антиязык» как социальная форма языка на примере российского протестного дискурса 2011-2012 годов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 199 – 208.

70. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 42-47.

71. Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс» // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 5 (33). С. 23-30.

72. Салицкий А.И., Виноградов А.В. Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 135-150.

73. Сарабьев А.В. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 164-192.

74. Синельникова Л.Н. Информационная война Ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95 – 101.

75. Смирнов Д.Н. Реализация средств делигитимации в ходе «оранжевой революции» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т.7. № 5. С. 171 – 177.

76. Соколов В.А., Загребин В.В. Социальный протест в контексте российского региона (на материалах Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 2 (18). С. 146-157.

77. Соколова А.О., Смирнов Р.О. Медиатизация политических конфликтов на примере московских протестов 2019 г. // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира. Материалы Третьего Санкт-

Петербургского международного конгресса конфликтологов. СПб., 2019. С. 345-348.

78. Старцев А.В. Роль политических и экономических факторов в сохранении стабильности политической системы современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 113-117.

79. Стукал Д.К., Беленков В.Е., Филиппов И.Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 46-75.

80. Сулейманова Ш.С. Роль средств массовой информации и новых медиа в межнациональных и межконфессиональных конфликтах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 3 (42). С. 178-190.

81. Сухов А.Н. Последствия деструктивных социальных конфликтов: историко-практический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 323-326.

82. Тарусин М.А. Наши протесты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4. С. 188 – 191.

83. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.

84. Усова А.Н. Роль социальной стратификации в социально-политическом конфликте в современной России // Конфликтология. 2013. № 3. С. 220-226.

85. Ушкин С.Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8. С. 138 – 142.

86. Хабекирова З.С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 138 – 144.

87. Халитов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. Проблема идентичности в возникновении и предупреждении межконфессиональных и межэтнических конфликтов // Казанский педагогический журнал. 2014. № 4 (105). С. 148-155.

88. Целищев Н.Н. Межнациональные конфликты и национальная безопасность России (к совещанию ШОС в Екатеринбурге в июне 2009 г.) // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Т. 62. № 1-2. С. 7-20.

89. Чельшева С.Д., Эльтикова Е.А. Социальные сети как инструмент политических манипуляций // Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов. Сборник статей Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 40-43.

90. Черкасская Г.В. Систематизация конфликтов в социально-экономических системах в контексте теории управления социальными конфликтами // Экономика нового мира. 2017. № 4 (8). С. 4-25.

91. Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83-98.

92. Шаматонова Г.Л., Майоров В.О. Экологические протесты как форма проявления гражданской активности // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 200-207.

93. Шангутов О.А., Шангутов А.О. Превентивная идентификация районов социальной напряженности // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 1. С. 101-122.

94. Шарафулин М.М. Межнациональные конфликты: причины, типология, пути решения // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 64-73.

95. Шатилов А.Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI века // Власть. 2014. № 7. С. 56 – 58.

96. Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 88-109.

97. Шестак Л.А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс // Cross - Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 194-199.

98. Шуваев Д.И. Гражданское общество и обеспечение стабильности в государстве: взаимосвязь и взаимовлияние (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 16-18.

99. Шульга Н. В. Мифотворчество в средствах массовой информации // Концепт. 2013. № 3. С. 1 – 10.

100. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 19 (256). С. 46-54.

101. Щупленков О.В. Методологические аспекты национальной безопасности России // НВ: Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 60-110.

102. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948.

Научные публикации в периодических электронных научных журналах

1. Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 148-178.

2. Соловьев А.С. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник, 2003. №1. С. 1 – 9.

3. Степанов А.А. "Молодая гвардия Единой России" в общественно-политической жизни РФ 2000-2013 годов Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 91 – 111.

Диссертации и авторефераты

1. Алексеев О.Ю. Роль политических коммуникации в легитимации российской власти в условиях современного демократического транзита: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2009. 168 с.

2. Арямова А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016. 195 с.

3. Бойко С. И. Механизмы обеспечения политической стабильности: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2006. 154 с.

4. Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 10.01.10. СПб., 2009. 360 с.

5. Демчук А.Л. Политика регулирования экологических конфликтов: концептуальные основы и национальные модели: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.06. М., 2020. 565 с.

6. Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016. 159 с.

7. Кинаш Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах (на примере «Арабской весны» и Ливии): диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.06. М., 2017. 169 с.

8. Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития

переходных обществ: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.02. СПб., 2010. 466 с.

9. Ланге О.В. Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.01. СПб., 2015. 173 с.

10. Ласария А.О Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сравнительный анализ: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2018. 201 с.

11. Нешков С.В. Массовые агитационно-пропагандистские материалы политических протестных акций 2017 г. в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Том 11. № 4(73). С. 1181-1190.

12. Нешков С.В. Образ будущего как средство дестабилизации внутриполитической ситуации в современной России // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 5. С. 1435-1438.

13. Нешков С.В. Причины вовлечения молодежи в процесс дестабилизации внутриполитической ситуации в России // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 4 (68). С. 1169-1173.

14. Пономарев Н.А., Нешков С.В. Видеоигра “People Power” как средство подготовки организаторов кампании ненасильственной борьбы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 4, с. 99-111.

15. Пономарев Н.А., Балтодано У.А.С, Нешков С.В., Майлис А.А. Организация инфраструктуры протестных акций (на материалах Евромайдана) // Информационные войны. 2018. № 2 (46). С. 51-56.

16. Савин С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: диссертация на соискание степени кандидата социологических наук: 23.00.02. СПб., 2003. 195 с.

17. Сажнов А.Н. Особенности политического участия неправительственных организаций в современной России: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016. 155 с.

18. Сдельников В.А. Технологии формирования негативного имиджа России: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2018. 185 с.

19. Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: диссертация на соискание степени доктора политических наук: 23.00.02.. М., 2012. 304 с.

20. Пушкина М.А. Опыт диагностики психолого-политической стабильности: (на материалах г. Санкт-Петербург, 2004-2005 гг.): диссертация на соискание степени кандидата психологических наук: 19.00.12. СПб., 2006. 170 с.

21. Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2017. 166 с.

22. Цуренков Н.В. Политическая стабильность Российского государства и ее влияние на пограничную безопасность: диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2015. 166 с.

Публикации из сети Интернет

1. Аудитория интернета в России. <https://webindex.mediascope.net/>
2. Аудитория TikTok в России достигла 18 млн. пользователей. <https://ruvod.com/auditoriya-tiktok-v-rossii-dostigla-18-mln-polzovatelej/>.
3. В МГУ пройдут «Первые Скрипальские чтения». <https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/173347/>.
4. Волнения в Магасе: полиция молится вместе с протестующими. <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/289619-volneniya-v-magase-politsiya-molitsya-vmeste-s-protestuyuschimi/>.
5. Депутаты сообщили о срыве голосования за изменение границ Ингушетии. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/326211/>.

6. Десять фактов, доказывающих, что Facebook — инструмент западных спецслужб. <https://riafan.ru/1223939-desyat-faktov-dokazyvayushikh-cto-facebook-instrument-zapadnykh-specsluzhb>.

7. Деятельность государственных институтов. https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/.

а. Зарплаты россиян в период коронавируса. Март — май 2020 г. <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/potrebactivm-m.pdf>.

8. Как люди отстояли гору Куштау / Редакция. <https://www.youtube.com/watch?v=CnEq0dLW-uU>.

9. Кампания гражданской солидарности против «Флай-авто» (бренд «Просто Прокат»). <https://t.me/mskmit/7186>.

10. Компания Facebook удалила фальшивые аккаунты из РФ и Украины, в которых критиковалась украинская власть. <https://gordonua.com/news/worldnews/kompaniya-facebook-nakanune-vyborov-v-radu-udalila-falshivye-akkaunty-iz-rf-i-ukrainy-v-kotoryh-kritikovalas-ukrainskaya-vlast-1143248.html>.

11. Куратор Twitter по Ближнему Востоку – сотрудник британской военной разведки. <http://realtribune.ru/news/news/2816>.

12. Куштау. Протесты 16 августа. <https://www.youtube.com/watch?v=A6UDuj4pnAI>.

13. Министерство обороны Украины разработало несколько штабов дезинформации в Сети. <https://cont.ws/@shumakova.nyusha/1712435>.

14. Московский суд оштрафовал Twitter на 3 тысячи. <https://rg.ru/2019/04/07/reg-cfo/moskovskij-sud-oshtrafoval-twitter-na-3-tysiachi.html>.

15. Народный гимн в поддержку Сергея Фургала. <https://www.youtube.com/watch?v=INdA-9zQvKI>.

16. Неизвестные в защитных костюмах под предлогом проверки

помещений обворовывают их. <https://coronafake.ru/fakes/neizvestnye-v-zashhitnyx-kostyumax-pod-predlogom-proverki-pomeshhenij-obvorovyvayut-ix>.

17. Память о Сталине: за и против. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

а. Победа под Куштау // Документальный фильм. <https://www.youtube.com/watch?v=Co0J9ldtJBw>.

18. Протесты в Куштау. Новый Шиес? https://www.youtube.com/watch?v=WjgAv_vz5pQ.

19. Распыление с вертолетов отравляющих веществ. <https://coronafake.ru/fakes/raspylenie-s-vertoletov-otravlyayushhix-veshhestv>.

20. Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии.

<https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb>.

21. Роскомнадзор завел административное дело против Twitter и Facebook. <https://rtvi.com/news/roskomnadzor-zavel-administrativnoe-delo-protiv-twitter-i-facebook/>.

22. Роскомнадзор против Twitter и Facebook. Краткая история противостояния. <https://rtvi.com/stories/roskomnadzor-protiv-twitter-i-facebook/>.

23. Роскомнадзор: Google, Facebook и Twitter должны зарегистрироваться. <https://iz.ru/news/577214>.

24. Россия через 20 лет и личные планы на будущее. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241>.

25. Рынок труда под натиском коронавируса. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf>.

26. Семь главных фейков о “Зимней вишне” – обзор. <https://vashgorod.ru/news/104500>.

27. СК не возбуждал дела против девочки из Волоколамска, "угрожавшей" губернатору. <https://tass.ru/proisshestviya/5065878>.

27. Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем. <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>.

29. Смертельные прививки от коронавируса.
<https://coronafake.ru/fakes/smertelnye-privivki-ot-koronavirusa>.
30. СМИ: ТВ и интернет. <https://fom.ru/SMI-i-internet/14258>
31. Смотреть всем! Эта песня заставит Вас плакать! Клип - Сергей Фургал! Хабаровск сегодня \ Хабаровск.
<https://www.youtube.com/watch?v=y7YT6r2U22I>.
32. Советский Союз. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/24/ussr/> (дата обращения: 07.07.2020).
33. Сталинские репрессии: преступление или наказание?
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301>.
34. Стоп-храм. Где кроме Екатеринбурга протестуют против строительства церквей? <https://www.bbc.com/russian/features-48355231>.
35. ТОП-10 американских НКО, занимающихся вмешательством в политическую жизнь других стран. <https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/05/ТОП-10-SSHA-NKO.pdf>.
36. ТОП-10 грантовых систем США для зарубежных политических и общественных организаций. <https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/05/ТОП-10-GRANTY-SSHA.pdf>.
35. ТОП-10 штрафов и взысканий, наложенных на Интернет-компании.
<https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/04/ТОП-10-shtrafov.pdf>.
37. ТОП-11 случаев цензуры в социальных сетях.
<https://fznc.world/%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/top-11-sluchaev-tsenzury-v-sotsialnyh-setyah/>.
38. ТОП-15 случаев утечек персональных данных. https://fznc.world/wp-content/uploads/2019/03/Top_15_sluchaev_utechki_personalnyh_-dannyh.-Redaktsiya-18.03.2019.pdf.
39. ТОП-20 каналов в YouTube - май 2020.
<https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>
40. ТОП-20 микроблогов в Twitter - май 2020

<https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/twitter/7484/>

41. ТОП-30 политических каналов Telegram по просмотрам - май 2020.

<https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/7505/>

42. Хабаровск, Ты не один!

<https://www.youtube.com/watch?v=lzCrU8ymzB0>.

43. Центра анализа доходов населения ВШЭ, удельная доля бедных в структуре населения России в апреле – мае 2020 г. увеличилась с 12,6% до 16–17%. <https://www.kommersant.ru/doc/4424235>.

44. Штраф за шутки про коронавирус. <https://coronafake.ru/fakes/shtraf-za-shutki-pro-koronavirus>.

45. Штрафы за нахождение несовершеннолетних на улице <https://coronafake.ru/fakes/shtrafy-za-nahozhdenie-nesovershennoletnix-na-ulice>.

46. Я/Мы Сергей Фургал - народная песня народному губернатору. <https://www.youtube.com/watch?v=AKk1Sd-xwXQ>.

47. Facebook заблокировал 58 аккаунтов за возможную связь с Ираном. <https://www.mk.ru/social/2019/05/29/facebook-zablokiroval-58-akkauntov-za-vozmozhnuyu-svyaz-s-iranom.html>

48. Facebook на iPhone тайно включает камеру: баг или слежка. https://www.iguides.ru/main/security/facebook_dlya_iphone_tayno_vklyuchaet_kameru_bag_ili_slezhka/.

49. Facebook CEO Mark Zuckerberg pushes back against claims of anti-conservative censorship. <https://www.cnet.com/news/facebook-ceo-mark-zuckerberg-pushes-back-against-claims-of-conservative-censorship/>

50. Google и Facebook следят за пользователями порносайтов. <https://inforeactor.ru/244452-google-i-facebook-sledyat-za-polzovatelayami-pornosaitov>.

51. Guf просит прощения за клип про Москву с Тимати. <https://www.youtube.com/watch?v=UvgRRF1ooHE>.

52. Noize MC - Пусть они умрут (03.08.2019) | Леха | Про космонавта. <https://www.youtube.com/watch?v=INyQv8tfZNE>.

<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>

54. About Us. <https://securingdemocracy.gmfus.org/about-us/#mission>.

55. Advisory Council. <https://securingdemocracy.gmfus.org/about-us/advisory-council/>.

56. BadComedian. <https://www.youtube.com/user/TheBadComedian>

57. Dmitry Puchkov. <https://www.youtube.com/user/Fletcher2008>

58. GCHQ leak lists UK cyber-spies' hacking tools. <https://www.bbc.com/news/technology-28306819>.

59. Hamilton 2.0 – Analysis 3 – Why the Jeffrey Epstein saga was the Russian government-funded media's top story of 2019. <https://securingdemocracy.gmfus.org/hamilton-2-0-analysis-3-why-the-jeffrey-epstein-saga-was-the-russian-government-funded-medias-top-story-of-2019/>.

60. Hong Kong protests: Twitter and Facebook crack down on "deceptive" accounts linked to China. <https://www.cbsnews.com/news/hong-kong-protests-twitter-facebook-crack-down-on-deceptive-accounts-linked-to-china/>.

61. In May, I predicted that backdoors in WhatsApp would keep getting discovered, and one serious security issue would follow another, as it did in the past. <https://t.me/durov/109>.

62. Les éditeurs de presse en ligne se répartissent 20 millions d'euros d'aides. URL: https://www.lemonde.fr/actualite-medias/article/2009/12/30/les-editeurs-de-presse-en-ligne-se-repartissent-20-millions-d-euros-d-aides_1285932_3236.html.

63. NED Grant Search - National Endowment for Democracy/ <https://www.ned.org/wp-content/themes/ned/search/grant-search.php/>.

64. Our Work. <https://securingdemocracy.gmfus.org/our-work/>.

65. Social media - Statistics & Facts. <https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/>.

66. The Encryption Debate Is Over - Dead At The Hands Of Facebook. <https://www.forbes.com/sites/kalevleertaru/2019/07/26/the-encryption-debate-is-over-dead-at-the-hands-of-facebook/#48920b215362>.

67. Top Twitter Demographics That Matter to Social Media Marketers.
<https://blog.hootsuite.com/twitter-demographics/>.

68. Twitter Exec Censors #WhichHillary in advance of Sunday Fundraiser,
Key Primaries.
<https://web.archive.org/web/20160226190742/http://www.dailykos.com/story/2016/2/26/1491618/-Twitter-Exec-Censors-WhichHillary-in-advance-of-Sunday-Fundraiser-Key-Primaries>.